

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 24

**МАКС ПРЕСС
Москва
2003**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2003. —
Вып. 24. — 144 с.

ISBN 5-317-00709-7

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуск 23 – в 2003 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00709-7

© Авторы статей, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Воркачев С.Г.</i> Концепт как «зонтиковый» термин	5
<i>Желтухина М.Р.</i> Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание — воздействие — суггестивность	13
<i>Бордюговский М.Ю.</i> Понимание письменного сообщения как познавательно-интерпретирующая деятельность реципиента	29
<i>Владислава Жданова</i> «Русскость» в свете лингвистического эксперимента	39
<i>Воркачев С.Г.</i> Права человека в русской и латинской афористике и паремиологии: концепт «правосудие/справедливость»	50
<i>Тананина А.В.</i> От любви до ненависти (опыт концептуального анализа)	54

ЛИНГВИСТИКА

<i>Дечева С.В., Аниховская Т.В.</i> К вопросу об английском языке Би- Би-Си в свете современных произносительных тенденций	61
<i>Сэсэгма Будажапова</i> Модификации и функции нетерминальных тонов в английской речи	71
<i>Изотова А.А.</i> Обыгрывание «устойчивых метафор» в произведениях Агаты Кристи	80
<i>Рассошенко Ж. В.</i> К вопросу об определении дискурса в современной лингвистике	86
<i>Фомина И.</i> Проблемы перевода англоязычных политических терминов: выбор эквивалента	98

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Давыдов В.М., Давыдов М.В.* Музыкальность и подтекст в произведениях А.П. Чехова101
- Москвин Г. В.* «... но где же Спаситель?» (к вопросу о библейских и литературных источниках одной фразы Печорина в «Тамани»)121

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Виноградова Е.Н., Ларкина М. А.* Лингвометодические основы создания профессионально ориентированного пособия по русскому языку для иностранных студентов факультетов психологии129
- Виноградова Е.Н., Ларкина М. А.* Специфика формирования языкового компонента коммуникативной компетенции при обучении иностранных студентов-психологов138

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Концепт как «зонтиковый» термин

© доктор филологических наук С. Г. Воркачев, 2003

Пролиферация лингвистических теорий и лингвистической терминологии связана в значительной мере с возвращением языкознания в лоно антропоцентризма, с персонализацией субъекта лингвистического познания, а также с изменением отношения к плюрализму мнений в науке, в котором теперь начинает усматриваться творческое начало и источник поступательного движения (см.: [Гак 1998: 13–15]).

На очередном витке спирали, по которой движется в своем развитии гуманитарное знание, и в ходе очередной «эпистемической революции» российская лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории.

Возникшая потребность породила появление целого ряда соперничающих номинативных единиц, общим для которых было стремление «отразить в понятиях» неуловимый «дух народа» – этническую специфику представления языковых знаний. В конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов прошлого века столкнулись «концепт» (см. [Арутюнова 1993; Лихачев 1993; Степанов 1997, Ляпин 1997: 40–76; Нерознак 1998] и др.), «лингвокультурема» [Воробьев 1997: 44–56], «мифологема» [Базылев 2000: 130–134], «лого-эпистема» [Верещагин–Костомаров 1999: 70; Костомаров–Бурвикова 2000: 28; 2001: 32–65], однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования.

Жизнестойкость «концепта», как представляется, не в последнюю очередь объясняется естественностью его вторичной терминологизации, возможность которой уже была заложена в лексической системе русского языка, где он выступал синонимом «понятию», этимологически воспроизводившему его «внутреннюю форму». Любопытно отметить, что в соответствии с одним из существующих на сегодняшний день критериев [Нерознак 1998: 85] концепт является «концептом» как раз в

силу того, что он не находит однословных эквивалентов при переводе на другие языки и не соответствует содержанию своей производящей основы *concept(us)*. Языкотворчество здесь пошло по пути наименьшего сопротивления лексического материала и проложило словообразовательную тропинку так, как прокладывают дорожки в «английском парке»: там, где ходят.

Как и термин «когнитивные науки» [Кубрякова 1994: 35], объединяющий дисциплины, изучающие «язык мысли», термин «концепт» является зонтиковым, он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [Кубрякова 1996: 58], а также лингвокультурологии, определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями. Однако ментальные объекты, к которым отправляет имя «концепт», не обладают общим специфическим родовым признаком (принадлежность к области идеального – это свойство все тех же значения и смысла, идеи и мысли, понятия и представления, образа и гештальта и проч.) и находятся скорее в отношениях «семейного сходства», подобного отношениям номинатов имени «игра», где «мы видим сложную сеть сходств, переплетающихся и пересекающихся» [Витгенштейн 1994: 11]. Можно допустить, что, подобно множеству в математике, концепт в когнитологии – базовая аксиоматическая категория, неопределяемая и принимаемая интуитивно, гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др. [Бабушкин 1996: 19-27; Стернин 1998: 24-27; Попова-Стернин 2001: 72-74].

При любом понимании концепт как операционная единица мысли – это способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задаётся самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но и создает его.

Лингвистическая концептология имеет смысл как самостоятельная научная дисциплина в той мере, в которой она исследует содержательные свойства языковых, двуплановых единиц, как бы широко эти планы ни были разведены, от идиосимвола универсального предметного кода до лексико-грамматического поля.

Различия в подходах к концепту когнитивной семантики и лингвокультурологии в достаточной степени условны и связаны не столько с общими задачами этих дисциплин – типологией и моделированием представления знаний в языке [Баранов-Добровольский 1997:11-14;

Михальчук 1997: 29] – сколько с техникой выделения объекта исследования и методикой его описания.

Объектная база концепта в лингвокогнитологии предельно широка: в неё входят все типы лексических и грамматических значений единиц кодифицированного естественного языка, поддающиеся описанию в терминах, разработанных для представления знаний, элементами которого являются фреймы, сценарии, модели и пр. [Баранов–Добровольский 1997: 14]. В то же самое время интерес лингвокогнитологов не ограничивается национальной концептосферой и достигает концептуальной области невербальных идиосимволов универсального предметного кода [Попова–Стернин 2001: 36].

Вполне допуская возможность существования невербализованных концептов, лингвокогнитология занимается типологией вербализации смыслов, где лингвистически значимыми оказываются даже лакуны [Стернин 1998: 26-28].

Лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений. В тенденции они ориентированы на семасиологический вектор: от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации).

Успешно работая с относительно несложными семантическими единицами, элементы которых жестко структурированы, лингвокогнитология сталкивается с трудностями при моделировании многокомпонентных ментальных объектов, обозначаемых абстрактными именами – «калейдоскопических концептов», таких как «долг», «порядочность», «совесть», которым приписывается свойство «текучести» [Бабушкин 1996: 63-67]. Эти концепты имеют нежесткую структуру, в силу чего их «структурное моделирование в принципе невозможно» [Стернин 2000: 15]. Кроме того, концепты высшего уровня сопротивляются типологизации по причине своей индивидуализированности – такие концепты телеологической направленности, как «счастье» и «любовь», например, не поддаются описанию в рамках однотипной матрицы.

Лингвокультурология исследует соотношение языка и культуры, проявляющееся в способах языкового выражения этнического менталитета [Телия 1999; Снитко 1999: 7; Красных 2002: 12 и др.]. Тем самым интерес лингвокультурологов фокусируется на изучении специфического в составе ментальных единиц и направлен на накопительное и систематизирующее описание отличительных семантических признаков конкретных культурных концептов. Опять же в тенденции, лингвокультурологические исследования ориентированы скорее ономазиологически и идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов.

Наибольший разброс и рассогласованность («игривость») в понимании сущности и смысла концепта наблюдается как раз в лингвокультурологии, что связано, очевидно, с неопределенностью производящего термина «культура» (см. обзор точек зрения на культуру в: [Степанов 1997: 13-17; Маслова 2001: 12-18]), которым можно обозначать, в принципе, любые артефакты – все, что не является природой, в том числе с определенными оговорками науку и язык, и тогда можно прийти к тому, что «не-культурных концептов» в языке нет вообще, что ставит под сомнение правомерность выделения самой лингвокультурологии в отдельную научную дисциплину.

Практически общепризнанно, что культурный концепт – многомерное ментальное образование [Ляпин 1997: 18; Степанов 1997: 41; Воркачев 2002: 80; Карасик 2002: 129], в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих (слоев, измерений и пр.). Разногласия здесь касаются в основном количества и характера семантических компонентов: «дискретная целостность» концепта образуется взаимодействием «понятия», «образа» и «действия» [Ляпин 1997: 18]; в нем выделяется понятийная сторона и «все, что делает его фактом культуры» – этимология, современные ассоциации, оценки [Степанов 1997: 41]; «ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 129]; понятийная составляющая, отражающая признаковую и дефиниционную структуру концепта, образная составляющая, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, и значимостная составляющая, определяемая местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [Воркачев 2002: 80]. Многомерность культурного концепта соотносима с его сложностью, внутренней расчлененностью, что обуславливает получение статуса культурного концепта для семантически неразложимых ментальных образований погружением в культурно-языковую среду: оператор логики оценок «безразлично» в языке с приобретением аксиологических коннотаций и образных ассоциаций становится концептом «равнодушие/апатия».

Эксплицитно либо имплицитно концепт – всегда объект сопоставительного анализа, подразумевающего сравнение: внутриязыковое, когда сопоставляются облик и функционирование концепта в различных «областях бытования» – дискурсах (научном, политическом, религиозном, поэтическом и пр.) и сферах сознания, межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков.

Как и любое сопоставительное исследование, изучение концептов направлено преимущественно на выявление отличительных черт своего объекта: установление его этнокультурной специфики, которая понимается по-разному. В качестве этноспецифичного может приниматься признак, положенный в основу номинации – внутренняя форма имени

[Карасик 2002: 149], в реализации которого наблюдается серийность, массовидность. Этноспецифичность может усматриваться в стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике концепта (см.: [Добровольский 1997: 37, 42]). Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления дает основания рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как общей совокупности черт национально-го характера.

Кванторизация культурных концептов – их деление на универсальные и идиоэтнические [Вежицкая 1999: 291-293; Алефиренко 2002: 259-261] в достаточной мере условна, поскольку идиоэтничность частично присутствует и в концептах-универсалиях, отличающихся от одного языкового сознания к другому своим периферийным семантическим составом и способами его иерархической организации.

Концепт – многомерная интегрирующая эвристическая категория, в нем выделяются, как можно было увидеть, преимущественно три разнородных составляющих, из которых, однако, по сути, чаще всего лишь одной приписывается определяющее начало.

Конституирующим в семантике концепта может быть понятие, которое «мерцает в его глубине» [Ляпин 1997: 27]. Описать понятийную составляющую концепта классически, через перечисление дефиниционных признаков оказывается невозможным, и тогда её толкуют апофатически, через отрицание (см.: [Степанов 1997: 76; Колесов 2002: 64]): это то в содержании концепта, что не является образным, не связано с местом имени концепта в лексической системе языка и пр. Понятийную составляющую культурного концепта образуют разнотипные семантические признаки: дефиниционные/дистинктивные, отличающие его от смежных концептов; эссенциальные/сущностные, формирующие его концептуальные «фацеты»; имплицативные, выводимые из дефиниционных; энциклопедические – дефиниционно избыточные и пр. (см.: [Воркачев 1995: 57; 2001: 49-50]).

Определяющим в семантике культурного концепта может считаться ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей.

Включение в состав концепта образной составляющей [Воркачев 2001: 54-57] (типового представления, гештальта, прототипа, стереотипа, символа и пр.) – это как раз то, что выгодно отличает его от понятия, лишённого наглядности. Более того, «вещные коннотации», отраженные в несвободной сочетаемости имени концепта, могут как раз раскрывать его этнокультурную специфику [Чернейко 1997: 285]. Воплощая концепт в слове, образная составляющая в ходе становления концепта может «сублимироваться» до символа [Колесов 2002: 107].

Специфическую черту лингвокультурного концепта может также составлять его включенность в «вертикальный контекст», формирующий его прецедентные свойства, – способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума (см.: [Гудков 1999; Слышкин 2000]).

И, наконец, определяющим в тройке «измерений» концепта может быть номинативное, собственно лингвокультурологическое, связанное с его вербализацией в конкретном естественном языке и ориентированное на «тело знака» – имя концепта, слово, его воплощающее.

Формальной характеристикой культурного концепта, поддающейся статистическому учету, является так называемая «номинативная плотность» [Карасик 2002: 133] – наличие в языке целого ряда одно- или разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании [Карасик 2002: 139]. Другим проявлением релевантности содержания культурного концепта можно считать его «переживаемость» [Степанов 1997: 41]: способность при попадании в фокус сознания интенсифицировать духовную жизнь человека.

Синонимические средства, образующие план выражения лингвокультурного концепта, кластеризуются и упорядочиваются частотно и функционально. Внутри семантических гнезд выделяются концепты разного плана значимости, и здесь особый интерес для лингвокультурологического исследования представляют парные концепты – «семантические дублиеты»: «счастье-блаженство», «любовь-милость», «справедливость-правда», «свобода-воля», «честь-достоинство» и пр., где этноспецифическая маркированность закреплена преимущественно за вторыми членами пары.

В основу типологии лингвокультурных концептов может быть положен также уровень абстракции их имен: если имена отприродных реалий к концептам никогда не отправляют, то имена предметных артефактов, обрастая этнокультурными коннотациями, в принципе, могут образовывать «знаковое тело» культурного концепта (см.: [Карасик 2002: 145]).

Однако культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания.

В принципе, абеляровскую традицию в трактовке концепта продолжает подход к культурным концептам как к обыденным аналогам философских, главным образом этических категорий [Арутюнова 1993],

с той, может быть, оговоркой, что для средневековых концептуалистов имя концепта связывалось исключительно с латинским языком. Однако в качестве концептов этого типа могут рассматриваться также универсальные, наличествующие в любой этнокультуре онтологические, гносеологические и семиотические и, вероятно, другие категории, в той или иной форме входящие в «обыденное сознание».

Ближе всего к концептам-духовным сущностям стоят «эмоциональные концепты» (см.: [Красавский 2001]), воплощающие субъективность и занимающие промежуточное положение между предметной (наблюдаемой) и абстрактной (метафизической) областями [Чернейко 1997: 111].

Очевидно, можно утверждать, что «(лингво/культурный) концепт» представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности – он принадлежит к инструментарию научного исследования – так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» – рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же «духовной реальности».

Оставаясь протермином вне контекста конкретной научно парадигмы (теории), он «накрывает» идеальные сущности, общим для которых является лишь «не-материальность» – принадлежность к области субъективного.

Л и т е р а т у р а

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
2. *Арутюнова Н. Д.* Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 3–7.
3. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
4. *Базылев В. Н.* Мифологема скуки в русской культуре // RES LINGUISTICA. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М., 2000. С. 130–147.
5. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56, № 1. С. 11–21.
6. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
7. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповедческих тактик. М., 1999.
8. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
9. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН. 1995. № 3. С. 56–66.
10. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // ИАН СЛЯ. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
11. *Воркачев С. Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
12. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.

13. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
14. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
15. *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // ВЯ. 1997. № 6. С. 37–48.
16. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
17. *Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
18. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000. С. 23–36.
19. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001.
20. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
21. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
22. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. С. 34–47.
23. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
24. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
25. *Ляпин С. Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997. С. 11–35.
26. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
27. *Михальчук И. П.* Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56, № 4. С. 29–39.
28. *Нерознак В. П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80–85.
29. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
30. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
31. *Снитко Т. Н.* Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
32. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
33. *Стернин И. А.* Национальная специфика мышления и проблема лакунарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998. С. 22–31.
34. *Стернин И. А.* Может ли лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика: Материалы 2-ой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 13–17.
35. *Телия В. Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы 2-й международной конференции. Ч. 3. Тамбов, 1999. С. 14–15.
36. *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание — воздействие — суггестивность

© кандидат филологических наук М. Р. Желтухина, 2003

В современной психолингвистике остается дискуссионной проблема языкового сознания и воздействия на него, статуса языкового сознания в когнитивном пространстве. Процесс формирования языкового и неязыкового сознания лежит в основе процессов формирования общения и возможен лишь в общении [Уфимцева, 1993: 59]. Существуют различные классификации сознания, его виды и формы в зависимости от критерия дифференциации, как, например, *предмет мыслительной деятельности, сфера приложения сознания* (политическое, научное, религиозное, экологическое, бытовое, классовое, эстетическое, экономическое и др.), *принадлежность субъекту* (гендерное, возрастное, социальное (профессиональное, гуманитарное, техническое), личное, групповое, общественное и др.), *степень сформированности* (развитое, неразвитое), *принцип, лежащий в основе сознания* (глобальное, демократическое, консервативное, прогрессивное, реакционное и др.), *навык, вид интеллектуальной деятельности, обеспечиваемый сознанием* (креативное, техническое, эвристическое, художественное и др.) [Стернин, 2002: 45-46]. Используемые в лингвистической литературе термины «языковое», «коммуникативное», «когнитивное» сознание задают определенные парадигмы исследования феномена сознания. Основываясь на выделении многообразия видов сознания, можно вывести его основные функции:

- *когнитивная*, выражающая потребность человека и общества в отражении и уточнении индивидуальных, групповых и общественных интересов;
- *идеологическая*, характеризующая потребность в защите интересов личности, группы или общества в целом;
- *коммуникативная*, обеспечивающая взаимодействие субъектов между собой и соответствующими институтами;
- *языковая*, определяющая механизм порождения, восприятия и хранения языковой информации;
- *прогностическая*, выражающая способность человека к гипотетической оценке возможного развития процессов;
- *воспитательная*, задающая активность людей, желательную для общества или группы направленность, соответствующую тем или иным идеалам класса, нации, государства.

Понимание сознания как мыслительной способности воспроизве-

дения действительности делает его одним из основных понятий философии, психологии, социологии, политологии, лингвистики и других наук. Психолингвистика пытается ответить на вопрос, как человек порождает, воспринимает, хранит в сознании язык, т.е. рассматривает язык не столько как систему единиц и правил, сколько как механизм сознания, иначе говоря, изучает языковое сознание.

Язык как продукт ментальной деятельности и средство общения человека, отражает его физиологическую и психологическую специфику, различные стороны его жизнедеятельности, среду обитания и восприятие бытия. К основным функциям языка относятся *отражение и построение модели мира, опыта* (мышление, рассуждение, фантазирование, пересказ, репрезентация восприятия мира) и *передача модели мира, опыта* (беседа, обсуждение, письмо, выступление с докладом, лекцией, пение) [Bandler & Grinder, 1975]. Исходя из видения языка как семиотической системы, системы значений, существующих в предметной и вербальной форме, языковое сознание определяется как сознание, опосредованное значениями, что сопоставимо с психологическим понятием образа мира. Индивидуальная мыслительная деятельность субъекта, оперирующего образами сознания, протекает в знаковой форме (языковых образов и зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, моторных образов) [Жинкин, 1964]. При этом, понятие «образ мира», будучи результатом прошлого определенного народа [Уфимцева, 1996: 161] и отображением предметной действительности, опосредовано предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, поддается сознательной рефлексии, но не тождественно понятиям «языковая картина мира» и «когнитивная картина мира» [Леонтьев, 1993: 18]. При сходстве формальной структуры ядра языкового сознания у носителей разных языков проявляются различные «образы мира» [Уфимцева, 1996: 160], так как в основе мировоззрения каждого народа лежит определенная система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем [Леонтьев, 1993: 20]. Этническая обусловленность формирования и формулирования мысли [Зимняя, 1993: 56] часто не осознаваема, поскольку система сознания определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, т. е. принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 1998; Уфимцева, 1996: 161]. Итак, в языке с помощью текстов фиксируется модель (образ) мира, т. е. языковой знак соотносится с действительностью, отражая ее в сознании [Тураева, 1994: 105; Ломтев, 1979: 19; Вежбицкая, 1996: 291-292]. Тем самым, между реальной ситуацией и отражающим ее высказыванием отмечается промежуточный этап членения действительности, связанного с тезаурусом [Шрейдер, 1980: 46-48], для

специфических целей [Шахнарович, Юрьева, 1990: 21]. Исследователи отмечают также глубину [Леонтьев, 1993: 18] и многоуровневость сознания [Вежицкая, 1996: 244].

Сознание зависит от внешних воздействий и функционирования мозга, соотносится с мозговой активностью и предметной деятельностью человека [Зинченко, Мамардашвили, 1977; Тарасов, 2001: 306-307]. Внешнее воздействие на сознание человека вызывает определенные преобразования его психики, опосредовано культурным (общественным) опытом субъекта сознания и специфическими свойствами человеческой психики.

Человеческий опыт, представляя собой аккумулированное знание, складывается из внешней информации, воспринимаемой с помощью органов чувств, а также из внутренних ассоциативных воспоминаний, фантазий, ощущений и эмоций. Для языкового выражения оттенков и проявлений внешнего и внутреннего состояния человека в подобном состоянии лучше всего приспособлен семантико-прагматический механизм метафоры. Информация, прошедшая через органы чувств, постоянно кодируется с помощью уже имеющегося знания. Категоризация явлений действительности обеспечивается посредством когнитивных прототипов или когнитивных моделей, как, например, *пропозициональных моделей* (знание об огне включает и знание того факта, что огонь опасен), *семантических моделей образов* (знание о свечах включает схематическое представление о длинных, тонких предметах), *метафорических моделей* (переход от пропозициональных или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области), *метонимических моделей* (модель «часть-целое» включает указание функции части по отношению к целому) [Лакофф; Черепанов, 2001]. Следовательно, из опыта каждого человека создаются индивидуальные карты или модели мира. Можно выделить три основные формы опыта:

1) *Сенсорный опыт* – это первичная информация о внешнем мире, воспринятая через органы чувств (зрительная, слуховая, обонятельная, осязательная, вкусовая), основной строительный материал для создания моделей мира. На сенсорном опыте основываются успешное обучение, общение и моделирование.

2) *Фантазийный опыт* – это неправдоподобная информация, продуцируемая человеческим мозгом или произвольно воспринимаемая через органы чувств (фантазии, галлюцинации).

3) *Информационный опыт* – это информация, порожденная внутренним миром, направляющая наши чувства, а также интерпретирующая с искажением и обобщением сведения, поступившие через органы чувств (мысли, убеждения, ценности, самоощущение).

Объективность чувственного восприятия как основы познавательной деятельности определяется универсальным каналом получения информации о внешнем и внутреннем мире человека, тогда как субъективность восприятия связана с незнанием, неуверенностью. Таким образом, восприятие формирует знание разной степени достоверности, что проявляется в языке [Арутюнова, 1998]. Человек, обладая гибкой нервной системой, способен создавать и использовать символические репрезентации, или карты. По мнению основателя общей семантики А. Кожибски, карта не тождественна территории, то есть наблюдаются фундаментальные различия между человеческими картами мира и самим миром [Korzybski, 1980]. Речь идет об объективности и субъективности модели мира. Действительность идеализируется и объективируется, а индивидуальное видение мира всегда субъективно. Согласно закону индивидуальности А. Кожибски, не могут существовать два полностью идентичных человека, этапа какого-либо процесса, две одинаковые ситуации. У каждого человека есть собственная картина мира, основанная на внутренних картах мира, сформированных с помощью языка и репрезентативных сенсорных систем как результат повседневного опыта [Дилтс, 2001]. Именно эти нейро-лингвистические карты определяют интерпретацию и реакцию человека на окружающий мир, его поведение, тем самым позволяют выявить направления воздействия на него через масс-медиа и т. п. Необходимо постоянно расширять карту мира человека, так как его поведение обусловлено скорее внутренними моделями реальности, чем самой реальностью. Нельзя не согласиться с А. Эйнштейном в том, что наше мышление создает такие проблемы, которые невозможно решить с помощью мышления того же типа. Способность обогатить или расширить свою карту позволяет увидеть больше альтернатив. НЛП стремится создать такие инструменты, которые бы помогали людям расширять, обогащать и дополнять свои внутренние карты действительности. Чем проще карта мира человека, тем больше он подвержен воздействию, суггестии.

Свойство слов отражать и формировать психический опыт делает их мощным орудием сознательных и бессознательных процессов. Проникая до уровня глубинных структур с помощью определенных слов, адресант может выявлять скрытые психические процессы, находящие свое выражение в языковых паттернах адресата, и влиять на них. В связи с тем, что человеческий опыт значительно превосходит словарный запас, одно слово может вызвать различные ассоциации у разных людей. Это часто приводит к отождествлению или путанице двух или более ситуаций, то есть к обобщению и двусмысленности. Масс-медиа активно используют полисемию для достижения определенных целей. Например, *Каждый дипломат должен отстаивать свою точку зрения.*

Когда она *отстоялась*, тогда и высказывай. [Итоги, 1996] Кроме того, эксплуатируется эмоциогенная функция слов, так как они становятся средством, с помощью которого масс-медиа не просто передают информацию, а оказывают сильное эмоциональное воздействие на окружающих. Например, обращение к эмпатии: *Мы были бы очень признательны вам за помощь, разумеется, если вы принадлежите к тому типу людей, которым нравится помогать другим...*[о катастрофе в США 11.09.2001]; указание на схожесть, обычность ситуации: *Где бы мы ни были, мы все ходим по краешку пропасти...* (о катастрофе в США 11.09.2001); обращение к оценке и самооценке, вселение уверенности, вдохновение, ирония: *Для хорошего человека всегда найдется место...* (о журналистах ТВ-6); обращение к самоанализу, самооценке, вселение уверенности: *Плохих игроков не бывает, просто есть те, которые не уверены в своих способностях...* (спортивный комментарий).

Проблема воздействия на сознание людей с целью его формирования является важнейшей проблемой человечества на протяжении тысячелетий. Разработка стратегий и тактик, побуждающих человека на достижение определенных целей и задач, представленных в форме ценностей и идеалов, предполагает учет основных тенденций развития общества и находит отражение в политических интересах и религиозных настроениях людей, в их сознании и поведении. Говоря о формировании языкового сознания, о воздействии на него, исследователи поднимают проблему поиска средств, приемов, методов эффективного воздействия. Спецификой современного суггестивного воздействия являются сложившиеся в последнее десятилетие информационная связность общества, его информационная прозрачность, проницаемость. Безусловно, в настоящее время самым эффективным средством воздействия на языковое сознание адресата являются СМИ. Прежде всего, они формируют массовое сознание в различных его разновидностях (политическое, религиозное, экономическое, бытовое и т. п.), с учетом специфики группового, личного сознания, а также гендерного, возрастного, социального сознания. Как показывает анализ фактического материала, доминирующим объектом воздействия выступает политическое сознание, которое, возникая и развиваясь в связи с осознанием и реализацией реальных интересов, выступает понятийным, оценочным, символическим и иным отображением реальных властных взаимодействий граждан. Существует потребность в приобщении к тому или иному популярному политическому движению, в членстве в правящей партии или другой престижной ассоциации и т. д. Именно на основе осознания своей групповой идентичности человек обретает контуры политического мышления, уточняет свой гражданский статус субъекта, наделенного теми или иными правами и свободами, возможностями влияния на

власть, несения ответственности за свои поступки. Наличие и степень влияния общественных и индивидуальных воззрений в политическом сознании отражают способность к восприятию чужого социального опыта, ценностей и традиций.

Формирование политического сознания предполагает выработку линии поведения масс, групп, индивидов в определенной общественной системе. При этом реализуется воздействие на *структуры политических потребностей* (в информировании, знании, политическом действии, общении с единомышленниками или оппонентами и т. п.), *политические интересы* (к политике и политической деятельности как форме самовыражения, самоутверждения и самореализации личности), *мотивацию политической деятельности* (определение эффективных средств достижения поставленных целей). Только та политика оказывается действенной, которая опирается на всю совокупность средств формирования политического сознания.

Задача масс-медиа по реализации политики властной элиты как создающего механизма регулирования общественных отношений заключается в выявлении общезначимых социальных и политических интересов (опросы общественного мнения, анкетирования), создании условий для их поддержания и реализации в практике общественно-политической деятельности (например, ток-шоу, аналитические программы и др.). Однако наблюдается тенденция омертвления политического сознания населения посредством масс-медиа, которые благодаря черному и белому PR выключают его из механизмов власти и управления. Лишая свободы выбора, создавая предопределенность исхода выборов, СМИ активно осуществляют целенаправленное воздействие на сознание электората, вызывая его пассивность, отстраненность, депрессивность, сужая заинтересованность населения в реализации своих гражданских прав и свобод, в том числе и свободы выбора, свободы волеизъявления, порождая неразвитость политических связей в обществе.

Политический интерес как ядро политического сознания и поведения служит источником активности субъекта, превращает его в движущую силу общественного развития, обладает функцией активного стимулирования политической деятельности, способствует объединению широких социальных слоев общества. При этом частные политические интересы отдельных партий и движений, групп лидеров или амбициозные устремления отдельных политических деятелей входят в противоречия с общим стратегическим политическим интересом, создавая в обществе обстановку нестабильности и хаоса. При формировании политического сознания и поведения в массовой медиакультуре посредством реализации политических интересов необходимо учитывать следующие факторы: 1) общенародный характер и стратегический стержень; 2)

институциональность (партии, движения и т. п.); 3) государственная воля (система власти, доводящая воздействие требований законов через побуждение (потребность), интерес, сознательный выбор того или иного института для реализации своих политических сил); 4) идеологическая форма (теоретико-логические структуры в виде программ, принципов, лозунгов, деклараций, воззваний, законов и норм, регламентирующих политическое поведение в рамках определенной системы).

Важно учитывать также и глубинные пласты человеческой психики на уровне массового, группового или индивидуального сознания, формируемого в течение всей жизни человека (через семью, ближайшее окружение («хороший»/«плохой»), политические организации, СМИ). В настоящее время, время научно-технического прогресса, время информационных технологий, политическая социализация проходит сквозь призму масс-медиа. Скорость информационного потока во много раз превосходит скорость его восприятия и интерпретации в сознании человека, что позволяет интенсивно и эффективно воздействовать на сознание и мышление человека, наносить точечные удары на уровне глубинных структур сознания.

Отмечается клиповость массовой медиакультуры, которая заключается в том, что средства массовой информации наработали определенный инвентарий и механизмы вербального и невербального влияния на сознательные и подсознательные мыслительные процессы человека, его чувства, волю. Навязывается стереотипичность клипового восприятия фрагментов действительности, тиражирующихся в выпусках новостей, аналитических передачах, ток-шоу, рекламах, кинофильмах и т.п. Сознательное придание знаковости клиповым фрагментам действительности оказывает сильное воздействие на сознание адресата (Путин думает, Путин озабочен, Путин шутит, депутаты делят портфели, страна пьет пиво «Клинское», «Пивовар», «Старый мельник» и др., кофе «Nescafe», чай «Беседа», сок «Наш сад», «Моя семья», ест шоколад, спасается от перхоти, ржавчины, насекомых, футбольных и религиозных фанатов, террористов и природной стихии, кормит домашних животных, смотрит сериалы, боевики, участвует в ток-шоу, «поле чудес» и выборах, террористических актах, в борьбе со стихией и т. д.). Фотографическая память и аналитические способности человека приводят к сопоставлению аудиовизуального материала и интерпретативных образов и последующему наложению их друг на друга. Чем примитивнее созданные клиповые образы, тем эффективнее воздействие на структуры сознания человека. На подготовленную почву легче ложатся предлагаемый имидж политических и общественных деятелей, их программы и проводимая политика. Особенно ярко отражают сегодняшнюю ситуацию дети, которые озвучивают те элементарные клиповые образы, на-

саждаемые масс-медиа. Человеческое сознание – это всегда *tabula rasa*, характеризующаяся степенью открытости для воздействия, которая зависит от многих факторов (пол, возраст, национальность, уровень образованности, социальный статус и др.).

Устойчивой тенденцией последних лет становится подъем политики населения и одновременной апатичности, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Это связано, как уже отмечалось выше, с одной стороны, с обновленческими процессами в политике, с преодолением состояния отчужденности человека от политической сферы, с другой стороны, с возрастающей ролью самой политической сферы в обществе, усилением интенсивности политической деятельности, с третьей стороны с усилением роли масс-медиа.

Примечательно, что масс-медиа становятся жертвой самих себя, не успевая осмысливать происходящие процессы в обществе. Часто мы наблюдаем поверхностные информационные материалы, порой противоречивые. СМИ являются первоисточником слухов, так как многочисленные цитирования в бешеной гонке информации порождают искажения не только формы, но и содержания. Наиболее прозрачна некачественность информации в манипуляции с цифрами, например, при указании количества жертв различные СМИ дают разные данные. Здесь встает вопрос о профессионализме и этике журналистов.

При оказании влияния на политическое сознания большое значение имеет мотивация: чувство неудовлетворенности наличной жизнью, социальная и духовная замкнутость, потребность в новом качестве общения, стремление к самоутверждению и самореализации как личности; соображения карьеры, воплощение амбиции и т. п., а также выявление причин недовольства политическим курсом, действий, направленных на устранение политического руководства и др.

Формирование политического сознания осуществляется путем критического осмысления социальной действительности, постепенной рационализации чувственных представлений человека, обобщения имеющейся информации; за счет осознания целей партийного или политического движения, то есть присоединения к уже сформулированным оценкам и нормам гражданского поведения; а также путем эмоционального приобщения к вере в справедливость тех или иных политических идеалов. Объективная принадлежность человека к тем или иным группам не означает, что у него сформировано или сформируется соответствующее данным интересам политическое сознание. Иначе говоря, человек вполне может руководствоваться предполитическими, потестарными воззрениями, основанными на неосознанной идентификации, повседневной, бытовой принадлежности к этническим и др. общностям и предполагающими не идейную, а поверхностную, эмоциональную духовную

связь своих членов. В результате полной деиндивидуализации личности, ее растворенности в “единой крови” общины постоянно рождаются болезненные этнофобии, экстремизм, холопство, популизм.

Проблеме влияния языка на сознание, на программирование психических процессов и других функций нервной системы посвящено также множество нейро-лингвистических исследований (Гриндер, Бэндлер, Перлз, Сатир, Эриксон, Вриц, Дилтс, Алдер, Хаксли, Роут, Деркс, Холландер, Вагин, Белянин, Третьякова и др.). Интерес представляет изучение нервной системы и психических процессов, формирующих язык и отражающихся в нем. В основе нейро-лингвистического программирования (НЛП) лежит тесная связь функционирования нервной системы с вербальными способностями человека. Организация и направление поведения человека происходит при помощи стратегий и тактик, образованных из языковых и нервных паттернов.

Суггестивность (лат. *suggestio* – внушение) понимается как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации. **Суггестор** стремится ввести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям. Речевое суггестивное воздействие – неотъемлемый компонент акта коммуникации, состоящий в изменении конфигураций стандартных и индивидуальных ментальных схем под влиянием информации текста. Устойчивость этих изменений может быть различной: от *минимальной*, когда когнитивная система адресата быстро возвращается в первоначальное состояние, до *максимальной*, когда возникшие изменения в структуре ментальных схем и узлов сохраняются в течение длительного периода времени, влияя на поведение адресата.

Суггестор как субъект, управляющий процессом внушения, предлагает **суггестируемому** как объекту воздействия, внушения факты и аргументы, несущие суггестивный заряд, то есть установку суггестора. **Степень внушаемости** зависит от уровня восприимчивости адресата к внушению, то есть его готовности испытать внушающее воздействие и подчиниться ему. **Сила воздействия** адресата зависит от следующих **факторов** [Желтухина, 2001]:

1. информационного:

1) **формального:**

а) **наглядность информации** (воздействие информации на органы зрения является очень действенным);

б) **доступность информации** (информация подается лексически и грамматически простым языком, при помощи жестов, знаков);

2) **содержательного:**

а) **степень значимости информации** (чем актуальнее информация,

тем выше степень ее внушаемости);

б) логичность информации (четкая, логичная информационная структура вызывает доверие у адресата);

в) степень определенности информации (чем неопределеннее информация по содержанию, тем выше сила внушаемости);

3) *процессуального:*

а) частота подачи информации (многократное повторение информации в разных источниках массовой коммуникации в различной интерпретации способствует ее усвоению и закреплению в сознании);

б) скорость подачи информации (с увеличением скорости подачи информации уменьшается количество времени на анализ);

2. *личностного:*

1) *социальный статус суггестора* (чем авторитетнее адресант, чем выше его социальный статус, тем больше доверия к нему и к сказанному им со стороны адресата);

2) *соответствие внушаемой информации потребностям и интересам суггестируемого* (внушаемая информация должна быть обязательно ориентирована на адресата, его потребности и интересы);

3. *психического:*

1) *психические состояния* (стресс, заболевание, утомление притупляют критику воспринимающей информацию);

2) *психические качества:*

а) эмоциональные (впечатлительность, неуверенность, робость суггестируемого способствуют увеличению силы внушения);

б) интеллектуальные (низкая самооценка, слабость логического анализа, низкий уровень осведомленности, компетентности повышают силу внушения).

Выделяются нейрофизиологические основания суггестивного воздействия, программирования психики человека [Орел, 2001].

1. Создание в мозгу очага возбудимости, стягивающего все мозговые возбуждения из окружающих областей (Ухтомский).

2. Механизм положительной обратной связи – усиление доминантного паттерна с помощью внешней информации в блоке афферентного синтеза с созданием эффекта «естественности» при принятии необходимого решения. Для этого используются такие утверждения, как: «Вы с нами», «Ты с нами на пути духовного развития», «Ты растешь», «Двигаешься в правильном направлении» и т. д. Сюда относится и известный лозунг социалистической эпохи «Правильной дорогой идете, товарищи!».

3. Контраст с обыденностью – ориентир на ощущение радости, любви и принадлежности к нестандартному сообществу (секс, музыка, наркотики, психотехники «бомбардировки любовью», трансовые со-

стояния и др.) – внутренние награждения (удовольствия) как результат гиперактивации гипоталамо-гипофизарной системы (секреция эндорфинов).

4. Упрочнение привычек субъектов, не обладающих достаточным потенциалом воли – гомеостатическое равновесие организма как физиологическое основание поведенческих привычек (четкое расписание и определенное питание).

5. Стимуляция центров удовольствий – самоудовлетворение как один из центральных мотивационных элементов жизни биологического существа (Дельгадо).

Механизм суггестивного воздействия на сознание человека характеризуется различными психотехниками, как, например:

1) Подмена родительских фигур (духовный отец, мать): покорное восприятие родительских фигур на основе инстинкта стремления к защите и безопасности.

2) Вытеснение – связывание всю жизнь до реформы, изменения строя и т.п. с чем-то плохим, с постепенным выталкиванием опыта из памяти и сознания. Происходит забывание реальной жизни в социуме и ценностей: «Страна, (семья, общество, школа) тебя постоянно обманывала».

3) Регрессирование субъекта к более ранним стадиям личностного развития – возвращение в состояние психотической пластичности (главенство раннего детского возраста в становлении психической стратегии личности (Фрейд): разуверование человека в собственной индивидуальной состоятельности для создания иллюзорной зависимости от псевдородителей (фигуры почитаемого божества, руководителя культовой группы, самого культового коллектива, партии, президента). Тем самым он не только лишается освоенных им за годы жизни социализирующих навыков, но и оказывается открытым для восприятия качественно отличных от присущих большинству граждан идей и принципов.

4) Подведение адресата к языковому стимулу, вызывающему (с высокой степенью вероятности) у носителей данной национальной культуры определенные тактики социального поведения (например, *большой паук* – стремление избежать с ним контакта; *ребенок* – стремление поучать его, *выборы* – стремление проголосовать (измененная тактика: стремление не ходить на выборы), *война, армия (в мирное время)* – стремление защищать (измененная тактика – стремление избежать призыва) и т. д.).

5) Постепенное усиление интенсивности активизации важных для говорящего ментальных схем и узлов.

6) Имитация (подражание) как врожденное доверие к паттер-

нам поведения ближайшего социального окружения: помимо сознания и воли спонтанно перенимаются привычки и стереотипы окружающих. Вспомогательные способы поддержания новой идентичности – культовая одежда, особая прическа, своеобразная пища и знаковые ритуальные манеры поведения, знаковые слова и фразы; принцип социального доказательства как интернализованное самодоказательство правоты окружающих: «Чем больше людей разделяет и поддерживает некое убеждение, тем прочнее вера данной группы в данное убеждение» (Чалдини). Адресат, воспринимая речь адресанта, «сам» приходит к определенным и ясным для себя выводам, то есть психологически проделанные им мыслительные процессы, его рефлексия услышанного и обработка информации, наиболее убедительны для него. На самом деле, речь идет о «присвоении» логики изложения, аргументации адресанта. Текстовыми маркерами являются логичность изложения, членимость, причинно-следственные отношения между различными утверждениями посредством союзов; аргументативная поддержка утверждений (прием «документирования»); механизм аналогии (сравнение и параллельные конструкции); механизмы ассоциации (метафора и аллегория); механизмы противопоставления (антонимия); механизмы обобщения (метонимия, синекдоха).

7) Использование силы образов, обращение к памяти, эмоциональная окраска внедряемых формул на основании взаимосвязи между внешним, телесным поведением и нейрофизиологической динамикой. Каждый выбирает то состояние и действие, на которое он внутренне согласен, не отдавая себе отчета в том, в каком состоянии – регрессированном, подавленном, ослабленном, униженном и угрожающем он принял решения о тех или иных действиях. Депрессия как следствие информационной перегрузки [Литвиненко, 2001], усиления дискомфорта – это эффективное состояние, характеризующееся определенным отрицательным эмоциональным фоном, изменением мотивационной сферы, когнитивных (связанных с познанием) представлений и общей пассивностью поведения. Субъективно человек в депрессивном состоянии испытывает прежде всего тяжелые, мучительные эмоции и переживания – подавленность, тоску, отчаяние. В погоне за информацией человек вынужден менять свое поведение и приспособливаться к стремительно изменяющимся условиям жизни, что не может не оказывать серьезного влияния на его психологическое состояние и поведение, порой заметное лишь для наблюдателя. Употребление говорящим ярких образов для описания собственного переживания либо переживания другого человека, наблюдаемого им со стороны, в непосредственной ситуации общения есть речевой акт, где состояние депрессии, согласно контексту ситуации (а именно ситуации, представляющей угрозу для жизни), может

рассматриваться либо как перлокутивный эффект, либо как интенциональное состояние, ведущее к фатальному исходу. Ведь чувство постоянной неудачи, возникающее у человека, попадающего в тяжелые ситуации, способно привести его к мыслям о бесполезности всякой борьбы. Таким образом, депрессия ведет, с одной стороны, к фрустрации, с другой стороны, к индифферентности. Этими двумя состояниями порождаются концепты, «притягивающие» многочисленные экспрессивы и идиомы.

Как видно из вышесказанного, суггестивное воздействие осуществляется на массовом и индивидуальном уровнях сознания [Бендецкая, 2000]. Для массового сознания характерны стереотипные формы мышления или духовной деятельности человека (общие понятия, мыслительные аналогии и ассоциации, моральные нормы и предрассудки, языковые стереотипы как «нормированные» языковые средства, обозначающие определенные «нормированные» ситуации разных видов человеческой деятельности). Способами речевого воздействия на массовое сознание являются употребление в речи клише, штампов, устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок, слов-символов и др. Средства воздействия на индивидуальное сознание играют не менее значительную роль. Традиционно они выполняют такие функции, как контактоустанавливающая/контактоподдерживающая, персонифицирующая, иллюзорно-консолидирующая (единение с аудиторией, сопричастность) и др. функции. Для этого говорящий использует приемы интимизации: обращения/апеллятивы, некоторые дейктические элементы – личные и притяжательные местоимения, (например, *мы, наши*), риторические вопросы, повелительное наклонение (побуждение) и др.

Эффективное суггестивное воздействие, как и психотерапию, можно определить как триединство (система Т.О.Т.Е. – механизм обратной связи) «цель – чувствительность – гибкость» (Дилтс). Практически каждый масс-медиаальный адресат исполнен недоверчивости и подозрения к адресату. Поэтому любая агрессия, насилие внешних идей наталкивается на вполне естественную защитную реакцию (идентификация, регрессия, изоляция, ситуационный аутизм или власть воспитателя). Феномен сопротивления масс-медиаального адресата свидетельствует о нечуткости, непрофессионализме адресанта и его неуважении по отношению к адресату.

Проблема суггестивного воздействия, зомбирования связана с биокомпьютерной метафорой психической деятельности, основанной на концепции единства психического и телесного [Тимоти Лири; Орел, 2001], где психические содержания – программное обеспечение, а нейрофизиологические комплексы организма – биокомпьютерное «железо». Адресант активно использует современные психотехнологии на

основании биокомпьютерной атрибутивности психики, рефлекса любопытства, поискового рефлекса. Адресантом создаются суггестирующие сенсорно-активные тексты и изображения (музыка, цветные иллюстрации в религиозных книгах, листовках, рекламных щитах и т. п.) на индивидуальном, групповом и массовом уровне с целью привития нового мировоззрения большинству населения (например, рекламная кампания лекарственных препаратов, средств от похудения, различных товаров известными политическими, культурными и пр. деятелями).

Итак, под языковым сознанием понимается совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека. Этими проблемами занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика [Тарасов, 2000: 24; Сорокин, 1996: 11]. Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов [Стернин, 2000]. Суггестивное воздействие – это комплексное социально-психологическое воздействие на рацию и эмоцию человека с эффектом внушения, изменяющее нейрофизиологическую динамику адресата. Человек приобретает особый нейропсихический портрет, целостный и внутренне глубоко связанный – от мнемических фигур и интонаций речи до телесных поз. Для уменьшения силы суггестивности речевого воздействия на языковое сознание адресата необходимо повышать его психологическую культуру.

Л и т е р а т у р а

1. *Grinder J., Bandler R.* Patterns of hypnotic techniques of Milton H. Erickson M.B. Vol. 1,2. Meta Publications, 1975.
2. *Korzybski A.* Science and Sanity. – Lakeville, CN: The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, 1980.
3. *Алдер Г.* НПП: Современные психотехнологии. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.
4. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
5. *Белянин В. П.* Идеологические тексты: какие модели мира там представлены и какое психологическое воздействие они могут оказать // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике: Материалы междунар. научно-практической конференции. Москва, 28 февр.–2 марта 2001 г. – М.: ГП ЦРП Москва – Санкт-Петербург, 2001.
6. *Бендецкая М. Е.* Текст убеждающей коммуникации как объект обучения // От слова к тексту: Материалы докладов Междунар. науч. конференции, Минск, 13-14 ноября 2000 г. / Отв. Редактор Н.П. Баранова. В 3 ч. Ч. II – Мн.: МГЛУ, 2000.
7. *Вагин И. О.* Уроки психологической защиты. Не позволяйте собой манипулировать. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 160 с.
8. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1996.
9. *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения // Собр. соч. – Т.1 –

- М., 1982. С.98.
10. *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М., 1971.
 11. *Дилтс Р.* Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
 12. *Желтухина М. Р.* Суггестивные психотехнологии масс-медиального дискурса // Современные психотехнологии в образовании, бизнесе, политике: Материалы междунар. научно-практической конференции. Москва, 28 февр.-2 марта 2001 г. – М.: ГП ЦРП Москва — Санкт-Петербург, 2001. – С. 269-275.
 13. *Жинкин Р. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6.
 14. *Зимняя И. А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С.51-58.
 15. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
 16. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
 17. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988.
 18. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.
 19. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира // Языковое сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16-21.
 20. *Литвиненко О. В.* Депрессия как интенциональное состояние и концептуальная структура // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества: Тезисы докладов Междунар. науч. конференции. Иркутск, 11 июня 2001 г., Улан-Удэ, 13-14 июня 2001 г. – Иркутск: ИГЛУ, 2001.
 21. *Ломтев Т. П.* Структура предложения в современном русском языке. – М., 1979.
 22. Общественное сознание и социальная трансформация в странах восточной Европы. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1996. – 127с.
 23. *Орел Н.* Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости. Нейрофизиологические основы психопрограммирования // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
 24. Основы политической науки. Учебное пособие для высших учебных заведений. Часть II. М.: О-во «Знание» России, 1993. –224с.
 25. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М.: О-во «Знание» России, 1993. – С.168.
 26. Психология. Словарь / Под общ. Ред. А.В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494с.
 27. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
 28. *Сорокин Ю. А.* Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
 29. *Стернин И. А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 44-51.
 30. *Тарасов Е. Ф.* Языковое сознание и его познавательный статус // проблемы психолингвистики: Теория и эксперимент. Сб. науч. трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. С. 301-311.
 31. *Третьякова Г. Н.* Речевое воздействие как итог когнитивных процессов // От слова к тексту: Материалы докладов Междунар. науч. конференции, Минск, 13-14 ноября 2000 г. / Отв. Редактор Н.П. Баранова. В 3 ч. Ч. II – Мн.: МГЛУ, 2000.
 32. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания.

1994. №3. С. 105-114.
33. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. С. 139-162.
 34. *Уфимцева Н. В.* Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. 1993. С. 59-75.
 35. *Чалдини Р.* Психология влияния. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
 36. *Черепанов М. В.* О некоторых приоритетах когнитивной лингвистики // Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты: Материалы Всероссийской научной конференции. Пенза, 15-19 мая 2001 г. / Отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М., Пенза: ИП РАН; ИЯ РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского; ПИПКиПРО, 2001.
 37. *Шахнарович А. М., Юрьева Н. М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. – М., 1990.
 38. *Шрейдер Ю. А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. – Фрунзе, 1980. С. 19-24.
 39. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: РАН Ин-т языкознания, 1993. – 174с.
 40. Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.

Понимание письменного сообщения как познавательно-интерпретирующая деятельность реципиента

© кандидат педагогических наук М. Ю. Бордюговский, 2003

Предметом анализа и определения в настоящей статье будет являться лишь так называемое когнитивное (по терминологии Г. И. Богина¹) понимание. К текстам, освоение смыслового содержания которых требует от реципиента данного типа понимания, относятся в первую очередь научные тексты. В отличие от произведений художественной литературы, основное содержание которых составляют разнообразные проявления человеческой субъективности, в научных и специальных текстах в основном представлены выработанные научной средой определенные сведения и знания о всевозможных объектах, явлениях, процессах и иных феноменах окружающей человека материальной действительности, информация об их наиболее существенных качествах, свойствах, связях и отношениях. Как правило, эти сведения и знания носят в большинстве случаев достоверный, подтвержденный экспериментально и практически характер. Данная содержательная особенность определяет установку автора научного текста на максимально возможное исключение из своего изложения субъективно-личностных моментов, что позволяет придать формальному аспекту сообщения необходимые строгость и объективность, адекватно соотносимые с его содержанием.

Когнитивное понимание следует считать состоявшимся в том случае, если реципиенту в результате выполнения некоторых познавательных действий и операций удалось (с той или иной степенью полноты) воссоздать в своём сознании ту мыслительную ситуацию, которая предопределила текстопроизводящую деятельность автора текста и нашла свое материальное воплощение во внешней, поверхностной структуре текста.

Во многих случаях понимание определяют через отношение к такому ключевому понятию, как «смысл» (текста): «Традиционно пони-

¹ *Богин Г. И.* Типология понимания текста: Учебное пособие. – Калинин: Калининский госуд. унив-т, 1986. С. 15.

мание текста рассматривается как процесс установления его смысла². В свою очередь, понятие смысла анализируется многими исследователями в тесной связи с понятием значения – прежде всего слова, а также любой другой знаковой единицы.

Рассмотрению понятия «смысл» (текста) посвящена обширная и многообразная литература³. Обобщая основные особенности концепций и трактовок смысла, принадлежащих различным авторам, можно прийти к следующим выводам:

1. Смысл текста – это нерасчленённое, недискретное отображение в сознании реципиента того фрагмента действительности (реальной, объективной, либо идеальной – воображаемой, моделируемой автором текста), информацию о которой содержит читаемый текст. Смысл – это ментальная модель содержания текста, которую строит реципиент на основании собственных знаний и информации, потенциально заданной в тексте.

2. Смысл являет собой целостное, недискретное образование вследствие того, что в последнем сплавлены, аккумулярованы, представлены в превращённом (т. е. переведённом на «язык интеллекта») виде по меньшей мере следующие составляющие:

- а) значения отдельных языковых единиц;
- б) смыслы отдельных высказываний и более крупных текстовых единиц (групп предложений, сверхфразовых единств, абзацев и т. д.);
- в) общефоновые, энциклопедические и специальные, тематические знания реципиента;
- г) информация (знания), полученные реципиентом в результате процедур смысловых выводов, осуществлявшихся им в течение всего чтения текста.

3. В отличие от значения, являющегося неотъемлемым компонентом языкового знака, его «означаемым», не существующим в отрыве от «означающего», т. е. «тела» знака, смысл представляет собой исключительно незнаковое, экстралингвистическое образование. Смысл не сво-

² Нишанов В. К. О смысле текста и природе понимания // Текст, контекст, подтекст / АН СССР. Ин-т языкознания. Всесоюз. центр переводов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. С. 3.

³ См., например, Звегинцев В. А. К вопросу о природе языка // Вопросы философии. 1979, № 11. С. 74-76; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 298-302; Павленис Р. А. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.; Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983, № 6. С. 117-126; Долинин К. А. Интерпретация текста: (Фр. яз.). Учеб. пособие для ст-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз. – М.: Просвещение, 1985. С. 10-18; Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. С. 212-215.

дится и не может быть сведён к каким-либо конкретным элементам или единицам текста.

4. Смысл – это семантическая связь, основанная на несовпадении, несовместимости, отличии, контрасте либо, наоборот, сходстве и подобии между различными концептами, т. е. различными фрагментами информационной «картины мира», наличествующей в сознании реципиента и непрерывно видоизменяемой им с учётом информации, поступающей из текста, и теми концептами, которые составляют содержание письменного сообщения. Смысл текста, таким образом, неотделим от наличных знаний реципиента, от концептуальных систем его знаний, мнений и оценок.

5. Смысл – понятие интерактивное, динамическое; смысл возникает из взаимодействия между энциклопедическими и специальными знаниями реципиента, с одной стороны, и содержанием текста, отражающим авторские знания (понятия, идеи, представления), а также мнения, оценки, предположения – с другой. Смысл активно воссоздаётся, «конструируется» реципиентом из концептов, присутствующих в его долговременной памяти, и той информации, которую он, опираясь на данные концепты, способен воспринять в читаемом тексте. Смысл характеризует богатство логических и ассоциативных связей, рождаемых в сознании реципиента «новым» концептом, вводимым из читаемого текста в сознание, в тезаурус реципиента. Чем большим запасом энциклопедических и тематических знаний располагает реципиент, тем больший смысл потенциально способен он извлечь из сообщения. Соответственно, незначительные по объёму общефоновые и специальные знания существенно препятствуют адекватному смысловому восприятию сообщения. В равной мере извлечённый из сообщения смысл, его количественные и качественные показатели характеризуют и уровень лингвистической компетенции реципиента, и степень его интеллектуальной активности в процессе чтения.

6. В силу этого обстоятельства смысл не может быть однозначно заданной и строго фиксированной величиной. Влияние таких факторов коммуникативной компетенции, как общефоновые и тематические знания реципиента, его лингвистическая и когнитивная компетенции, на процессы смыслового восприятия результируется, к примеру, в явлении «рецептивного смысла». Под этим понятием подразумевается та часть содержания текста, которую реципиент способен адекватно воспринять и осмыслить в зависимости от уровня своей коммуникативной компетенции⁴. Интенциональные факторы (мотивы и цели, с которыми реци-

⁴ Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: Учебник для студентов ин-тов и фактов иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1987. С.142.

пиент обращается к тексту, преимущественная направленность его внимания на определённый аспект содержания текста, в наибольшей степени удовлетворяющий его текущие информационные и познавательные потребности), наложенные на содержание текста в качестве специальных «ограничителей», дают в итоге «актуальный смысл».

7. Понятие «смысл текста» носит объективно-субъективный характер. Объективный характер смысла обуславливается прежде всего тем, что в состав смысла неотъемлемым и важнейшим компонентом входят значения языковых единиц, представляющие собой некоторую объективную данность, доступную исконным носителям языка и – при известных условиях – всем изучающим данный язык как иностранный. Субъективный же характер смысла диктуется следующими обстоятельствами:

- заведомым несовпадением жизненного и познавательного опыта автора текста и его реципиента; несовместимостью их концептуальных систем; неизбежностью освоения реципиентом содержания текста в системах индивидуальных и, следовательно, вынужденно субъективных понятий, идей, представлений;

- различными уровнями лингвистической компетенции автора текста и его реципиента (в особенности иностранца);

- действием интенциональных факторов (субъективных мнений, оценок, предпочтений, пристрастий и т. п. реципиента).

Следствием влияния всех перечисленных факторов на процессы смыслового восприятия могут оказаться значительные расхождения между воссозданным реципиентом («для себя») смыслом текста и действительным авторским замыслом. Вместе с тем объёмные общефоновые и специальные знания, развитая языковая компетенция и высокая познавательная активность реципиента в процессе чтения способствуют адекватному (объективному) пониманию содержания текста.

Специального анализа и комментария заслуживает понятие «содержание текста», поскольку при чтении текста именно его, текста, содержательная структура выступает для реципиента в качестве основного объекта понимания и интерпретации. В свете заявленной темы статьи, пожалуй, наиболее целесообразно рассматривать данное понятие, абстрагируясь от различных языковых, коммуникативных и логико-смысловых моментов, имеющих отношение к внешнему оформлению глубинных, концептуальных категорий текста. Если встать на эту позицию, то необходимо признать, что в широком смысле слова содержание научного текста составляют научные знания как продукт научно-познавательной деятельности субъекта – автора текста. В экстралингвистическом плане под термином «содержание текста» понимается

всякая предметная (тематическая) информация, заключенная в тексте⁵. Сами по себе знания, составляющие внутреннюю, собственно содержательную сторону сообщения, достаточно неоднородны и могут выступать в тексте в виде следующих элементов: а) мысли; б) рассуждения; в) понятия; г) факты (в виде наблюдений, датировок и т. д.); д) чувственные образы; е) эмпирические описания; ж) мировоззренческие оценки; з) эмотивные элементы⁶. Детализируя важнейший – онтологический компонент содержания научного текста, связанный с отношением знания, получаемого в результате познавательной деятельности субъекта, к объекту этой деятельности, можно вслед за М. П. Котуровой выделить такие его составляющие: а) понятие; б) классификация; в) типология; г) гипотеза; д) теория; е) закон⁷. Однако при восприятии и переработке интеллектом реципиента заключённой в тексте информации данные разнородные элементы сливаются в сознании реципиента в целостное психическое образование, заключающее в преобразованном – переведённом на внутренний смысловой код данного реципиента – виде все основные содержательные моменты интерпретируемого сообщения. «Содержание текста составляет та информация, которая формируется в интеллекте в виде некоторого целостного комплекса под воздействием языковых средств, составляющих текст»⁸. В связи с этим рассмотрение понятия «содержание текста» в психологическом или, что то же самое, в экстралингвистическом плане требует выделения несколько иных единиц содержания, чем при логико-коммуникативном или каком-либо ином – статичном – подходе к определению данного понятия.

В качестве психологических единиц содержания текста могут выступать:

1. Денотат – «образ некоторого фрагмента действительности»⁹. Денотат – это единица мысли, представляющая собой психическое отражение в сознании субъекта какого-либо предмета, объекта реальной либо виртуальной, воображаемой действительности в совокупности его существенных и периферийных качеств и свойств¹⁰. Денотат – это своеобразный «резервуар», вмещающий в себя различные предикаты, характеризующие описываемый в тексте объект (феномен, процесс, явление и т. п.), причем в силу особенностей функционирования человеческого

⁵ Котурова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. С. 4.

⁶ Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев: Наукова думка, 1974. С. 31.

⁷ Котурова М. П. Указ. соч. С. 74.

⁸ Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. С. 126.

⁹ Новиков А. И. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. С. 80.

интеллекта данные предикаты в пределах одного денотата образуют теснейшее смысловое единство, бытуют в сознании реципиента в виде целостного, недискретного образа. Содержание текста может быть представлено в виде совокупности денотатов, расположенных, в зависимости от степени их информационной насыщенности, от их «смыслового веса», в некотором иерархическом порядке. Структура денотатов текста служит отражением объективных связей и отношений, существующих между предметами реальной действительности.

2. Схема – упорядоченная, иерархизированная структура, содержащая лишь самые основные, обобщенные представления о предметах, явлениях, событиях, ситуациях; семантический инвариант, освобожденный от единичных, конкретных репрезентаций¹¹.

3. Фрейм – универсальная структура для хранения и воспроизведения некоторого знания¹².

4. Концепт – элемент, часть «концептуальной системы» (системы знаний) индивида, единица информации о каком-либо объекте материального или идеального мира¹³. Концептом также объявляется «дискретный элемент отображаемого события (предмет, действие, качество, количество, интенсивность, время, пространство и др.); отвлечение некоторого набора признаков из события (ряда сходных событий)»¹⁴.

Однако если попытаться довести рассуждения о психологических единицах содержания текста до логического завершения, то следует признать, что, возможно, единственной реальной психологической единицей содержания текста является «образ», «картинка» – целостное, нерасчленённое представление, действительно, включающее в себя отдельные визуальные элементы, впрочем, весьма специфического характера; своеобразные смысловые «сгустки», чистое «означаемое», в концентрированной форме заключающее в себе информацию о том или ином объекте, процессе, явлении, событии, вообще феномене актуального либо ирреального мира¹⁵. Данные «картинки» и «образы», являющиеся единицами универсально-предметного (предметно-схемного,

¹¹ Bartlett F. Remembering. – L.: Cambridge univ-ty press, 1932. – IX, 294 p.; Rumelhart D. E. Schemata: the building blocks of cognition // Theoretical issues in reading comprehension / Ed. by R.J. Spiro, B.C. Bruce, W.F. Brewer. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1980. P. 128-173; Norman D. A. Reflections on Cognition and Parallel Distributed Processing // Parallel Distributed Processing. Explorations in the Microstructure of Cognition. Vol. 2: Psychological and Biological Models. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1988. P. 531-546.

¹² Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. Гринбаума О.Н. под ред. Кулакова Ф.М. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

¹³ Павлѐнис Р. И. Указ. соч. С. 280.

¹⁴ Шабес В. Я. О проекции содержательных единиц на план выражения // Вопросы языкознания. 1984, № 5. С. 54.

¹⁵ Пушкин В. Н. Психология и кибернетика. – М.: Педагогика, 1971. С. 173-181.

образно-понятийного) кода¹⁶, при осмыслении реципиентом содержания текста, при решении им всевозможных эвристических, творческих задач в отличие от единиц естественного языка, сочетающихся друг с другом по алгебраически-линейному принципу, объединяются по принципу геометрически-пространственному, образуя в сознании индивида сложные конфигурации, не воспроизводимые средствами обычного языка. «Картинки» и «образы», будучи единственно доступными и понятными интеллекту информационными единицами, выполняют роль «строительного материала» при построении реципиентом ментальной модели содержания текста в процессе его осмысления и понимания, выступают в качестве инструментов рефлексивной деятельности субъекта при решении им различных познавательных проблем и задач.

Денотаты, схемы и другие единицы содержания текста, выделяемые разными авторами, являются, таким образом, своего рода абстракциями, призванными отразить и запечатлеть «психическую субстанцию» смысла в некоторых понятиях, имеющих чувственно воспринимаемую форму (подразумевается прежде всего их языковая форма). По этой причине охарактеризованные выше психологические единицы содержания текста можно рассматривать в качестве однопорядковых, синонимичных, имея в виду то, что они представляют собой лишь различные наименования одного и того же психического субстрата.

Рассмотренное выше в психологическом аспекте понятие «содержание текста» нуждается, на наш взгляд, еще в одном принципиальном дополнении. Строго говоря, содержание текста существует в нескольких ипостасях: замысел текста, его «образ», заключающий в себе в предельно свернутой форме всю информацию будущего текста, представлен в сознании автора в виде целостного смыслового комплекса, который тот (автор) затем реализует, последовательно развертывает при помощи имеющихся в его распоряжении языковых средств. В свою очередь, реципиент, воспринимая текст, выстраивает субъективную ментальную модель его содержания, которая с той или иной степенью полноты и точности может воспроизводить основные содержательные элементы сообщения.

Содержание текста, будучи помещенным на биологический субстрат, организуется в сознании автора в виде комплексного нелинейного смыслового образования, потенциально вмещающего практически все информативные единицы будущего сообщения. Содержание текста, явленное в отчужденной и объективно не зависящей от сознания автора языковой форме, т.е. имеющее своим основанием «материю» языка,

¹⁶ Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964, № 6. С. 26-38.

может быть представлено набором предикатов, пропозиций и других единиц логико-коммуникативного плана. Содержание текста, будучи перенесенным в результате различных перцептивных и когнитивных действий и операций на биологический субстрат реципиента, принимает форму, как уже отмечалось, целостного психического образования, своеобразного смыслового «сгустка», для анализа и репрезентации которого могут быть использованы те же единицы, что и для анализа содержания текста на биологическом субстрате его автора.

Таким образом, если рассматривать понятие «содержание текста» в статичном (например, логико-коммуникативном плане), то в качестве его единиц будут выступать пропозиции, предикаты, тема-рематические цепочки и т. п. Если же подходить к описанию и определению понятия «содержание текста» с точки зрения динамики его восприятия реципиентом, то под таковым (содержанием) следует понимать некоторый набор денотатов, схем, концептов и т. п. единиц, однозначно не соотносимых с каким-либо языковым воплощением. В процессе восприятия и осмысления текста его содержание предстает реципиенту в виде сменяющихся друг друга единиц универсально-предметного кода, движущихся «картинок» и «образов», перетекающих и «вливающихся» друг в друга в воспринимающем сознании субъекта по мере его продвижения от начала к концу текста. В конечном же счете содержанием текста является действительность, то ее фрагмент, который нашел опосредованное отражение в тексте как речевом произведении (опосредованное преломлением действительности в сознании автора, системой понятийно-логических категорий, использованных автором для передачи данного содержания, а также языковой формой изложения).

В связи со всем сказанным понимание можно было бы определить через предикат «совпадение». Понимание – это совпадение:

– авторского замысла, тех единиц, в которых представлено содержание текста в сознании его автора непосредственно перед началом и в течение всего процесса текстопорождения и которые находят выражение в языковых формах, логико-понятийных категориях, разноплановых коммуникативных единицах и т. п.;

– и тех единиц, при помощи которых реципиент воссоздает, реконструирует как основные, так и второстепенные содержательные моменты воспринимаемого сообщения, для чего им привлекаются релевантные общефоновые и тематические знания и выполняются необходимые интеллектуальные операции (смысловой вывод, индукция, дедукция, установление причинно-следственных связей и т.д.). Это совпадение носит заведомо неполный, частичный, «отрывочный» характер в силу неизбежного расхождения, «отстояния» познавательного и языкового опыта автора текста и его реципиента. «Воспринимаемый текст есть

каждый раз читательская проекция текста, а сам текст на его содержательном уровне может рассматриваться в качестве набора читательских представлений и смыслов, асимптотически приближающихся к авторскому значению текста»¹⁷.

В свете приведенного определения процесс понимания реципиентом научного текста схематично можно представить в виде следующих этапов:

1. Реципиент зрительно воспринимает последовательность графических знаков, т.е. внешнюю, поверхностную форму текста.

2. Свои знания о значениях языковых единиц и о правилах их функционирования реципиент использует для высвобождения содержания текста от кодирующей его языковой формы; подобное «разведение» содержания и формы составляет необходимое условие понимания¹⁸.

3. Сознание реципиента непосредственно вступает во взаимодействие с содержанием текста.

4. Оперируя значениями языковых единиц, а также фрагментами релевантных персональных знаний, переводя содержание текста на образно-понятийный язык своего интеллекта и выполняя необходимые когнитивные операции, реципиент создает в итоге некоторую ментальную конструкцию, «образ содержания текста» (А. А. Леонтьев), в котором пытается отразить тот отрезок действительности в совокупности его основных (а при необходимости и второстепенных) качеств, свойств, признаков, информацию о которых намеревался сообщить аудитории потенциальных адресатов автор текста. Понимание сообщения происходит в результате актуализации у реципиента под воздействием импульсов, исходящих от слов, составляющих текст, соответствующих участков его энциклопедической картины мира с последующим выстраиванием из актуализированных единиц такой конфигурации, которая, по мнению реципиента, в наибольшей степени соответствует смысловой структуре авторского сообщения.

Следует особо подчеркнуть реконструктивный характер процесса понимания: прочитав текст, реципиент не получает автоматически «на выходе» готовый «образ содержания текста»; напротив, используя предложения в качестве своеобразных «инструкций», реципиент воссоздает содержание текста из имеющихся в его распоряжении знаний и информации, почерпнутой из текста. Основной целью реципиента, стремящегося к адекватному пониманию текста, выступает реконструкция с максимально возможной степенью полноты и точности той «мыс-

¹⁷ Сорокин Ю. А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // Тетради переводчика. Вып. 21. – М.: Высшая школа, 1984. С. 15.

¹⁸ Smith F. Understanding Reading. A psycholinguistic analysis of reading and learning to read. 2nd edition. – N.Y., etc.: Holt, Rinehart & Winston, 1978. P. 162.

лительной ситуации», которая предопределила процесс порождения автором данного текста. Наконец, говоря о понимании, важно как уже говорилось, не упускать из виду, что в конечном итоге реципиент понимает не содержание текста в совокупности его психологических единиц, а действительность, то ее фрагмент, ментальный образ которого, сложившийся в сознании автора, нашел отражение в содержании порожденного им текста¹⁹.

Таким образом, понимание целесообразно рассматривать как познавательную деятельность индивида, направленную на освоение (осмысление) содержания текста и его усвоение (запоминание) и использование его в целях лучшей ориентации индивида в некоторой области знания или практической деятельности. Всякое понимание в качестве необходимого условия предполагает интерпретацию реципиентом воспринимаемого сообщения. Под интерпретацией вслед за Р. И. Павилёнисом понимаем соотнесение реципиентом информации, поступающей из текста, с имеющимися у него знаниями; определение места и статуса «новых», текстовых содержательных единиц в концептуальной системе знаний индивида²⁰. Интерпретация – это выявление и установление реципиентом смысловых связей между «старой», уже известной ему информацией, и «новой» информацией, содержащейся в читаемом тексте. Следовательно, интерпретация представляет собой процесс осмысления содержания сообщения. Понимание же – результат этого процесса, зафиксированный в ментальном конструкте – «образе содержания текста», который может быть приравнен к смыслу текста в том виде, в каком реципиенту удалось установить его в результате интерпретирующей деятельности.

¹⁹ Жинкин Н. И. Речь как проводник... С. 92.; Smith F. Ibid. P. 63.

²⁰ Павилёнис Р. И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия: Логико-методологический и семиотический анализ / Отв. ред. и составитель Павилёнис Р. И.; АН Лит. ССР. Ин-т философии, социологии и права. – Вильнюс, 1986. С. 241.

«Русскость» в свете лингвистического эксперимента

© кандидат филологических наук Владислава Жданова, 2003

0. На фоне поисков оснований идентичности (в том числе и социальной, и этнокультурной), актуальных для современного российского общества (см., например, такие научно-публицистические журналы, как «Родина», «Отечественные записки», «Диаспоры» и т.д.), кажется резонным предположить, что слова, включенные в дискурс русской идентичности, переживают определенные изменения в своем содержании. В статье на примере анализа ассоциативно-вербальных и когнитивных связей лексем *русский*, *русские*, *русская*, *русское* предпринята попытка показать проекции развития «русского» дискурса, связанные с этническим, языковым, культурным, социально-бытовым, конфессиональным, государственным, политическим аспектом формируемой идентичности.

1. Анализ был проведен на материале экспериментальных данных, полученных путем ассоциативного теста и метода определения понятий¹. Информантам (которыми были прежде всего студенты МГУ) было предложено зафиксировать свои реакции на слова-стимулы *русская*, *русское*, *русские*, *русский*, в анкете, включающей в целом 30 лексем, в первом задании и дать к ним определения во втором.

При использовании экспериментов исследование исходит, в частности, из того, что семантически-языковое связывание (слова и невербального элемента культуры) в устойчивых, часто стереотипных и клишированных словесных комплексах, группирующихся вокруг терминов культуры, имеет культурно значимое основание: оно может быть извлечено из культурных коннотаций слов, которые выражают и соотносят с архетипами сознания признаки базового для них культурного концепта (Телия 1999:470).

Концепт рассматривается в исследовании как максимально абстрагированная, но конкретно представляемая сознанию идея предмета в совокупности всех валентных связей, отмеченных этнокультурной спецификой (В.Красных). Эта глубинная идея предмета разворачивается при активации семантической (ассоциативной) сети. Отсюда проистекает и идея эксперимента: выявление структуры и содержания концепта (феномена парадигматического плана) из синтагматических отношений репрезентирующего его имени, проявляемых как в тексте, так и в блоках свободных ассоциаций.

¹ За помощь в организации экспериментов хотелось бы выразить самую искреннюю признательность коллегам В.В.Красных и Д.Б.Гудкову.

2. Специфика описываемых лексем характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, все очевиднее стремление свести бытование слов русский, русские до обозначения сферы этнической и языковой сферы, а с другой, — заметна тенденция их своего рода языковой экспансии, в которой ими покрывается все знаки «русского присутствия в мире»: не только этноязыкового и культурного, но и конфессионального, политического, идеологического и т.д. Эта внутренняя противоречивость семантики наблюдается не только у представителей русскоязычной диаспоры, например, в Германии, называющих православную церковь – русской (обозначая через этнический признак признак конфессиональный, поскольку «православный значит русский»), а всех выходцев из бывшего СССР – русскими, независимо от их этнического происхождения (обозначая при помощи этнонима в данном случае языковую принадлежность: «русскоязычный значит русский»). Подобные «пересечения» различных элементов содержания русскости (этничность, гражданственность, культурная и языковая принадлежность) наблюдаются и в языке метрополии, причем не только в последнее время: ср., например, сочетания русские евреи, русские немцы (= из России, евреи и немцы – показатель этнической принадлежности, русский – в данном случае показатель гражданской и территориальной принадлежности).

Словарные определения к этим словам выделяют в их значении два основных компонента: этнический и территориально-государственный, т.е. *русский (русские)* – обозначение этнической принадлежности или (национально-)культурной принадлежности / происхождения предмета или явления, а также географически-государственного происхождения (Русь, Россия).

Русскость входит в дискурс самоидентификации, преломляющий определенным образом культурно-языковую модель *своего* и *чужого* пространства. Исследования по данной проблематике (Бартминский, Сандомирская, Телия, Березович, Лотман, Успенский) отмечают, что если в традиционном укладе патриархальной общины границы социальности совпадают с физическим пространством и *свое* и *чужое* определяется границами физической достижимости, то в модернизированном обществе *свое* и *чужое* становятся понятиями неочевидными. Духовное единство группы людей создается и задается порядком культуры, модель *своего* и *чужого* здесь культурно, идеологически и эстетически обработана. След этой работы обнаруживается в языке: если к вербальным представлениям мифологической модели *своего* и *чужого* относятся дом, семья, стоящие в центре *Родного*, то в культурно смоделированной модели присутствуют уже и обобщенные и идеологизиро-

ванные этноконфессиональные и проч. представления, в том числе и обозначения этнической и языковой принадлежности, типа *русский*.

Обратимся к результатам экспериментов.

2.1. Русский. На слово–стимул *русский*² самая частотная ассоциация язык (34%), в том числе с отсылкой к тургеневскому *великий и могучий язык* (1%), второе место занимает реакция *русский* → человек (23%)³. Ассоциации приоткрывают неустойчивость представлений о том, кого считать *русским*: гражданина России (2%), любого жителя России (2%) или же русский — это этническая принадлежность (национальность, нация)⁴, имеющая свои идеалы (ср. реакцию русский → Путин)⁵ и определяемая на «кровных», генетических основаниях (ср. реакции русский → молоко, родной, близкий, родина и под. и «антиреакцию» русский → иногда чужой).

Самосознание *русскости* выводится и из общей исторической памяти (ср. реакции русский → учебник, история, воин), и на особенностях «русской ментальности» (ср. реакции русский → дух, “Русью пахнет”, отсылающие к прецедентному тексту А.С. Пушкина), образчиками которой могут выступать (русский →) *Ваня, дурак, идиот, эмигрант, дворник*, наделенные в восприятии носителей русской лингвокультурной устойчивыми внешними и внутренними характеристиками.

Определения на слово *русский* также разбиваются на два блока: для 39 % опрошенных *русский* — это прежде всего язык (среди них 3 оценочных определения, таких, как *русский* → самый лучший язык на свете). Для 50% опрошенных *русский* определяется как человек / люди /

² Ср. приведенное выше словарное определение лексемы *русский*: русский₁ — представитель русской нации — и русский₂ — принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским (СРЯ 1997:742).

³ В культурологическом срезе сочетание *русский человек* обозначает все же не национальную принадлежность, а полноту выражения признаков *русскости* в человеке. Ср. у Георгия Иванова: «... русский человек. Русский он по сердцу, русский по уму...». Ср. *по-русски пить водку*, название фильма «Любить по-русски». Представляется, что подобные сочетания отсылают к некоему канону (скорее всего, окончательно не устоявшемуся) *русскости*, существующего в сознании как носителей русского языка и культуры (взгляд изнутри), так и представителей других языков и культур (взгляд извне).

⁴ Ср. что пишет по поводу Здравомыслов 1999:169 в статье с симптоматичным названием «Что значит «быть русским»?»: сторонники этнического определения наций избирают в качестве критериев «родство» и «кровь», в то время как сторонники конструктивистского подхода предлагают в качестве критериев либо гражданственность, либо конструируемый код этничности, который оказывается своим собственным для каждой национальной общности и меняется в зависимости от исторического контекста.

⁵ Представления о нынешнем президенте России как о совершенном, идеальном *русском* (ср., например, такие ответы в опросах общественного мнения ФОМ о Путине: «Это прежде всего человек, который искренне болеет за страну» www.fom.ru/repots) удачно ложатся в набирающий силу «русский дискурс» (об этом пишет также Здравомыслов 1999:169), воздвигаемый на так наз. «новой русской идее».

группа людей, характеризующий признак которых – русский язык в качестве родного. Первая группа определений рассматривает язык как некий надэтнический феномен, ценностный сам по себе, а также своим культурным содержанием (ср. ответы: *русский* → «прежде всего язык, потом человек»; «человек или язык, то, что продолжает культуру России»). Вторая группа определений рассматривает русский язык как одно из средств проявления этнической, ментальной, культурной, территориально-государственной принадлежности. В этой связи показательны, например, следующие ответы: *русский* – «это тот, кто может общаться на одном языке со мной» (2%); «для кого русский язык родной»; «тот, кто говорит на русском языке и вырос в России»; «мужчина, который говорит без акцента».

Помимо языкового критерия, содержание понятия *русский* определяется 1) на основании этнического происхождения: это – «национальность»; «человек по национальности»; «человек моей нации»; «один из русских»; «человек общей нации со мной»; «мужчина, который по паспорту русский»; «тот, (кто живет в России и) имеет русские корни»; «народ»; — 2) на основании гражданственности и места проживания: *русский* – это «соотечественник» (2%); «из России»; «согражданин»; «земляк»; «не иностранец», — 3) а также на основании принадлежности к ментальной и культурной общности людей: *русский* – это «человек, понимающий меня»; «такой же, как я или похожий» (2%); «те, кто «русские душой»; «человек моей культуры, необязательно близкий мне», — проявляемой, в частности, в *русском* образе жизни, ср. такие определения: «дело всей жизни»; «диагноз»; «способ существования»; «стиль». Три информанта определили как *русского* того, кто разделяет патриотическое отношение к России (патриот, человек-патриот) или определяет самого себя как русского: «человек, говорящий: я- русский!, — лучше не приближаться».

В определении *русского* сквозь призму «национального характера» отмечены такие признаки и свойства: *русский* – «нормальный, хотя часто пьяный»; «немного замкнутый, но, в общем, хороший»; «человек с широкой душой»; «пьяница»; «выморочный и дикий»; «светлый»; — конкретно воплощаемые в следующих стереотипных образах: «русский мужик из деревни»; «мужик с балалайкой»⁶; «мужик с бутылкой пива».

⁶ По поводу двух последних определений отмечу, что обращение представителя современной урбанистической цивилизации в поисках национально-культурной идентичности к «правде деревенской жизни» и образам народной культуры унаследовано от русского национального дискурса XIX века. В XX веке эта традиция проявилась, например, в прозе писателей-деревенщиков, противопоставляющих правду «малой родины» (деревни, сельского края) «неправде» большого города. Упрощенно говоря, в представлении детей города русская национальная и культурная идентичность связывается с деревенской жизнью.

2.2. Русские. Аналогичные семантические рубрики выделяются и в определениях на слово – стимул *русские* (ср. словарное определение: нация, основное население РСФСР в СРЯ 1997:742), с той разницей, что языковой критерий при этом оказывается менее существенным. Информанты определяют содержание лексемы *русские* опять же либо в рамках этнического подхода, либо – конструктивистского.

Слово *русские* определяется в первом случае как обозначение этнической группы (18%) («нация», «этническая группа», «национальность»), к которой информанты относят и себя самих («одной нации со мной», «люди моей национальности», «мой народ»), отмечая неординарность своего этноса и угрозу прекращения его биологического существования («великий народ, который скоро вымрет»; «великая нация»). Кровно-родственное основание (ср. определение: *русские* → «нация, родная по крови») для определения содержания национально-культурной принадлежности проявляется и в понимании заданной лексемы как элемента сферы *Родного*, составляющей первый круг вокруг *Дома* и *Семьи* в сфере *Своего* (12%) (см. схему *своего* пространства в Bartmiński 1998:53-60): «родные братья и сестры, но не все подряд», «родные люди», «братья», «родной народ», «родные», «свои».

Во втором случае, в рамках «конструктивистского» подхода *русскими* признаются те, кто родился / живет в России / является ее гражданином (21 %). Дополнительными критериями принадлежности к *русским* могут выступать: 1) «жизнь в одном обществе и общее историческое прошлое» (3%), 2) общие язык и культура, особенности душевного и ментального склада, тип социального и культурного поведения («те, кто говорит без акцента», «люди, близкие по происхождению, языку, культуре», «те, кто „русские душой“»; «те, кто говорит по-русски», «странные, но мне понятные», «те, кто мыслит так же, как и я» и под.-8%), 3) сознание и самосознание своей этнокультурной, языковой и государственной принадлежности («все люди, любящие Россию», «люди, считающие Россию своей родиной», «те, кто себя таковыми ощущают и говорят об этом» — 5%).

4 % информантов не рассматривают *русских* как этноязыковое или культурное сообщество, связанное проживанием на территории одного государства: ср. ответы: «люди, которые меня окружают», «люди вокруг, неприятные», «толпа людей», «люди, не связанные между собой какими-либо крепкими узами: родство, дружба», — а также: *русские* → «слово, ничего не несущее, штамп» и «опасное слово, сила безлика».

Определяя *русских* сквозь призму «национального характера», информанты приписывают им такие черты: *русские* → это хорошие / лучшие люди, радушные, душевные, «странные для остальных стран», «уникальные, особенные люди», которые в то же самое время «свиньи и

гении, и дураки», «очень закомплексованные», «варвары с широкими запросами», которых характеризует «лень, питье водки, душа и глупость».

В отличие от данных когнитивного теста, ассоциативно слово-стимул *русские*, помимо реакции *люди* (37 %), связывается прежде всего с этнической принадлежностью (*русские* → нация, национальность, народ — 17 %), маркируемой также как элемент сферы Своего/ Родного (*русские* → родина; братья; родные; корни) и положительно выделяющейся из числа других (*русские* → *лучшая нация, великая нация*)⁷. Только 2 % информантов ассоциируют *русских* как *граждан* одного государства. *Русские* ассоциативно противопоставлены таким этническим группам, как *немцы; грузины; евреи* или всем, кто *не русские*. На слово-стимул *русский* была выявлена одна реакция *китаец*.

Ассоциативно русские воспринимаются в большей степени сквозь призму «национального характера», нежели на сознательном уровне. При этом *особенными* в сравнении с другими признаются *менталитет*⁸, тип социокультурного поведения (*русские* → не хотят войны, бунт⁹, прыгают, рубаха-парень), *традиции*, литература и философия (*русские* → писатели; Розанов, Ильин, Шмелев), фольклор (*сказки*), такие черты «национального» характера, как *радушие*, душевность (*душа*), *доброта*, *взаимопомощь*, ум, необычность, лень, неряшливость, *расхлябанность*, *пьянство*, «нецивилизованность» (*русские* → лапти, мужик, водка; валенки).

2.3. *Русское*. В отличие от слов-стимулов *русские* и *русский*, основные семантические рубрики реакций и определений на которые соотносились прежде всего с актуальными для общественного дискурса современной России попытками осознания русскости в этнокультурном и этноязыковом или же государственном ключе, – слова-стимулы *русское* и *русская*, также включенные в анкету-опросник, соотносились скорее со стереотипизированно воспринимаемыми элементами национальной (в первую очередь – традиционной) культуры, «национального характера», а также с архетипами восприятия сферы Своего / Родного с точки зрения «телесной», материнской близости (ср. схему *своего* пространства Bartmiński 1998:53-60, в центре которой помещена *мать* – своеобразная «точка отсчета» в системе координат *своего* пространства: *мать, дом, двор, село, край* и т.д.).

⁷ Ср. также реакцию *русские* → *лучшие люди во всей галактике*, а также реакции *русские* → *молодцы!*, *хорошо*, *ура*.

⁸ Курсивом выделены зафиксированные ассоциативные реакции.

⁹ Эта и предыдущая ассоциация построена на отсылке к прецедентным текстам: советской песне на слова Е.Евтушенко «Хотят ли русские войны?» и к известному высказыванию А.С.Пушкина о русском бунте.

Ассоциации на слово-стимул *русское* предикативно связывают его с лексемами, представляющими элементы области «ближайшего Своего», т.е. Родного (10%): *русское* → все родное, любимое, дорогое; свое (2%), родное; свое; родное (3%); мое (2%).

В когнитивном тесте *русское* определяется так же, как и на ассоциативном уровне, — связью с кругом *Родного* (23%), см. наиболее типичные ответы: *русское* – это «что-то родное», «все то, что мне родное» (8%), «все, о чем болит душа», «близкое», «родное, близкое», «мое, родное», «такое родное, милое», «родное, где бы ты не встретил его», «свое», «мое», — выражаемой и другими понятиями из блока Родина: *село* (устойчивый образ из нарративов «малой родины» (Телия, Сандомирская), *детство*, *корни* и под. Связь эта может быть представлена и опосредованно, через выражение эмоционального отношения к сфере *своего*, к освоенному фрагменту пространства: *русское* – это «то, что я люблю», «хорошее», «теплое», «радость», — и через выражение отношения: *русское* – это «приближенное к моей норме», «то, что я понимаю», «понятное», «знакомое», «то, что я понимаю на интуитивном уровне», «связано с родиной и менталитетом».

На сознательном уровне представление о *русскости*, или о дифференциальных признаках *русскости* так же, как и ассоциативно, связано с представлением о физическом пространстве (14%), безграничности и широте «просторов Родины»¹⁰: *русское* – это «(широкое) поле» (10%), «необъятное пространство», «широкое и родное», «безграничность», «ветер»¹¹. Соответствуют этой семантической рубрике ассоциации (31 %): *русское* → поле (29%), раздолье, просторье; большое, составляющие одну треть всех реакций на заданное слово-стимул.

Помимо этого, часть данных информантами определений совпадает со словарным определением на лексему русский₂: *русское* – это «то, что находится в России», «все, что имеет отношение к России», «сделанное в России», «то, что произведено в России», «сотворенное, связанное с русскими людьми», «из России», «российское», «принадлежащее русскому народу» (всего 13 %). Как частная реализация данного определения могут быть расценены определения, семантизирующие *русское* как русскую экзотику, как артефакты народной культуры, нередко граничащие с кичем. 7 % информантов понимают *русское* как «национальные традиции», «русский дух», с одной стороны, и как «традиции и матрешки с самоварами на Арбате», «балалайки, матрешки, а

¹⁰ Здесь нельзя не вспомнить, например, популярные песни советской эпохи, прославляющие широту просторов Родины: «Широка страна моя родная...», «Полушко-поле, полушко широко поле...» и под.

¹¹ Смежность ветра и поля в народной культуре, заархивированной и в языке, прослеживается, например, в устойчивых словосочетаниях: ищи ветра в поле, гуляет ветер в поле и под.

не Пушкин с Блоком», «сувениры, которые покупают иностранцы», «то, что продают иностранцам за бешеные бабки», «колорит», — с другой. В ассоциативном тесте национально-культурные отличия лишены коннотации «национальной экзотики», «экспортного варианта»: *русское* → народное творчество; обычай; традиции; многоголосье, — и представлена реакциями, называющие конкретные реалии культуры, в том числе и бытовой: *русское* → блины; водка, застолье.

Русское, как и *русский* и *русские*, определяется и сквозь призму национально-культурных особенностей ментальности и образа жизни (13 %). Иначе говоря, *русское* – это та сумма отличительных признаков, носителями которых выступают русские: речь, язык, культурные и этические ценности, которые и объединяют людей в лингво-культурное сообщество и определяют своеобразие их жизни и мировоззрения: «своеобразное отношение к жизни», «образ жизни, бытовые привычки, традиции», «миропонимание», «все, что вокруг меня», «все, что типично, т.е. парадоксально у нас на родине», «то, с чем я часто сталкиваюсь и что не маркировано как нерусское», «слово, мышление», «культура», «борщ, доброта, понимание», «вещи, возможные лишь в России».

Ассоциативные реакции в качестве наиболее типичных черт русского национального характера и ментальности называют душевность, доброту (*русское* → сердце), *великодушие*, *терпение*, главным признаком русскости – *миропонимание*, *мышление*, присущее человеку, видимо, независимо от его воли, поскольку *русское* → близкое по духу, не всегда хорошее.

2.4. Русская. В ассоциативных реакциях на слово – стимул *русская* могут быть выделены следующие семантические рубрики, которые можно представить в направлении от общего к частному следующим образом: 1) *русская* → нация, национальность (8%); 2) *русская* → национальная особенность; особенность; 3) конкретные проявления этих особенностей, выбранные нередко из перспективы «нерусского», иностранного видения, по принципу «чего у других нет»: *русская* → душа (8%), ментальность, правда (т.е. свои представления о справедливости), жизнь (определяемая иными законами, нежели в «чужом» пространстве), лень, беда. Особенными признаются также *природа*, климат (*русская* → зима), *речь*, *история*, *литература*, *культура* (*русская* → сказка, песня), в том числе и ее бытовые проявления: *русская* → кухня, водка, икра; — особый социум, рассматриваемый как средоточие национально-культурной рефлексии и традиционно противопоставляемый народу – хранителю национально-культурных особенностей — *интеллигенция*, а также локус, в котором концентрируется и сосредотачивается русская национальная экзотика и проживает народ: *деревня*.

Когнитивный тест также показывает, что для сознания сегодняшней московской молодежи характерно восприятие своих этнокультурных особенностей (ментальных, интеллектуальных, эмоционально-структурных, поведенческих, культурных и под.) сквозь призму «взгляда извне». В силу этого релевантными в качестве собственных этнокультурных особенностей признаются прежде всего социально-бытовые и культурные реалии, отсутствующие в других культурах. Таким образом получается, что точкой отсчета в выстраивании социокультурных координат выступает в данном случае не *своя*, а *чужая* культура, рамки которой носитель русской культуры пытается приложить к *своей*.

В определениях на слово-стимул *русская* это положение реализуется таким образом, что, как и в рамках ассоциативного теста, содержание лексемы *русская* определяется способом отбора «уникальных» реалий русского уклада жизни, культуры и ментальности. К этим реалиям относятся опять же «(русская) душа», «душа, которую никто понять не может», феномены культурного и культурно-языкового плана: «речь», «затрагивающая струны души песня», «сказка», «литература»; образа жизни: «жизнь», «судьба, доля», в том числе общественной: «политика в стиле танго», — и, конечно же, романтизированная русская природа (в том числе и уникально воспринимаемые времена года: «матушка – зима»), «русская бревенчатая изба», «деревня в глубинке», русская «старина» и культурно-бытовые знаки русской душевной широты: «кухня», «водка», «икра», «еда».

В восприятии русскости важным оказывается гендерный аспект, уходящий корнями в глубины коллективного бессознательного (Успенский, Телия, Толстая, Никитина). 41 % ответов когнитивного теста представляют русскую женщину / девушку как некий идеализированный и частично мифологизированный образ, канонические рамки которого заданы прежде всего фольклорными и конфессиональными представлениями, а также русской литературой XIX века. *Русская* – это девушка или женщина, отличающаяся красотой как внешней, так и внутренней (необычайно красивая девушка, красавица, красивая женщина, прекрасная женщина), особыми душевными качествами: «девушка или женщина с доброй душой», «женщина, которая и мать, и вечная жена (женщина-мать)», носительница определенного типа сознания и образа жизни, построенного на идеалах, которые вводятся в ответы отсылкой к прецедентным текстам: «женщина, «русская душою»», «женщина-декабристка», «женщина, которая коня на скаку остановит», каноническими образчиками «русской» выступают также исполнительница русских народных песен Людмила Зыкина, героиня романа Виктора Ерофеева «Русская красавица», героиня фильма П. Тодоровского «Военно-полевой роман», или просто «девушка с косами и в сарафане» или

«женщина на морозе» (отсылка к пушкинскому «Как роза русская свежа среди снегов»?).

3. Подытожим основные наблюдения и выводы. Анализ ассоциативно-вербальных связей и когнитивных структур избранных лексем показывает, что в них проецируется актуальный для современной России дискурс идентичности во всех ее ипостасях: этнической, языковой, гендерной, культурной, «национально-ментальной», идеологической, конфессиональной, политико-государственной. Это проявляется, в частности, в конфронтации двух подходов в определении этничности: на генетическом основании или на основании конструируемого, приобретаемого кода этничности (язык, социальное и культурное поведение, территориально-государственная принадлежность), следы этой конфронтации обнаруживаются и в соответствующих блоках индивидуальных реакций и определений на стимулы *русский* и *русские*.

В индивидуальном преломлении активно производимого сейчас дискурса русскости значимой представляется связь русской идентичности не только с языком и культурным наследием, но и с национальной экзотикой, национальным колоритом, которые сопровождаются романтизированными и идеализированными представлениями о культурно-бытовых реалиях. В силу этого подобные реалии часто приобретают характер знака из определенного культурологического кода, теряя связь в сознании носителей языка и культуры со своим денотативным содержанием. Примечательно, что для студентов-филологов в возрасте 17-24 лет характерно восприятие своих этнокультурных особенностей (ментальных, интеллектуальных, эмоционально-структурных, поведенческих, культурных и под.) сквозь призму «взгляда извне». В поиске «должных существовать» этнокультурных особенностей информанты нередко признают таковыми социально-бытовые и культурные реалии, отсутствующие, на их взгляд, в других культурах, т.е. носитель русской культуры подходит к своей культуре и *своей* системе ценностей с мерками *чужой*. Подобный подход к своей культуре в ее различных проявлениях типичен и для целого направления, например, в российском кинематографе, презентующего «русские национальные особенности» в зеркале другой культуры: вспомним хотя бы такие фильмы, как «Брат», «Брат-2», «Мусульманин», «Особенности русской национальной охоты», «Сибирский цирюльник».

Кроме того, для современного русского культурно-языкового сознания характерно восприятие русскости как одного из признаков *своего* пространства (правда, уже не физического, а метафорического уровня) сквозь призму гендерного аспекта: носительницей русскости, каноническим абстрагированным образцом ее является женщина, наделенная идеальными чертами. «Русский мужик» в то же самое время проявляет-

ся скорее как носитель не самых лучших характеристик. Русская жизнь, судьба и доля, — как традиционно приписываемые «русской картине мира» «национально-специфические черты», — выделяются в рамках когнитивного теста как неотъемлемые черты русскости.

Пересечение ассоциативных реакций и определений, данных на избранные слова-стимулы, свидетельствует в свою очередь о том, что проведенные эксперименты позволили выйти на феномены парадигматического плана¹², т.е. на концепты, представляющие лингвистические единицы в совокупности их коннотаций различного плана.

Л и т е р а т у р а

1. *Здравомыслов, А.Г.* 1999. Что значит быть русским? В: Обновление России: трудный поиск решений. / А.И. Козырь (ред.). Выпуск 7. Москва, 169-180.
2. СРЯ 1997. Словарь русского языка. В чет. томах. Москва.
3. *Телия, В.Н.* 1999. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте Родина. В: Славянские этюды. Москва, 466-476.
4. *Bartmiński, J.* 1998. Dynamika polskiego pojęcia ojczyzny // *Prace Filologiczne*, Tom XLIII, Warszawa; s. 53-60.

¹² В том числе и путем сбора и анализа так называемых синтагматических реакций.

Права человека в русской и латинской афористике и паремиологии: концепт «правосудие/справедливость»¹

© доктор филологических наук С. Г. Воркачев, 2003

Права человека – понятие, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах. Права человека носят естественный и неотчуждаемый характер. Свободное и эффективное осуществление прав человека является одним из основных признаков гражданского общества и правового государства. Права человека принято делить на абсолютные и относительные. Ограничение или временное приостановление первых не допускается в демократическом государстве ни при каких обстоятельствах. Абсолютными являются такие фундаментальные личные права человека, как право на жизнь, право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, свободу совести, свободу вероисповедания, а также право на судебную защиту и правосудие [ЭЮС 1999: 239].

С точки зрения лингвокультурологии концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. В этом смысле концепт представляет собой обыденноречевой аналог философских, главным образом этических терминов. Выделение лингвокультурного концепта – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. По существу в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка [Воркачев 2001:67].

Синонимические средства, образующие план выражения лингвокультурного концепта, кластеризуются и упорядочиваются частотно и функционально. Внутри семантических гнезд выделяются концепты разного плана значимости, и здесь особый интерес для лингвокультурологического исследования представляют парные концепты – «семанти-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 01-04-38002 а/Ю).

ческие дублиеты»: «счастье-блаженство», «любовь-милость», «справедливость-правда», «свобода-воля», «честь-достоинство» и пр., где этноспецифическая маркированность закреплена преимущественно за вторыми членами пары.

Считается, что в единицах естественного языка отражается «наивная картина» мира его носителей, а лексическая семантика представляет «обыденное сознание» этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология. Специфические же черты этого сознания – этнический менталитет – хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творчества, а его фразеологический состав являет собой зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание.

Право на судебную защиту в «обыденном сознании» этноса отражается в содержании концептов «закон» и «справедливость», находящих материальное и институциональное воплощение в правосудии. Отношение к закону, судебной системе и её функционерам, отраженное в паремиологическом фонде языка, очевидно, представляет собой свидетельство реализованности или нереализованности в обществе этого фундаментального права личности.

Как Средиземноморье (Mare Nostrum) является колыбелью западноевропейской цивилизации, так римское понятие закона может быть принято за модельное для западноевропейского правосознания, а отношение римского лингвоменталитета к справедливости и правосудию может считаться эталонным для западного мира.

«Разве без справедливости царство не является вертепом разбойников?» – вопрошает Августин Блаженный. Для западного менталитета правосудие и справедливость сливаются в едином концепте, о чем на самом поверхностном уровне свидетельствует отсутствие для них различных имен: в английском, французском, испанском, итальянском и пр. языках для их обозначения используется лексема, этимологически производная от латинского слова *justitia*. Для русского же языка и российского лингвоменталитета характерно присутствие «семантических дублиетов», таких как «истина» и «правда», «сознание» и «совесть» и, наконец, «правосудие/законность» и «справедливость», концептуальное противопоставление которых уже завершилось в 19 веке. Противопоставление *справедливости* и *законности* для русского языкового сознания «самоочевидно и необычайно существенно» [Левонтина–Шмелев 2000: 281], этический и юридический аспекты правосознания здесь кардинально разводятся, а концепт справедливости в паремиологии полу-

чает имя *правды*, которая успешно противостоит законности как чему-то формальному и внешнему по отношению к совести, которая одна только может быть действительно справедливым судьей.

В римской афористике и паремиологии [Крылатые фразы 1999; Латинский словарь 2000] отражается вера гражданина в силу и справедливость закона, в единство морали и права: *Aequum et bonum est lex legum* «Справедливость и благо есть закон законов»; *Dura lex, sed lex* «Суров закон, но все же он закон»; *Executio juris non habet injuriam* «Осуществление права не может быть несправедливым»; *Inde datae leges, ne firmior omnia posset* «Законы для того и даны, чтобы ограничить власть сильнейшего»; *Jus est ars boni et aequi* «Право есть искусство добра и справедливости»; *Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi* «Правосудие есть постоянное и вечное желание обеспечить каждому его права»; *Non jus ex regula, sed regula ex jure* «Не закон происходит из правил, а правила из закона»; *Nulla potentia supra leges esse* «Не должно быть никакой силы над законами»; *Politia legibus, non leges politia adaptandae* «Политика с законами, а не законы с политикой должны согласовываться»; *Potentia debet sequi justitiam, non antecedere* «Сила должна следовать за справедливостью, а не предшествовать ей»; *Ratio in jure aequitas integra* «Мера закона есть беспристрастная справедливость»; *Scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim et potestatem* «Знать законы – значит воспринимать не одни лишь их слова, но и их силу и могущество»; *Tantum habent de lege, quantum habent de justitia* «Для закона важно то, что важно с точки зрения справедливости».

Русская паремиология [Аникин 1988; Даль 1996] передает крайне негативное отношение обыденного российского сознания к закону и его чиновникам – «судейским», противопоставляет правосудие и суд совести, формальное право и правду-справедливость: «Пропадай собака с лыком – лишь бы не судиться»; «Пред бога с правдой, а пред судью с деньгами»; «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом»; «Вершено уставом, да верчено неправом»; «На деле прав, а на бумаге виноват»; «Судьям то и полезно, что в карман полезло»; «То-то и закон, что судья знаком»; «Неправдою суд стоит»; «Где суд, там и неправда»; «В суд пойдешь, правды не найдешь»; «Закон – дышло, куда повернул, туда и вышло»; «В суд ногой – в карман рукой»; «Дари судью, так не посадит в тюрьму»; «Перед богом ставь свечку, а перед судьей мешок!»; «Где закон, там и обида»; «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»; «Все бы законы потонули да и судей бы перетопили»; «Что мне законы, коли судьи знакомы»; «Не бойся суда, а бойся судьи».

Л и т е р а т у р а

1. *Аникин В. П.* Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
2. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // НДВШ ФН. 2001. № 1. С. 64–72.
3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 3-х т. Т. 1. СПб, 1996.
4. Крылатые фразы древних римлян. М., 1999.
5. Латинский словарь юридических терминов и выражений. Ростов н/Д, 2000.
6. *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* За справедливостью пустой // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 281–292.
7. ЭЮС – Энциклопедический юридический словарь. М., 1999.

От любви до ненависти (опыт концептуального анализа)

© А. В. Тананина, 2003

Все начинается с любви
С любви!
Я это точно знаю.
Все, даже ненависть –
Родная и вечная сестра любви.
Р. Рождественский

Чем более любят,
тем скорее могут возненавидеть.
Ларошфуко

«**Любовь**» и «**ненависть**» традиционно противопоставляют, вполне справедливо рассматривая их как чувства, обладающие полярным характером. В то же время их номинации, являясь фактически антонимами, обладают схожими синтаксическими признаками и даже демонстрируют случаи пересечения своих функциональных сфер. Вероятно, такое проявление единиц на языковом уровне объясняется их соотношением в концептуальном плане. «Любовь» и «ненависть» как концепты чувств имеют «некоторое этнокультурно-обусловленное идеальное содержание и значимы в своей ценности» [Миллер Л. В., 2000, с.39]. Они относятся к апостериорным (опытным, эмпирическим) концептам культуры, или константам, так как «существуют в культуре постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов, 1997, с.76]. Действительно, «любовь» и «ненависть» как две космогонические сущности появляются еще в греческой мифологии. Так, Эмпедокл рисует картину мира, в основе которой лежит борьба полярных космических сил – Любви и Вражды: «Эти первоначала древнее самих богов, и под их влиянием создается всё в этом мире. Любовь и Вражда – полярные силы, они борются друг с другом, и эта борьба длится вечно, никогда не прекращаясь».

Соотношению «любовь – ненависть» часто уделяли внимание и впоследствии. Так, Спиноза в своей «Этике» (1677) определяет любовь как «удовольствие, сопровождаемое внешней причиной», а ненависть как «неудовольствие, сопровождаемое внешней причиной», и делает вывод, что любовь, как и ненависть, является результатом сильной страсти, «причем эти два аффекта сильно взаимосвязаны; не случайно

любовь так быстро переходит в ненависть». Динамику этой связи довольно подробно описал в своих работах З. Фрейд, подчеркивая её органический внутренний характер: «ненависть не только неожиданным образом постоянный спутник любви, не только частый ее предшественник в человеческих отношениях, но и ... ненависть при различных условиях превращается в любовь, а любовь — в ненависть».

Современные исследователи различных направлений, изучая эти феномены с разных точек зрения, так или иначе обращают внимание на их тесную взаимосвязь. Э. Фромм, специально изучавший проблему любви, пишет, что «вряд ли какое-нибудь слово окружено такой двусмысленностью и путаницей, как слово «любовь». Его используют для обозначения почти каждого чувства, не сопряженного с ненавистью и отвращением. Хотя они зачастую соположены». Е. Ильин, подробно проанализировав составляющие «любви» (симпатия, влюбленность, страсть и пр.) и «ненависти» (враждебность, ксенофобия, цинизм) приходит к выводу, что эти два чувства «по сути одномерны». А. Вежбицкая относит любовь-ненависть к одной группе «эмоционального отношения к другим людям», наряду с «уважением», «жалостью» и «завистью». Наконец, обращаясь к словарям, находим: «чувство ненависти противоположно чувству любви, но вместе с тем всегда так или иначе предполагает любовь» [Словарь по этике, 1981].

Представление о том, что понятия любовь и ненависть соположены, нередко находит эксплицитное подтверждение в языке. Рассмотрим ряд примеров, иллюстрирующих вышеизложенное положение.

1. Семантическое содержание концепта «любовь» в целом более сложное, чем «ненависть», и соответственно представляет больше способов языковых реализаций. Сходство в вербальном выражении данных концептов прослеживается прежде всего на уровне синтаксиса. Л. Васильев, исследующий семантику русского глагола, относит «любить» и «ненавидеть» к одной лексико-семантической группе глаголов эмоционального отношения, так как «синтаксически они характеризуются в основном одинаковыми признаками» [Васильев Л., 1981]. М. Л. Крючкова выделяет общую лексико-семантическую группу глаголов любви-ненависти на том основании, что «каждый из этих глаголов может выражать значение «любить» или «не любить» и имеет идентичную сочетаемость» [Крючкова М. Л., 1979, с.20]. Наблюдения за формальными связями предикатов «любить» и «ненавидеть» показали, что, несмотря на антонимичность значений, они обладают тождеством дистрибутивных характеристик. Проиллюстрируем сказанное на примере контекстов употребления предикативных конструкций.

1.1. любить/ненавидеть + obj (Вин.п), например:

И теперь я не то что не люблю, я просто ненавижу себя, жизнь, музыку! (Вл. Орлов)

Я почти патологически люблю животных. (А. Джигарханян, из интервью)

1.2. любить/ненавидеть+за+N (Вин.п), например:

Все эти люди ненавидят Россию так сказать натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за все, за все ненавидят. (И. Шафаревич)

Его любили за деликатность и щегольство. (Никитин)

Подобное двойное управление характерно для обоих глаголов, однако и «любить» и «ненавидеть», в зависимости от уровня представления эмоции (номинативный или коммуникативный), могут использоваться без предлогов, выражающих причину. Нарративный (то есть описание эмоции) текстовый режим в этом случае переходит в коммуникативный (то есть непосредственное выражение эмоции в речевом акте). Например:

Нет, я видеть его не могу! Ненавижу! Он будит во мне воспоминания. (Е. Шварц)

Как раньше любил, так теперь ненавижу! И лицо твоё, и тело, которое ты мне...

– *За-мол-чи!* (В. Тендряков)

Я спрашиваю, когда? Я люблю Вас. Люблю. Я Вас больше всех на свете люблю. Так...когда же? (Е. Клюев)

1.3. любить + конкретизатор + любовью

ненавидеть + конкретизатор + ненавистью

например:

Мы ненавидели нашу работу лютой ненавистью. (М. Горький)

Только брата любила она странною, чрезмерною любовью. (Д. Мережковский)

Подобные синтаксические структуры по сути являются дублированием предиката конкретизатором. Конкретизаторов, существующих в русском языке, неограниченное множество. Они не заданы списком, а подбираются автором в зависимости от его желания сделать тот или иной акцент, его языкового вкуса, стиля или сферы употребления предиката. В целом, конкретизатор призван усилить интенсивность предиката – носителя эмоционального концепта. Например:

Они ненавидят талантливых людей естественной ненавистью бездарей. (А. Джигарханян, из интервью)

В некоторых контекстах конкретизатор может подчеркивать необычность, экстраординарность чувства, то есть описывать не силу чувства, а его характер. Например:

Люблю Россию я, но странною любовью. (Лермонтов)

Только брата любила она странною, чрезмерною любовью. (Мережковский)

Интересно, что в русской культуре возможно представление об одновременном сопереживании двух чувств одним субъектом, что отражается в возможности соединения их имен не только в одном контексте, но и в рамках одной синтагмы. Например:

Только после того как узнал от Томилина про Аксинью, понял Степан, вынашивая в душе тоску и ненависть, что, несмотря на плохую жизнь с ней и на ту давнишнюю обиду, любил он ее тяжелой, ненавидящей любовью. (М. Шолохов)

2. Чувства любви и ненависти, точнее эмоциональные состояния, переживаемые субъектом, под влиянием этих чувств, характеризуются сильным эмоциональным напряжением. Интенсивность – отличительная черта практически всех предикатов эмоционального состояния. По этому поводу Е. Вольф пишет, что эмоции могут быть более сильными и более слабыми, и «шкала эмоций может состоять приблизительно из четырех зон: слабая степень эмоции, средняя степень эмоции, сильная степень эмоции и аффект [Вольф Е. М., 1989, с.55]. К аффектам обычно причисляют эмоциональное состояние очень сильной интенсивности, при которой субъект теряет контроль и над своим состоянием и над его проявлением. Это отражается в физических проявлениях эмоционального состояния, которое в вербальном коде может обозначаться через:

2.1. метафорические предикаты

Он чуть не задохнулся от хлынувшей в него ядовитой, как газ, ненависти. (М. Шолохов)

Но с того дня он проникся к белобрысому шестикласснику лютой ненавистью. При одном взгляде на Ахимаса инспектора начинало трясти. (Б. Акунин)

Все понятно... Вы сходите с ума от несчастной любви. Тут, к сожалению, лекарства бессильны. (Е. Шварц)

2.2. контекстуальные интенсификаторы-эпитеты

У нас горячая любовь к угнетенным братьям и горячая ненависть к угнетателям. (А. Толстой)

Погодите! Вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью. (И. Тургенев)

Безрассудная, слепящая ненависть густо обволокла Листницкого. (М. Шолохов)

Подобные характеристики, формально выраженные в форме эпитетов, как правило, закреплены в сознании носителей языка. Ср.:

обжигающая любовь/страсть vs жгучая ненависть;

слепая любовь vs слепящая ненависть.

2.3. метафорические выражения с предикативными компонентами типа «душа», «сердце» и т. п.

ср.: *любить всем сердцем/всей душой;*
ненавидеть всеми фибрами души/ всеми печенками (прост.).

Например:

Суламифь, одну из всех женщин, любил царь всем сердцем. (Куприн)

Языковые реализации концептов «любовь» и «ненависть», как мы видим, способны обозначать достаточно высокую степень эмоционального состояния субъекта. Однако это состояние может подниматься до степени аффекта, если оба концепта эксплицируются в одном контексте. Например:

Да и Розанов был одержим Апполинарией, которая почти на 20 лет была старше него. Василий Васильевич, расставшись с ней, уже ненавидя ее, все же признавался: в характере этом была какая-то гениальность (именно темперамента), что и заставляло меня, несмотря на все мучения, слепо и робко ее любить. (Е. Невская, «Вокруг света»)

3. «Любовь» и «ненависть» – социальные концепты. Относясь к моральным чувствам, характеризующим «субъективное отношение человека к различным сторонам общественного бытия – к людям, самому себе, отдельным явлениям общественной жизни, к обществу в целом», они определяются как социально важные, и, следовательно, неизбежно содержат аксиологические понятия нормы, сравнения и оценки. В образном отражении действительности оценочность и эмотивность трудно отделить друг от друга, поскольку обе эти категории обращены в человека как в мир: иногда оценка служит основанием эмоций, иногда эмоции вызывают оценочное отношение [Вольф Е. М., 2002]. В этом случае предикат становится одновременным выразителем и эмоционального состояния и эмоционального отношения. Например:

Многие относятся к Толстому со смешанным чувством. В нем любят художника и терпеть не могут проповедника. (В. Набоков)

Я тебе прямо скажу: ты русский самородок. Ну, как Шалютин на сцене. Таких любит публика, но начальство... терпеть не может. Знаешь почему? Потому что какой-то злой рок у нас на Руси в начальство выводит бездарей. А бездарь обязан ненавидеть талант... физиологически. (В. Лавров)

4. «Любовь» и «ненависть» как концептуальные сущности обладают универсальным характером и, будучи присущими человеческой природе вообще, реализуются различным образом в различных культурно-языковых социумах. По мнению О. Д. Вишняковой, сопоставившей реализации данных концептов в русском и английском языках, «важной составляющей среди функционирования этих единиц являются

особенности менталитета носителей того или другого языка. Так, исследование показали, что для русской ментальности в большей степени свойственно соположение концептов «любовь – любить» и «ненависть – ненавидеть» в пределах единого контекста. Действительно, в русских литературных текстах мы находим множество примеров взаимодействия рассматриваемых концептов:

– противопоставление чувства ненависти и состояния влюбленности. Например:

Но влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя.
(Ф. Достоевский)

– сопоставление чувств любви и ненависти. Например:

И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На войне все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком. Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине, и в то же время всем сердцем люблю свой народ. /М. Шолохов/

– характеристика эмоционального состояния субъекта. Например:

По ночам, исступленно лаская мужа, думала Аксинья о другом, и плелась в душе ненависть с великой любовью. /М. Шолохов/

О. Вишнякова отмечает, что «в целом для русскоязычных литературных текстов очень характерно содержание конституций, в которых концепты «любовь» и «ненависть» взаимодействуют друг с другом, отражая смену эмоционально-психического состояния персонажей».

5. Оба концепта представлены в русском языке довольно обширными семантическими полями, однако, языковых единиц иногда недостаточно для адекватного выражения чувств любви и ненависти, содержащих широкий спектр эмоциональных состояний. Язык реагирует гениально – он просто соединяет два полярных понятия, допуская, таким образом, «соположение» двух концептов не только в рамках единой синтагмы, но и в пределах одной языковой единицы. Приведем пример:

И еще раз я задал себе вопрос: люблю ли я ее? – И еще раз не сумел на него ответить, то есть лучше сказать, опять, в сотый раз, ответил себе, что я ее ненавижу. (А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы она действительно сказала мне «бросьтесь вниз», то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением). Впрочем, подобную же любовь-ненависть испытывала и Полина к своему недавнему возлюбленному. (Е. Невская, «Вокруг света»)

Таким образом, обнаруживается, что концепт «Любовь», как он представлен в русском ментально-лингвальном комплексе, часто находится в отношениях контекстуальной контактности с концептом прямо противоположной семантики. Концепты «Любовь» и «Ненависть»,

имеющие характер амбивалентности, имеют схожие языковые реализации и демонстрируют взаимопересечение своих функциональных сфер.

Л и т е р а т у р а

1. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000, № 4. С.39-45.
2. Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. М., 1981.
3. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
4. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб., 2001, с. 317.
5. *Вишнякова О. Д.* Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). М., 2002, с.53-63.
6. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981.
8. Словарь эпитетов русского языка. М., 1981.
9. *Булдыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
10. *Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
11. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.

ЛИНГВИСТИКА

К вопросу об английском языке Би-Би-Си в свете современных произносительных тенденций

© доктор филологических наук С.В. Дечева, Т.В. Аниховская, 2003

Вопрос о выборе произносительной нормы при обучении английскому языку как иностранному всегда имел особое значение для лингвистов. Интерес к этой проблеме не утрачен и сегодня, поскольку за последние несколько десятилетий британский произносительный стандарт претерпел существенные изменения.

Как известно, до недавнего времени бесспорным и однозначным эталоном британского английского произношения для иностранных учащихся считался RP¹. Хотя по статистике RP всегда являлся акцентом меньшинства, и на нем говорило не более трех процентов людей, проживающих в Великобритании, он традиционно выделялся среди прочих британских акцентов как наиболее престижный и ассоциировался с хорошим образованием и высоким социальным положением².

В силу своей «понятности» и территориальной нейтральности этот тип произношения был принят на Би-Би-Си с момента начала радиовещания в 1922 году³. Так появилось понятие «BBC English» как синоним RP. В течение долгого времени все другие типы произношения были полностью исключены из радиовещания и основными требованиями, предъявляемыми к дикторам и ведущим программ новостей, были идеальное и безупречное владение этим произносительным стандартом, четкая дикция и полный контроль над своим голосом.

В этой связи интересно отметить, что до 1939 на Би-Би-Си существовал особый комитет по вопросам произношения⁴. Первый председатель этого комитета, поэт Роберт Бриджес, считал, что основная задача

¹RP = Received Pronunciation (также Oxford English, Queen's English, BBC English) – нормативное, литературное произношение – термин, употребляющийся для описания произносительной нормы английского языка.

² Более подробно об этом см. *Rosewarne D. Changes in English Pronunciation and Some Implications for Teachers and Non-Native Learners. // Changes in Pronunciation / Speak Out. – 1996. – №18, с.15-21; Gimson A.C. An Introduction to the Pronunciation of English. – Edward Arnold, 1972., с.85.*

³ *Крустгал Д. Английский язык как глобальный. – М.: «Весь мир», 2001, с.144.*

⁴ *Bliss E., Patterson J. Writing News For Broadcast. – New York, Columbia University Press, 1978.*

Би-Би-Си – устанавливать произносительный стандарт, демонстрировать публике правильную речь. Однако, уже несколько лет спустя, деятельность этого комитета была поставлена под сомнение, и следующий председатель, Бернард Шоу, заявил, что комитет нужно переформировать, «набрав в его члены людей не старше тридцати лет и включив в состав простых таксистов»⁵. Причину такого резкого заявления со стороны знаменитого создателя профессора Хиггинса понять несложно. Английский язык на Би-Би-Си постепенно превращался в искусственную, жестко кодифицированную модель, не имеющую ничего общего с реальной английской речью. Чтобы вновь получить статус «живого» произношения, ему было необходимо соответствовать постоянно меняющимся требованиям английской речи.

Однако, потребовалось более пятидесяти лет чтобы радикальные перемены в стиле произношения на радио и телевидении стали действительно заметны. В последнее время во всех программах Би-Би-Си, от развлекательных до выпусков новостей все чаще можно услышать акценты, не имеющие ничего общего с RP⁶.

Как утверждается в различных справочниках и словарях современного английского языка, речь дикторов Би-Би-Си все чаще ассоциируется в настоящее время с так называемым «Estuary English» или типом английского произношения, на котором говорят в Лондоне и на юго-востоке Англии, и который получает все большее распространение в центральной и западной частях Англии *благодаря влиянию радио и телевидения*⁷. Высказывается предположение о том, что постепенно Estuary English может занять место стандартного британского произношения⁸.

Остановимся на некоторых основных особенностях Estuary English⁹. На сегментном уровне его характерными чертами являются:

- Глоттализация;

⁵ Bliss E., Patterson J. Op. cit., с. 44.

⁶ Существует целый ряд публикаций на эту тему, по которым можно проследить, как «BBC English» изменился за последние несколько десятилетий по сравнению с периодом 50-70летней давности. См., например, Crystal D. The Cambridge Encyclopaedia of the English Language. – Cambridge University press, 2001, с. 365.

⁷ См., например, Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000, с. 442.

⁸ Так, в частности, Дж. Уэллз полагает, что «это модное выражение – Estuary English – может стать (вместо RP) термином, обозначающим британский стандарт». См. Wells J. What is Estuary English? // English Teaching Professional, 1997 // The Estuary English website: <http://www.phon.ucl.ac.uk>

⁹ Необходимо отметить, что существует большое количество публикаций на эту тему, и в нашей стране и за рубежом. Сам термин был придуман в 1984 году Д. Роузуорном, преподавателем английского языка как иностранного. Впервые он появился в статье Estuary English, опубликованной в газете The Times. По мнению Роузуорна, Estuary English, названный так в честь устья реки Темзы, представляет собой промежуточный тип произношения между RP и Cockney.

- Вокализация звука [ɪ] в определенных позициях в слове;
- Более напряженное произнесение конечного [i] в словах типа valley или happy¹⁰.

Что касается просодии Estuary English, то обычно выделяются три основных признака, отличающие ее от просодии RP:

- Усиленное произнесение в речи предлогов и вспомогательных глаголов, обычно безударных в стандартном литературном произношении;
- Частое использование восходяще-нисходящей шкалы;
- Более узкий высотный диапазон, который у британцев нередко ассоциируется с нарочитостью или явным отсутствием у говорящего энтузиазма по отношению к тому, что он говорит.

Сейчас этот тип произношения настолько популярен в Великобритании, что его можно услышать практически везде: в палате Общин, Сити, в средствах массовой информации и рекламе – то есть во всех тех сферах, которые еще не так давно были полностью под влиянием RP. Не случайно, что в 2000 году генеральным директором Би-Би-Си был назначен Грег Дайк, чья речь, как утверждают британские фонетисты, представляет собой яркий пример Estuary English¹¹.

Причины такой широкой популярности Estuary English, особенно в средствах массовой информации, прежде всего можно объяснить явным изменением отношения к RP и другим британским акцентам со стороны британцев в целом. Как показывают специальные исследования¹², примерно до середины 1970х годов XX века RP воспринимался как тип произношения, свойственный компетентным, уверенным в себе, образованным людям. Он традиционно считался наиболее эстетически приемлемым среди всех других британских акцентов. Как уже упоминалось выше, произношение RP было обязательным требованием при устройстве на престижную работу, и, в первую очередь, для дикторов радио и телевидения.

Однако, уже в конце 70х годов все чаще можно было услышать утверждение, что RP значительно уступает всем остальным типам произношения в искренности и убедительности звучания и часто воспринимается как недружелюбный или слишком отчужденный.¹³ Более того, RP всегда подчеркивал принадлежность человека к определенной соци-

¹⁰ Более подробно об этом см. *Rosewarne D.* 1996, Op. cit., с. 15-20., *Wells J.* Op. cit., *Trudgill P.* Sociolinguistic Variation and Change. – Edinburgh University Press, 2001.

¹¹ *Kerswill P.* Mobility, Meritocracy and Dialect Levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation. – Pilvi Rajame, 2001 (Web page variant: Dialect levelling and received pronunciation). On <http://www.phon.ucl.ac.uk>

¹² См. *P. Trudgill*, op. cit., глава 16.

¹³ В связи с этим интересно отметить, что во многих американских фильмах того периода времени самые зловещие персонажи говорят на идеальном RP.

альной группе, выдавал его статус, (в отличие от ЕЕ, который, наоборот, как бы «затемняет» социальное положение человека и таким образом способствует процессу «выравнивания» классового британского общества¹⁴). Неудивительно, что в свете характерных для современного общества демократических взглядов, RP нередко трактуется скорее как недостаток, чем достоинство. Существуют публикации, в которых указывается на то, что иногда людей не принимают на должность дикторов, если их произношение является «слишком правильным»¹⁵.

Таким образом, строгие требования, касающиеся использования нормативного произношения, которые предъявлялись к речи дикторов и телеведущих, остались в прошлом. Сейчас корпорация Би-Би-Си ведет политику «равных возможностей», и любой акцент является приемлемым, при условии, что его можно легко понять¹⁶. Как отмечают многие исследователи, дикторы постоянно должны ориентироваться на разный уровень знаний и образованности зрителей, а также на желание большинства людей получать информацию и развлекаться одновременно¹⁷. Для привлечения и поддержания внимания столь разнородной аудитории ведущие, помимо прочего, прибегают к использованию в речи разнообразных просодических вариаций и стараются не допускать преобладания одного типа произношения, особенно такого, который может вызвать негативные ассоциации.

Вполне естественно, что общий тон программ Би-Би-Си изменился, и сейчас, когда на первый план выходит потребность аудитории в свободной демократической дискуссии, ведущий уже выступает не столько в роли «строгого учителя», сколько «равного партнера» — складывается впечатление, что он «один из нас»¹⁸. Эта общая тенденция к демократизации прежде всего находит отражение в особенностях произношения дикторов Би-Би-Си и общей манере подачи материала.

Следует отметить, что изучением произношения Би-Би-Си занимались многие отечественные языковеды и среди них фонетисты кафедры английского языкознания МГУ. Особое внимание получила концепция тембра или особой окраски человеческого голоса в радиопрограммах Би-Би-Си¹⁹. Было установлено, что в выпусках новостей голос дикторов,

¹⁴ *Rosewarne D.* 1996, Op. cit., с.18.

¹⁵ *Kerswill P.* Op. cit.

¹⁶ *Collie J., Martin A.* What's it like? Life and Culture in Britain Today. Cambridge University Press, 2000, с.13.

¹⁷ См., например, *Bolton R.* The Problem of Making Political Television. – In: *Communicating Politics. Mass Communications and Political Process.* – New York, 1986; *Powers R.* The Newscasters. – New York, 1977, с.78.

¹⁸ *Hunt A.* The Language of Television: Uses and Abuses. – London, 1981, с.13.

¹⁹ *Миндрул О.С.* Фонетика английского языка. – М., 1986, с. 32, *Миндрул О.С.* Тембр II в функциональном освещении: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980.

в целом, более звучен, чем в развлекательных программах, где чаще встречаются придыхательность, приглушенность, а также другие качества голоса, характерные для менее формальных ситуаций.

Что касается других голосовых параметров, то было убедительно показано, что в информационных программах темп обычно медленнее, а паузы длиннее; громкость воспринимается как нормальная, диапазон — средний. Иначе говоря, информационные программы являются просодически нейтральными.

Однако, учитывая, что эти несомненно важные выводы были сделаны два десятилетия назад, некоторые фундаментальные понятия, такие, например, как «нейтральность», требуют сегодня дальнейших разъяснений и дополнений. Дело в том, что в программах новостей нейтральность создается преднамеренно, как часть общей политики корпорации Би-Би-Си, которая всегда считала объективность и беспристрастность своими приоритетами²⁰. Задача ведущего — передавать факты, не выражая своего личного отношения к ним. Иными словами, ведущий должен убедить зрителей в истинности сообщаемой информации. Таким образом, общее впечатление нейтральности ассоциируется с особым тембром, вызывающим доверие и уважение.

Этот тембр занимает совершенно особое место в существующей иерархии тембров. Он представляет собой своеобразное промежуточное звено в общепринятой методологической оппозиции тембра I (так называемого «серьезного» или «фактивного» тембра) и тембра II («парадоксального» или «фиктивного» тембра)²¹. Первый не связан с какими-либо оценочными коннотациями, в то время как последний, напротив, полностью маркирован или субъективен. При этом ни один из них не позволяет достаточно точно описать преднамеренную нейтральность дикторов Би-Би-Си. Данная дихотомия, которая незаменима в учебных целях, нуждается в уточнении с учетом того, что в данном случае речь идет об интеллективном общении в средствах массовой информации²². Тембр программ новостей следует проанализировать с позиций когнитивной фонетики или, точнее, английской силлабики, позволяющей проследить даже самые незначительные изменения и просодические модификации,

²⁰ Powers R. Op.cit., с. 58, Hunt A. Op. cit., с. 9.

²¹ Decheva S.V. English syllabification as part of the Learner-Oriented Speechology. М., 1994. С. 68-69.

²² Согласно теории функциональных стилей академика В.В. Виноградова, получившей дальнейшую разработку на кафедре английского языкознания МГУ, основные функции языка представлены в виде дихотомии функции сообщения и функции воздействия. А.А. Липгарт настаивает, что эти две функции связаны диалектически и между ними располагается третий член оппозиции — функция сообщения, которая представляет собой своеобразное функциональное ядро. См. *Lunzart A.A.* Лингвопоэтическое сопоставление. Теория и метод. М., 1994.

которые имеют место в потоке речи и проявляются в особом характере произнесения отдельных слогов²³.

Представляется, что в результате становится возможным говорить о более глубоком проникновении в природу изучаемого явления и его продуктивном использовании. Наш материал показывает, что семиологически-релевантный тембр I, который ассоциируется со средней громкостью, умеренным темпом, нисходящей шкалой и принципами тактосчитающего ритма (когда разборчивость достигается посредством четкого произнесения всех ударных слогов, появляющихся через более или менее равные временные интервалы, на фоне фонетически ослабленных, слабых и полностью безударных слогов) далеко не полностью соответствует тому, что наблюдается в данном случае.

Следующий отрывок, взятый из программы новостей, является в этом отношении очень показательным.

The air war in Afghanistan intensifies as the search for Osama bin Laden goes on. For another suicide bomb Israel's Prime minister threatens even tougher action. And Britain's Home Secretary says ethnic groups need to develop a greater sense of British identity. This is BBC news and Maxine Dwinney. United States forces are intensifying their bombing of the Tora Bora Cave complex in the mountains of eastern Afghanistan, where Osama bin Laden and other members of the al-Qaeda network are thought to be hiding. Meanwhile, a helicopter carrying troops from the Northern Alliance has crashed in Afghanistan killing twenty one of its occupants. The helicopter came down in bad weather near the northern city of Farkhar. In other developments efforts to get much needed aid into Afghanistan have been boosted by the rear men of the so-called friendship bridge from Uzbekistan. A goods train carrying aid crossed the border bridge at Termez – the first traffic for more than four years.

Рассмотрим все голосовые параметры, которыми пользуется диктор в анализируемой программе с учетом особенностей синтагмы и связанных с ней принципиальных понятий ударения и ритма, которые сегодня принимаются за основу обучения английской фонетике в МГУ. Прежде всего необходимо отметить, что речь ведущего не является единообразной с точки зрения громкости, темпа, высоты тона и ритма.

Так, громкость явно не одинакова даже в рамках одного предложения. Происходит сдвиг силы или ударения вправо, в результате чего последний слог оказывается дополнительно выделенным, воспринимается слушающим как более громкий, и произносится диктором с особой

²³ Дечева С.В. Слогоделение в английской речи (когнитивная синтагма): Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995.

интенсивностью²⁴. В результате, финальная часть высказывания оказывается наиболее знаменательной и высказывание приобретает своеобразную «нарочитость», свойственную Estuary English.

For another suicide bomb Israel's Prime minister threatens even tougher action. And Britain's Home Secretary says ethnic groups need to develop a greater sense of British identity.

То же самое можно сказать и о темпе (или скорости изглаголивания), который варьируется от ускоренного в начале высказывания до замедленного, практически переходящего в послоговую речь в конце. Относительно короткие паузы, число которых невелико в начале предложения, ближе к концу становятся длиннее и заметнее. Особого внимания заслуживает продолжительность произнесения конечного слога. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в литературе вопроса описывается как «held syllable»²⁵. В этом случае в начале слога наблюдается небольшая задержка, что создает общее впечатление увеличения длительности (и, соответственно, большей выделенности) слога. Это нередко используется дикторами Би-Би-Си как особый риторический прием.

In other developments efforts to get much needed aid into Afghanistan have been boosted by the rear men of the so-called friendship bridge from Uzbekistan.

Что касается движения тона, то первый ударный слог высказывания произносится ниже, чем обычно в RP. Диапазон, в целом, заужен, и создается впечатление своеобразной «усеченности» тона. Более того, вместо высокого или низкого нисходящего тона, которые используются в конце предложения в речи говорящих на RP, в 90% случаев ударные слоги в программах новостей Би-Би-Си выделяются посредством специфического восходяще-нисходящего или нисходяще-восходящего тона.

For another suicide bomb Israel's Prime minister threatens even tougher action. And Britain's Home Secretary says ethnic groups need to develop a greater sense of British identity.

Можно заметить ряд изменений и в ритме высказывания, что происходит по причине довольно необычного для RP произнесения некоторых полностью безударных слогов. В результате фонетический контраст между разными слогами, который составляет суть тактосчитающего ритма, характерного для британского варианта английского языка, становится размытым и нечетким, что, в конечном итоге, создает эф-

²⁴По терминологии Д. Болинджера это явление получило название “climax”. См. Bolindger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken English. – Edward Arnold, London, 1986, с.75.

²⁵ См., например, Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. – Cambridge, 1969.

факт выравнивания всех слогов, независимо от их изначальной силы или слабости. Кроме того, некоторые служебные слова, которые обычно безударны в стандартном английском языке, произносятся очень отчетливо и приобретают особую силу в высказывании. Так, например, дополнительную, несвойственную им степень выделенности получают предлоги.

Meanwhile, a helicopter carrying troops from the Northern Alliance has crashed in Afghanistan killing twenty one of its occupants. In other developments efforts to get much needed aid into Afghanistan have been boosted by the rear men of the so-called friendship bridge from Uzbekistan.

Таким образом, можно утверждать, что для программ новостей на Би-Би-Си в целом свойственно особое обращение со слогом. Слоговой стереотип, характерный для современного произносительного стандарта, составлявший до сих пор основу обучения английской фонетике, видоизменяется и теряет свои отличительные особенности. Он адаптируется к более демократическим тенденциям произношения и языковым вкусам последних лет. Английский язык Би-Би-Си более не является однородным и не поддается однозначному определению. Скорее, он представляет собой комбинацию различных произносительных вариантов, среди которых самыми влиятельными оказываются Estuary English, RP и американский вариант английского языка.

Что касается влияния американского диалектного варианта, то многие современные британские фонетисты не признают его, утверждая, что все изменения сводятся только к возрастанию роли местных диалектов и, в первую очередь, Estuary English²⁶. При этом остается без внимания тот факт, что американский вариант и Estuary English имеют на фонетическом уровне много общего, и с уверенностью сказать, где заканчивается один и начинается другой тип произношения, довольно непросто. Очевидно, однако, что распространению Estuary English, помимо прочего, в немалой степени способствует как высокий политический и экономический статус американского варианта английского языка, так и большая популярность американских передач на британском телевидении.

Интересно отметить в этой связи, что среди всех особенностей американского произношения, наиболее влиятельным оказывается ритм²⁷. Он во многом основывается на американском слоговом стереотипе и представляет собой совершенно особый тип, располагающийся

²⁶ Так, например, Роузуорн утверждает, что «нет необходимости смотреть по другую сторону Атлантики, чтобы установить происхождение изменений в речи британцев, когда произношение, очень похожее на американское, берет свое начало в лондонском диалекте». См. Rosewarne D., 1984. Op. cit.

²⁷ Более подробно см. Decheva S.V. On Problems and Prospects of Teaching English Rhythm // Proceedings of the IV-th International LATEUM Conference. M., 1998. С. 7-8.

где-то между классическим тактосчитающим и классическим слогосчитающим ритмом. Он легко перенимается и воспроизводится в речи и постепенно превращается в отличительную особенность программы новостей на разных языках²⁸.

Подводя итог, можно сказать, что современный английский язык Би-Би-Си представляет собой своеобразный риторический компромисс между стандартным английским языком (или телевизионным RP), более демократичным, лишенным каких-либо оценочных коннотаций Estuary English, а также чрезвычайно влиятельным в политическом и экономическом отношении американским вариантом. Вопрос о том, является ли английский язык Би-Би-Си как и раньше, образцом для подражания и внедрения в программу по преподаванию фонетики иностранным филологам приобретает в этой связи новое звучание²⁹. Приходится констатировать тот факт, что в современном глобальном англоязычном контексте, при выборе образца с точки зрения его фонетической приемлемости на первый план все чаще выходят его риторические особенности. Девизом языка телевидения становятся «нейтральность и вариативность».

Иными словами, обучение английской фонетике в целом и искусству публичных выступлений в частности должно строиться с учетом основных требований риторики, что в конечном счете способствует более эффективному общению на высоком международном уровне.

Л и т е р а т у р а

1. Дечева С.В. Слоговоеделение в английской речи (когнитивная силлабика): Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995.
2. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М., 2001. С. 144.
3. Лингарт А.А. Лингвопоэтическое сопоставление. Теория и метод. М., 1994.
4. Миндрул О.С. Тембр П в функциональном освещении: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
5. Миндрул О.С. Фонетика английского языка. М., 1986. С. 32.
6. Bliss E., Patterson J. Writing News For Broadcast. New York, Columbia University Press, 1978.
7. Bolinger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken English. Edward Arnold, London, 1986, с.75.
8. Bolton R. The Problem of Making Political Television // Communicating Politics. Mass Communications and Political Process. New York, 1986.
9. Collie J., Martin A. What's it like? Life and Culture in Britain Today. Cambridge University Press, 2000. С.13.
10. Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge, 1969.

²⁸ В связи с этим обращает на себя внимание и способ вещания на современном российском телевидении, где также наблюдается в целом нехарактерная для литературного русского языка просодическая организация высказывания и совершенно особое оформление его финальной части.

²⁹ При этом необходимо учитывать, что «идеальной» английской речи, которой можно, просто не существует. См. Decheva S.V. The Bases of English Philology. М., 2000.

11. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopaedia of the English Language. Cambridge University press, 2001. C. 365.
12. *Decheva S.V.* English syllabification as part of the Learner-Oriented Speechology. M., 1994. C. 68-69.
13. *Decheva S.V.* On Problems and Prospects of Teaching English Rhythm // Proceedings of the IV-th International LATEUM Conference. M., 1998. C. 7-8.
14. *Decheva S.V.* The Bases of English Philology. M., 2000.
15. *Gimson A.C.* An Introduction to the Pronunciation of English. Edward Arnold, 1972. C. 85.
16. *Hunt A.* The Language of Television: Uses and Abuses. London, 1981. C.13.
17. *Kerswill P.* Mobility, Meritocracy and Dialect Levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation. – Pilvi Rajame, 2001 (Web page variant: Dialect levelling and received pronunciation) // <http://www.phon.ucl.ac.uk> было бы следовать без каких-либо ограничений и дальнейшей когнитивной обработки
18. Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000. C. 442.
19. *Powers R.* The Newscasters. – New York, 1977. C. 78.
20. *Rosewarne D.* Changes in English Pronunciation and Some Implications for Teachers and Non-Native Learners. // Changes in Pronunciation / Speak Out. 1996. — № 18. C. 15-21.
21. *Trudgill P.* Sociolinguistic Variation and Change. Edinburgh University Press, 2001.
22. *Wells J.* What is Estuary English? // English Teaching Professional, 1997 // The Estuary English website: <http://www.phon.ucl.ac.uk>

Модификации и функции нетерминальных тонов в английской речи

© Сэсэгма Будажапова, 2003

Вряд ли у кого вызывает сомнение тот факт, что мелодический компонент интонации выполняет определенные функции при интонационном оформлении предложения.

Обычно говорят, что интонационные контуры (т.е. варьирование тона в пределах предложения) может выполнять две основные функции: *конституирующую* и *делimitативную*. Интонация может оформлять предложение или какую-либо другую единицу высказывания (слово или синтагму) и в то же время ограничивать одно предложение от другого (или один сегмент речи от другого).

В целом, можно не сомневаться в двойной функциональной нагрузке интонации, тем более, что эти функции подкрепляются еще и паузами различной длительности. Как правило, считается, что пауза в конце предложения всегда длиннее паузы (появившейся по той или иной причине) внутри предложения. Это получило отражение и в метаязыке интонации: | – || .

Однако высказанная нами мысль звучит пока достаточно абстрактно, поскольку, как известно, тоны, оформляющие слова (по-английски *tones*) и интонационные контуры (по-английски *tunes*), могут быть самой различной конфигурации. В британском варианте английского языка у различных авторов мы встречаемся как с разным количеством тонов и интонационных контуров, так и с самой различной символикой, призванной отразить варьирование мелодики, поэтому сопоставление результатов отражения мелодического варьирования у разных ученых оказывается чрезвычайно затрудненным.

Что касается отечественных фонетистов, то здесь символическое обозначение мелодики практически совпадает с тем, что предложили И. Уорд и Л. Армстронг¹, и поэтому их мысль об употреблении в нетерминальных синтагмах восходящих тонов, может быть проиллюстрирована достаточно просто. Сравним, например, как обозначается мелодическое варьирование текста у О.И. Дикушиной² и Г.П. Торсуева³.

¹ *Armstrong L. E. & Ward I.C. Handbook of English Intonation. Cambridge, 1931*

² *Дикушина О.И. Фонетика английского языка. М., 1952, с.257.*

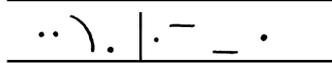
³ *Торсуев Г.П. Обучение английскому произношению. М., 1953, с. 216.*

О.И. Дикущина

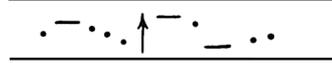
They saw it come out of the West |

and toward them, | such slow movement |

as that with which a dying animal |

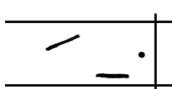

drags itself back to its lair. ||

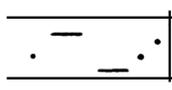

Г.П. Торсуев

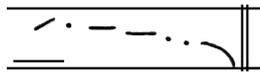
One morning |

the old Water- rat |

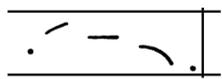
put his head out of his hole. ||

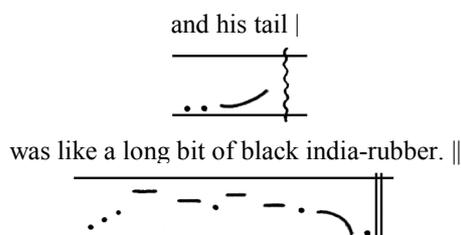

He had bright beady eyes |

and stiff grey whiskers, |

Большинство авторов уделяет внимание целостному оформлению коротких предложений, в то время как нас интересует в первую очередь мелодическое варьирование нетерминальных синтагм сложных предложений (изучение сложного предложения в настоящее время стало весьма актуальной проблемой, что подтверждает пособие Иванковой Натальи Леонидовны на тему «Статика и динамика сложной предикации» (МГУ, 2003).

Когда речь заходит о текстах, содержащих сложные предложения то здесь наблюдается гораздо больше сходства и между английскими учеными, и нашими отечественными фонетистами.

Примечательно, что в одном из самых последних пособий по английскому языку именно восходящий тон (как это рекомендовалось достаточно давно Идой Ворд и Лилиан Армстронг) предлагается в качестве образцового произношения Британского варианта английского языка. Приведем небольшой отрывок из текста:

“Cambridge and Oxford”

(из пособия “Person to person, BBC English Manual).

«The 'rivalry between Oxford and Cambridge is no/torious | and world-
 \famous.||Behind /this, howéver, | they have a 'great deal in \common, \that's
 how we can /say | \Oxbridge.||Both /places | are аbout '60 miles from the
 /capital | and 'students of both uni/versities | re'gard a trip to /London | as a
 "quite `casual i. dea. || The 'popu□lations | are a·bout the /same: | a,round
 about a 'hundred /thousand | with 'ten thousand \students.|| But □Cambridge |
 has a 'basically agri\cultural tra.dition | and □certainly | in the \twentieth
 /century | □Oxford an in\dustrial .one.|| /Morris, /Austin, /Jaguar and /Rover
 `cars | were 'first \made .here ||».

Как видно из вышеприведенной тоновой разметки, практически в каждой нетерминальной синтагме используется восходящий тон. При этом мы должны пояснить, что мы были вынуждены по чисто техническим причинам воспользоваться восходящими тонами, занимающими практически весь диапазон, хотя на самом деле почти во всех случаях

использовались низкие восходящие тоны (предел подъема — до середины обычного диапазона говорящего). Говорящий, таким образом, демонстрирует интонационное оформление, рекомендуемое для R.P. Идой Ворд и Лилиан Армстронг.

Обращаясь к ставшей весьма актуальной проблеме выбора нетерминальных тонов, Г. Пальмер в свое время писал не без юмора: «При современном состоянии знания (или точнее незнания) относительно функций интонационных средств вряд ли можно сделать большее, чем подобрать типичные примеры различных типов последовательностей и попытаться определить их более или менее очевидные функции, надеясь на то, что эти примеры послужат отправной точкой для последующих исследований».

Производя различного вида последовательности или группы тонов, мы автоматически соблюдаем неписанные правила английской интонации, обеспечивая необходимую связь между частями предложения. Достаточно легко установить, что последовательности тонов могут выражать различные формы сочинения, подчинения, контраста и других явлений речи. В ту пору, когда связь мыслей регистрировалась тщательным подбором слов и соответствующим выбором союзов, интонация не играла такой роли, какую она играет сейчас, когда спонтанность речи не позволяет тщательно полировать свой стиль, и это особенно справедливо в отношении современного английского языка».⁴

Английские последовательности тонов могут быть в целом поделены на два класса, которые можно назвать сочинительными и подчинительными. Именно об этом и пишет Г. Пальмер, основная мысль (с иллюстрациями) которого сводится к тому, что сочинительные последовательности обычно демонстрируют идентичность тоновых групп, а подчинительные представлены разными тоновыми группами.

Из сказанного ясно, что это чисто условная корреляция, ни в коей степени не объясняющая семантику нисходящих и восходящих тонов. В его материале мы сталкиваемся опять-таки с короткими предложениями, содержащими не больше двух интонационных контуров, и при всем том, что спорить с Г. Пальмером по поводу интонирования того или иного предложения довольно трудно (все зарегистрированные им интонации вполне могут быть реальными интонациями английского языка), проблема функций нетерминальных тонов в рамках его работы никак не обозначена.

⁴ *Palmer H.E. English Intonation with Systematic Exercises. Cambridge, 1924.*

Более обнадеживающий подход мы находим в работе Алана Круттена⁵. Он в целом согласен с тем, что использовать падающий тон в нетерминальных синтагмах просто не верно с точки зрения общего смысла предложения, ведь мысль еще не окончена, а тон производит впечатление финальности. Соответственно, более уместно использовать именно восходящий тон, так как он указывает на продолжение мысли. Доминирующая роль восходящего тона просматривается и при перечислении даже если ограничиться рамками разговорной тематики. Такая фраза как: “ /Gin | /whisky| /sherry| /beer” предполагает, что человеку предлагается выбор, и вполне возможно, что данное перечисление может быть продолжено.

Но если последний элемент перечисления произносится с падающим тоном: “ /Gin| /whisky| /sherry| \beer”, то это как бы закрывает выбор. Однако и в том, и в другом случае все равно доминирует восходящий тон: за исключением последнего элемента все остальные элементы перечисления оформляются только восходящим тоном.

Круттенден признает, что только на основании направления движения тона трудно установить границу между лексической привязанностью интонации, ее грамматической ролью, дискурсной ролью или ее эмоциональной окрашенностью.

Какие же, все-таки, причины могут повлиять на применение нисходящих тонов в нетерминальных синтагмах в речи тех англичан, которые говорят на R.P.? Сопоставляя образцовое чтение, приведенное выше, с некоторыми другими текстами (принадлежащим к другим регистрам речи) мы приходим к выявлению явной закономерности: то или иное завершение нетерминальных синтагм определяется тембром голоса говорящего, которое он совершенно сознательно применяет в том или ином регистре с определенной целью.

Для начала сопоставим чисто дескриптивный текст образца с регистром сказки, причем мы сознательно выбираем сказку Оскара Уайльда “The Harpu Prince”, где на первый взгляд явно преобладают нисходящие тоны в нетерминальных синтагмах.

Поскольку эта сказка Оскара Уайльда характеризуется элегическим тембром, то здесь стремление к низкому уровню вполне объяснимо и понятно. Тот факт, что отрицательные эмоции стремятся к низкому уровню диапазона, был уже установлен очень давно в фонетической литературе.

⁵ *Cruttenden A. Falls and Rises: Meanings and Universals. / J. Linguistics. / London, Cambridge, 1981, pp. 77-91.*

High lower lower
High above the city, | on a tall column, | stood the statue of the
low slower
Happy Prince. || He was ,gilded 'all .over with 'thin .leaves of 'fine
fast lower
,gold), | for eyes he had 'two .bright sapphire, || and a ~ large ruby ||
low
"glowed on his "sword-hilt. |||

Варьирование мелодической кривой в пределах первого предложения происходит, в общем-то, по принципу “Descending Scale”. Таким образом, стандарт английской интонации сохраняется, хотя в каждой последующей нетерминальной синтагме употребляется нисходящий тон. Постепенное понижение мелодической кривой, как это видно из тонетической транскрипции, происходит за счет первоначальных ударных слов в каждой нетерминальной синтагме. Знак стрелки указывает на незначительное, но тем не менее весьма важное замедление темпа перед главным (или в другой терминологии «ядерным») словосочетанием “The Happy Prince”. Совершенно очевидно, что предложение не может кончиться на слове “statue”— это тоже элемент нетерминальной синтагмы. Замедление вместе с небольшой паузой призваны подчеркнуть последнее словосочетание, где оказывается более ярко выраженным тот же самый *элегический тембр*, который с такой же яркостью был выражен и в названии самой сказки. Элегический тембр характерен вообще для всего предложения, и поэтому небольшую паузу следует рассматривать как риторическую, то есть еще раз помимо названия сказки подчеркивается истинный смысл сочетания “The Happy Prince”, то есть “Unhappy Prince”.

Две последние синтагмы произносятся не только замедленно, но и с еще большим понижением тона и даже с некоторой напряженностью, что у нас выражено удвоением знака падения. Тембр становится уже даже не элегическим, а трагическим, как будто речь идет не о рубине, а об оковах, которые вынужден нести на себе мнимый любимец. За исключением различных реплик чтец читает эту сказку довольно монотонно, что в общем не противоречит общему элегическому настрою повествования. Иногда элегический тембр получает большую выраженность, как, например, в следующем случае:

high
"I'm glad there is someone in the world who is `quite /happy," |
pl > slow
,muttered a disap. pointed man | as he ,gazed at the .wonderful
fast
statue. ||

И начало речи разочарованного человека, и последнее слово “happy” характеризуются предельной выраженностью элегического тембра, но вообще-то в сказке присутствуют и другие голоса. Понятно, что в сцене ухаживания ласточки за тростинкой голос рассказчика меняется иногда в положительную сторону, однако в большинстве других случаев мы слышим или безразличие, или раздражение, осуждение и довольно часто иронический тон самого чтеца и т. д. Исключение составляют только детские голоса в мимолетном эпизоде в начале сказки. Что же касается завершения нетерминальных синтагм, то в дальнейшем чтец даже далеко не столь однообразен как в самом начале сказки, не говоря уже о сцене ухаживания, где восходящие тоны встречаются достаточно часто. **Таким образом, мы можем сделать вполне обоснованный вывод о том, что употребление восходящих тонов вместо нисходящих напрямую связано с выбором соответствующего тембра голоса.** Отметим еще раз, что первый отрывок-образец, где преобладали нетерминальные восходящие тоны, характеризуются **ясным торжественным тембром**.

Но как же все-таки быть с теми представителями Р.Р., которые практически не пользуются восходящими тонами в нетерминальных синтагмах? Какие причины движут этими говорящими?

Прежде всего, чем объяснить, например, интонационное оформление речей Маргарет Тэтчер, которая получила должную риторическую подготовку? Неужто только потому, что она хотела прослыть “железной леди”?

Действительно, непрерывные нисходящие тоны (да еще, как правило, с высокого уровня) настолько затемняют отдельные подъемы, что создается впечатление напористости, уверенности в своих силах, непоколебимости. Приведем ряд отрывков из ее интервью репортерам из различных стран в Москве.

The 'eco\nomic re\form | is 'something | where the 'Government provides the 'oppo\r'tunity | for the ,greater .personal _liberties|_and 'people||↑have to re\spend | in 'partnership with _Government. ||

'Eco _nomic re ,form, | the \fruits of .eco.nomic re _form (the "greater pros _perity), | can ↑only come a ,bout | with the "active_and _willing co^operation | and \greater .effort by the _people. | 'If_you take _freedom, | , then you must .take re.sponsi\bility _with it. ||

Нетрудно заметить, что вдобавок к нисходящим тонам добавляются и частая паузация, и предварительное (перед падением) повышение

или нарастание тона (типичным примером является “| is ~something | where the 'Government_pro`vides the 'oppo`rtunity |”) или, другими словами, разгон перед падением, и на фоне падений нисходяще-восходящие тоны вполне могут воспринимать тоже как падения. Все это, по-видимому, делается совершенно сознательно, подается как предельная уверенность в излагаемых постулатах.

~Secondly, | the "glasnost", | the po\litical re .form, | I 'think has gone far \further, | far \faster, | than \any of us | could 'ever have \thought. || And it /seems to me | that 'they have trans\formed | the 'whole atmosphere. | I 'be\lieve that " pere , stroika" \will suc\ceed, | that is the 'eco\nomic re ,form | 'following po\litical reform. ||

Значительную роль играют и добавочные ударения и эмфаза, не только падающих, но и ровных тонов.

Но если внимательно посмотреть на тоновую транскрипцию нельзя не заметить присутствия и восходящих тонов (пусть немногочисленных). И с этой точки зрения любопытен следующий эпизод.

I 'think it is perhaps \easier for,governments to ,bring a .bout po \litical re ,form | than it is to 'bring about eco \nomic re .form. |_The po \litical can be,done by the \government ,taking the .requisite \action | ,all that re ,quires a 'great deal of,boldness and,courage and "vision, | all of,which we thought were \coming from Mr. \Gorbachev. ||

Во-первых, не надо забывать о выше сказанной мысли А. Круттендена о “привязке” тонов к определенной лексике: “Для глагола ‘think’ типичной является именно восходящая интонация, в то время как ‘know’ будет произноситься с нисходящей интонацией (“The verb ‘think’ will typically take a rising tune whereas ‘know’ will take a falling tune.”см. там же, с. 80)”. И с этой точки зрения весьма примечательным выглядит отсутствие нисходящих тонов на таких словах, как “**I think**”, “**I believe**” и в особенности “**It seems to me**”: выражения, где настойчивость с точки зрения англичанина выглядит неуместной.

Во-вторых, в последнем абзаце из речи М. Тэтчер, где она как бы размышляет о политике, количество восходящих тонов практически уравнивается с нисходящими, меняется тембр речи.

В третьих, здесь же мы видим и грамматическую причину употребления восходящих тонов (об этом тоже говорил А. Круттенден): перечисление (a 'great deal of,boldness and,courage and "vision).

Таким образом, как видим, причины по которым предпочитается тот или иной тон могут быть разными, но **на первом месте для больших частей текста оказывается необходимый в данной ситуации тембр голоса говорящего.**

Л и т е р а т у р а

1. Allerton, D.J. & Cruttenden, A. English Sentence Adverbials: their Syntax and their Intonation in British English. *Lingua* 34, 1974, pp.1-30.
2. Armstrong, L.E. & Ward, I.C. Handbook of English Intonation. Cambridge, 1926.
3. Bolinger, D. Intonation across Languages. *Universals of Human Language*. Vol. 2: Phonology. Stanford, 1978.
4. Brazil, D. Discourse Intonation. Birmingham, 1975.
5. Crystal, D. Prosodic Features and Linguistic Theory // *The English Tone of Voice*. London, 1975.
6. Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. The Hague: Mouton, 1967.
7. Kingdon, R. The Groundwork of English Intonation. London, 1959.
8. Liberman, M. The Intonational System of English. Bloomington, 1978.
9. Romportl, M. On the Synonymy and Homonymy of Means of Intonation. In *Studies in Phonetics*. The Hague: Mouton, 1973.
10. Trubetskoy, N.S. Principles of Phonology. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969.

Обыгрывание «устойчивых метафор» в произведениях Агаты Кристи

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2003

Многочисленные последние исследования в области английской фразеологии показывают, что в регистре художественной литературы весьма обычно явление обыгрывания, деформации¹ «устойчивых метафор»², которое следует рассматривать как широко используемый универсальный прием, характерный как для речи автора, так и для речи персонажей.

Авторы различных эпох и направлений обращаются к явлению преобразования «устойчивых метафор»; при этом наблюдается огромное разнообразие лингвистических приемов деформации той или иной идиомы.

Цель данной статьи – описать наиболее узуальные приемы обыгрывания английских «устойчивых метафор» в произведениях А. Кристи и показать, какие стилистические эффекты достигаются при этом писательницей.

Сложность проблематики требует от нас поэтапного расположения материала, поэтому примеры будут представлены по мере усложнения приемов деформации.

Начнем с приема замены одного или нескольких компонентов идиомы, ср.:

She might go to the police. Would they believe her? Again she thought not.

She might go to Mr. Pyne's office. That idea undoubtedly pleased her best. For one thing, she would like to tell that oily scoundrel what she thought of him. She was debarred from putting this plan into operation by a vital obstacle. She was at present in Cornwall (so she had learned), and she had no money for the journey to London. Two and four-pence in a worn purse seemed to represent her financial position.

And so, after four days, Mrs. Rymer made a sporting decision. For the present she would accept things! She was Hannah Moorhouse. Very well, she would be Hannah Moorhouse. For the present she would accept that role,

¹ «Деформация идиомы – фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных семантических единиц» [Ахманова 1966: 166].

² «Устойчивая метафора» – термин, введенный для обозначения собственно идиомы, см. [Изотова 1994].

and later, when she had saved sufficient money, she would go to London and beard the swindler in his den.

And having thus decided, Mrs. Rymer accepted her role with perfect good temper, even with a kind of sardonic amusement. History was repeating itself indeed. This life here reminded her of her girlhood. How long ago that seemed! (A. Christie. The Case of the Rich Woman)

В данном случае компонент *lion*, принадлежащий устойчивой метафоре *beard the lion in his den* ('to face someone frightening or powerful, e.g. one's employer or an opponent, boldly in his own surroundings'³) заменяется на существительное *swindler* 'мошенник, жулик'. Намерение говорящей разоблачить мошенника в его же «логове» (офисе) создает комический эффект.

Приведем еще один пример такого рода.

I wondered a good deal. And I noticed another peculiar thing! Miss Emily's hypochondriac, but she's the first hypochondriac who hasn't sent for some doctor or other at once. Hypochondriacs love doctors. Miss Emily didn't!" "What are you suggesting, Miss Marple?" "Well, I'm suggesting, you know, that Miss Lavinia and Miss Emily are peculiar people. Miss Emily spends nearly all her time in a dark room. And if that hair of hers isn't a wig, I — I'll eat my own back switch! And what I say is this — it's perfectly possible for a thin, pale, grey-haired, whining woman to be the same as a black-haired, rosy-cheeked, plump woman. And nobody that I can find ever saw Miss Emily and Mary Higgins at one and the same time. (A. Christie. The Case of the Perfect Maid)

В данном отрывке обыгрывается идиома *I'll eat my hat* 'даю голову на отсечение'. Эта фраза регистрируется словарями как усиленное восклицание (например, *If they don't tell their parents before tonight I'll eat my hat = I am sure they will tell their parents*⁴). Компонент *hat*, принадлежащий данной идиоме, интерпретируется говорящей буквально и заменяется на словосочетание *my own back switch* ('моя собственная накладная коса'), которое тематически связано с существительным *wig* ('парик'), употребленным в начале предложения (*and if that hair of hers isn't a wig...*). Подобное обыгрывание создает яркий комический эффект.

Нередко используется прием «вклинивания», когда идиома деформируется структурно и семантически путем внесения в ее состав дополнительного элемента, ср.:

³ Толкования идиом взяты из словаря Longman Dictionary of English Idioms. The Pitman Press, Bath, 1980.

⁴ Ibid.

"The Caymans," said Frankie. "I can't think how we've been so remiss as not to have looked them up before. You've kept the address Cayman wrote from, haven't you?"

"Yes. It's the same they gave at the inquest. Number 17 St. Leonard's Gardens, Paddington."

"Don't you agree that we've rather neglected that channel of inquiry?"

"Absolutely. All the same, you know, Frankie, I've got a very shrewd idea that you'll find the birds flown. I should imagine that the Caymans weren't exactly born yesterday." (A. Christie. Why didn't they ask Evans?)

В данном случае деформируется идиома *be born yesterday* ('to be easily deceived') за счет введения наречия *exactly*, которое усиливает значение фразы и выполняет функцию уточнения. Читатель видит, что чету Кейманов было совсем нелегко обмануть.

Следующий пример «усечения» («эллипсис»), когда идиома деформируется путем опущения одного или нескольких компонентов:

"Pray be seated, messieurs," said Poirot politely.

"Will you take the big chair, milord?"

Lord Estair started slightly. "You know me?"

Poirot smiled. "Certainly. I read the little papers with the pictures. How should I not know you?"

"Monsieur Poirot, I have come to consult you upon a matter of the most vital urgency. I must ask for absolute secrecy."

"You have the word of Hercule Poirot — I can say no more!" said my friend grandiloquently.

"It concerns the Prime Minister. We are in grave trouble."

"We're up a tree!" interposed Mr. Dodge. (A. Christie. The Kidnapped Prime Minister)

Как мы видим, используется только часть идиомы *up a gum tree* ('in a difficult situation'). Стилистический эффект усиливается благодаря противопоставлению в речи двух персонажей семантически схожих фраз: выражения *to be in grave trouble* ('иметь серьезные неприятности'), носящего официальный характер, и разговорной идиомы *up a gum tree*, носящей в словарях помету *humorous*.

В некоторых случаях можно наблюдать оформление идиом множественным числом, что нередко приводит к эмфатическому эффекту, ср.:

"This is a very clever actor impersonating Nicholson."

"But why — and who could it be?"

"Bassington-ffrench," breathed Bobby. "Roger Bassington-ffrench. We spotted the right man at the beginning and then — like idiots, we went astray after red herrings." (A. Christie. Why didn't they ask Evans?)

'M. Poirot, within the last six months he has had three narrow escapes from death: once from drowning — when we were all down at Cornwall this summer; once when he fell from the nursery window; and once from ptomaine poisoning.'

Perhaps Poirot's face expressed rather too eloquently what he thought, for Mrs Lemesurier hurried on with hardly a moment's pause: 'Of course I know you think I'm just a silly fool of a woman, making mountains out of molehills.' (A. Christie. The Lemesurier Inheritance)

В первом случае во множественном числе употребляется идиома *a red herring* ('a suggestion, piece of information etc., introduced into a situation in order to draw someone's attention away from the truth or more important part of the situation'). Во втором примере мы наблюдаем тот же прием в отношении устойчивой метафоры *make a mountain out of a molehill* ('to worry about or become excited about matters that are not really important at all').

Обратимся к более сложным случаям. Явление деформации представляет собой особую фигуру речи, «метаметафору», основанную на вторичном метафорическом смещении значения устойчивой метафоры⁵.

Как показывают исследования, «метаметафора» всегда индивидуальна, однако в ее основе отчетливо выделяются два главных процесса, которые приводят к разрушению структурно-семантической стабильности материального состава «устойчивой метафоры», в результате чего и возникают разнообразные метаметафоры. Метаметафора создается в результате отдельного воспроизведения компонентов «устойчивой метафоры» как самостоятельных лексических единиц со значением, тождественным глобальному идиоматическому значению исходной единицы⁶, ср.:

Ah, sapristi, is Hercule Poirot to be beaten? Never! Let us be calm. Let us reflect. Let us reason. Let us — en fin — employ our little grey cells!"

He paused for some moments, bending his brows in concentration; then the green light I knew so well stole into his eyes.

'I have been an imbecile! The kitchen!' (A. Christie. The Veiled Lady)

В данном примере из состава устойчивой метафоры *get the green light* ('to receive permission to start work etc.') вычленяется словосочетание *the green light*. Как мы видим, это словосочетание в данном контек-

⁵ Об этом см. [Тер-Минасова 1981; 1986], [Чиненова 1986].

⁶ Об этом см. [Чиненова 1983; 1986; 1988], [Изотова 1994], [Izotova 1998; 2001].

сте используется как самостоятельная лексическая единица со значением 'получить возможность приступить к поискам'.

'So we are going there?'

'Mais oui. Though frankly I fear we shall be too late. Our bird will have flown, Hastings.'

'Who is our bird?'

Poirot smiled.

'The inconspicuous Mr Simpson.' (A. Christie. *The Adventure of the Clapham Cook*)

В данном случае деформируется идиома *the bird has flown* ('the person being searched for has escaped or disappeared'). В начале отрывка идиома с введением перфектного будущего времени и притяжательного местоимения *our* используется в тексте полностью. В дальнейшем в реплике другого персонажа существительное *bird* выделяется из состава исходной единицы как «потенциальное слово», употребляется в вопросительной конструкции и звучит как конкретный вопрос (*Who is our bird?*), на который дается исчерпывающий ответ (*The inconspicuous Mr Simpson*).

Обратимся ко второму процессу, приводящему к созданию «метаметафоры». Может произойти оживление внутренней формы устойчивой метафоры за счет сопоставления ее с омонимичным ей свободным сочетанием слов, а также словами, тематически близкими словам, послужившим основой исходной единицы. Приведем ряд примеров.

'Nothing struck you as being especially significant, although overlooked by Japp?' I looked at him curiously.

'What have you got up your sleeve, Poirot?'

'What did the dead man have up his sleeve?'

'Oh, that handkerchief!'

'Exactly, that handkerchief.'

'A sailor carries his handkerchief in his sleeve,' I said thoughtfully. (A. Christie. *The Market Basing Mystery*)

В данном контексте обыгрывается устойчивая метафора *have/keep an ace/card up one's sleeve* ('to have an idea, plan, piece of information, etc., that one keeps secret at the best possible moment'). Как мы видим, преобразованная идиома оформляется вопросительной конструкцией со значением 'Что вы такое задумали?' (*What have you got up your sleeve?*). Затем оживляется номинативное значение компонента идиомы *sleeve*, данная идиома противопоставляется омонимичному ей свободному сочетанию слов, которое используется в соответствующем ему лексическом окружении.

"I am going to ask a question quickly, before Miss Marple can," said Sir Henry. "I want to know whether, after the tragedy, Jerry Lorimer married Maud Wye?"

"Yes," said Mrs. Bantry. "He did. Six months afterward."

"Oh! Scheherazade, Scheherazade," said Sir Henry. "To think of the way you told us this story at first! Bare bones indeed — and to think of the amount of flesh we're finding on them now."

"Don't speak so ghoulishly," said Mrs. Bantry. "And don't use the word flesh. Vegetarians always do. They say, 'I never eat flesh,' in a way that puts you right off your nice little beefsteak." (A. Christie. *The Herb of Death*)

В данном отрывке говорящий преобразует устойчивую метафору *the bare bones* ('the most important part of smth'). Вначале идиома употребляется в своей словарной форме, а затем в ее компоненте *bones* оживляется буквальное значение и он связывается с тематически близким словом *flesh*. Следует отметить, что, с одной стороны, существительные *bones* и *flesh* воспринимаются как слова с номинативным значением; с другой же, они сохраняют свое метафорическое значение 'голые факты' и 'подробности, информация', так как они оказываются не понятыми в контексте художественного произведения, на чем и основывается дальнейшая деформация (*Don't use the word flesh. Vegetarians always do. They say, 'I never eat flesh'...*).

Таким образом, в отличие от «узуральных», «устойчивых» метафор, которые представляют собой собственно идиомы, «метаметафоры» всегда являются оригинальными и зависят от творческих языковых способностей говорящего и интенции автора.

Л и т е р а т у р а

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Изотова А.А. Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. М., 1994.
Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.
Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
Чиненова Л.А. Процессы развития английской идиоматики // Вопросы языкознания. 1983. №2.
Чиненова Л.А. Английская фразеология в языке и речи. М., 1986.
Чиненова Л.А. Динамика семантических процессов / Методика и методология изучения языка. М., 1988
Izotova A. English Idiomatic Phraseology in Fiction. М., 1998.
Izotova A. English Idioms: Usage and Tradition. М., 2001.
Longman Dictionary of English Idioms. The Pitman Press, Bath, 1980.

К вопросу об определении дискурса в современной лингвистике

© Ж. В. Рассошенко, 2003

Термин «дискурс» широко используется при анализе литературных и нелитературных текстов. Этот термин имеет, пожалуй, самый широкий круг возможных значений. Самый простой путь выяснить значение какого-либо слова – это заглянуть в словарь.

«Дискурс 1. устное сообщение; разговор, беседа; 2. формальное, официальное выражение мыслей в речи и на письме; 3. единица (часть) текста, используемая лингвистами для анализа языкового явления, которая охватывает более одного предложения; 4. to discourse: способность обосновывать, ораторствовать (архаичн.) 5. to discourse on/upon: говорить или писать в официальной форме; 6. вести дискуссию» [Collins Concise English Dictionary, 1988] (Перевод мой – Ж.П.).

«Discourse: 1. разговор, беседа формального характера; официальное, надлежащим образом оформленное выражение мыслей (идей) в речи и на письме; также выражение мыслей в форме наставления, проповеди, монографии или письма (среднеанглийский: discours, от латинского act of running about – суетиться). [Longman Dictionary of the English Language, 1984] (Перевод мой – Ж.П.).

Основной смысл слова дискурс – диалог, разговор. Это основное значение слова «дискурс» во французском языке, и с 1960 года это слово ассоциируется с французской философской мыслью, хотя термины discours и discourse не полностью соответствуют друг другу. Итак, французско-английский словарь дает нам следующие определения: «discourse: a) speech; tous ces beaux discours: all this fine talk (pejorative); suis moi sans faire de discours: follow me and no arguing! Следуй (сходи, повторяй) за мной и не спорь. Perdre son temps on discours: to waste one's time talking – терять (тратить) время на разговоры; b) discours direct/indirect: direct/indirect speech (linguistics) – прямая/косвенная речь (лингвистика); c) discourse: (philosophical treatise) – философский трактат; discourir; faire un discours: to discourse; to hold forth upon; to chat (pejorative) – бранить» [Collins Robert Consise French Dictionary, 1990].

В шестидесятые годы значение слова «дискурс», его философский смысл и теоретическая интерпретация слегка изменились, но основной смысл остался.

Теоретически сложно определить где и как проследить значения дискурса. Глоссарий теоретических терминов иногда помогает, но часто контекст, в котором встречается термин дискурс, играет более важную

роль для определения значения «дискурса». В каких же контекстах используется термин «дискурс»?

Например: когда лингвисты говорят о «дискурсе» в рекламе они, естественно, имеют ввиду нечто другое, чем психологи, когда говорят о «дискурсе расизма».

Даже в пределах одной дисциплины присутствует большая доля «размытости» в ряду определений термина дискурс.

Возьмем, например, значение термина «дискурс» в лингвистике, данное известным ученым Давидом Кристалом [Crystal, 1980]:

Дискурс – это термин, употребляющийся в лингвистике для определения продолжительного отрезка (особенно устного) языка, большего чем предложение, – но в пределах этого широкого понятия можно обнаружить несколько различных видов использования (применения). В наиболее общем смысле дискурс – это поведенческая единица, имеющая дотеоретический статус в лингвистике: это ряд высказываний, которые составляют известные (узнаваемые) речевые акты (не взирая на их лингвистическую структуру) такие как беседа, шутка, проповедь, интервью.

Классификация функций дискурса, особенно в отношении обсуждаемого вопроса, ситуации и поведения говорящего, часто встречается в социолингвистике (первобытнообщинных обществ в особенности), примером могут служить характерные диалоги и монологи, или (более характерно) ораторское искусство, ритуалы, оскорбления, повествования и т.д. В последние годы многие лингвисты пытались выявить лингвистическую систему (правильность) в дискурсах (**анализ дискурса** или сокращенно **ДА**), используя грамматический, фонологический и семантический критерии (такие как когезия, анафора, межпредложная связь) (Перевод мой – *Ж.Р.*).

Анализ дискурса концентрирует внимание на структуре естественного разговорного языка, встречающего в «дискурсах» типа беседы, интервью, комментариев, речах. Анализ текста концентрируется на структуре письменного языка, который встречается в таких «текстах» как эссе, заметки, дорожные знаки, главы или разделы книг. Но это различие не очень четкое, и существует множество других употреблений этих терминов (названий). В частности, «дискурс» и «текст» можно использовать в более широком смысле, включая все языковые единицы с определяемой коммуникативной функцией, устной или письменной. Некоторые ученые говорят об «устном или письменном дискурсе», другие – об устном или письменном тексте. (Перевод мой – *Ж.Р.*).

Дискурс, как и многие другие термины, во многом определяется тем, чему он противопоставляется. Дискурс часто характеризуется отличиями от целого ряда терминов, таких как: текст, предложение, идео-

логия – каждый из которых маркирует (означает) значение дискурса. Например, Дж. Лич [1983] утверждает что “Discourse is linguistic communication seen as transaction between speaker and hearer, as an interpersonal activity whose form is determined by its social purpose. Text is linguistic communication (either spoken or written) seen simply as a message coded in its auditory or visual medium» (Дискурс – это лингвистическая коммуникация, рассматриваемая как акт межличностной деятельности, происходящий между говорящим и слушающим, форма которого определяется ее социальной целью. Текст – это лингвистическая коммуникация (устная или письменная), которая рассматривается просто как сообщение, закодированное в слуховом или визуальном средстве сообщения». (Перевод мой – Ж.Р).

Мишель Стабс [1983] так характеризует текст и дискурс: «Текст и дискурс как синонимы в определенной степени, но в некоторых случаях употребления текст может быть письменным, в то время как дискурс – устным, текст может быть коротким или длинным, тогда как дискурс предполагает какую-то длину (продолжительность), текст обладает поверхностной когезией, тогда как дискурс имеет более глубокую когерентность. Некоторые теоретики проводят различие между абстрактными, теоретическими построениями и прагматической реализацией, хотя, вызывает огромную путаницу то, что среди них нет согласия о том, какую из них отражает термин текст». (Перевод мой – Ж.Р.).

Эмиль Бенвенист сравнивает дискурс с «языковой системой»:

«Предложение, как не имеющее определения воплощение безграничного разнообразия, является формой существования речи в действии. Из этого можно заключить, что вместе с предложением мы выходим из языка как системы знаков и входим в другую мир, где язык – это инструмент общения, выражением которого является дискурс. [Бенвенист, 1974].

Автор таким образом характеризует дискурс как “domain of communication”, но продолжает сравнивать дискурс с историей или рассказом, что является отличием, распространенным во французском, нежели в английском языке из-за использования разных видов прошедших времен для повествования в устной речи.

«Дискурс нужно понимать в широком смысле слова как любое высказывание (utterance) говорящего и слушающего, намерение воздействовать на другого в какой-то мере. Это любая разновидность устного дискурса любой природы от тривиального разговора до отработанной речи, это также огромное количество письменной речи, которая производит (создает) устный дискурс или которая перенимает способ его выражения и его цели: переписка, мемуары, пьесы, в общем все жанры, где есть говорящий. Различие, которое мы находим между историче-

ским повествованием и дискурсом, совсем не совпадает с тем различием, которое существует между устной и письменной речью» [Benveniste, 1971]. (Перевод мой – Ж.Р.).

Историческое повествование существует в основном в письменной форме, тогда как дискурс имеет и устную, и письменную форму выражения. Фактически дискурс моментально переходит из одной формы в другую.

Каждый раз, когда дискурс появляется в историческом повествовании, например, когда историк воспроизводит чьи-то слова, мы переходим в другую форму времени, в форму времени дискурса.

Таким образом, пытаясь найти определение термину «дискурс», мы сможем обратиться к словарю, к контексту или принять во внимание те термины, которые обычно используют для сравнения с дискурсом, но ни один из этих способов не дает нам четкого определения значения слова «дискурс».

Дискурс не может быть определен однозначно, так как он имеет очень сложную историю и используется по-разному различными учеными.

Вот, например, как комментирует дискурс Мишель Фуко: «вместо постепенного сокращения довольно неустойчивого (переменного) значения слова «дискурс», я полагаю, что фактически пополняю его значения, трактуя дискурс иногда как основное поле деятельности всех высказываний, иногда как индивидуальную группу высказываний, иногда как регулируемое применение, которое объясняет множество высказываний» [Foucault, 1972] (Перевод мой – Ж.Р.).

Проанализировав эту цитату, мы найдем первое наиболее широкое определение дискурса: «the general domain of all statements», т.е. все высказывания (аттерации) или тексты, имеющие значение и воздействие в реальной действительности, считаются дискурсом. Это довольно широкое определение дискурса, используемое М. Фуко, особенно в его ранних работах, где он обсуждал концепт дискурса на теоретическом уровне.

Второе определение, которое он дает – «индивидуальная группа высказываний» – это определение чаще используется Фуко при обсуждении определенных структур внутри дискурса; таким образом он пытается определить дискурс как группу высказываний.

Данное определение позволяет нам говорить о существовании различных дискурсов: дискурса феминизма, дискурса империализма и т.д.

Как известно, дискурс начали систематически изучать в семидесятые годы прошлого столетия. В период с 1977 по 1983 г. появились два основных журнала “Discourse Processes” (1978) и “Text” (1981) и пять

учебников (Beaugrande & Dressler 1981, Brown & Yule 1983, Coulthard 1977, Edmondson 1981, Stubbs 1983).

Вскоре появилось четырехтомное издание “Handbook of Discourse Analysis” [van Dijk 1985] Журнальные статьи, учебники и другие дополнения к изучению дискурса выявили огромную гетерогенность в подходах. Полученные данные, выбор теоретической позиции и связь с другими дисциплинами оказались достаточно разнообразными, чтобы предположить, что дискурс есть нечто большее, чем раздел лингвистики.

Большинство подходов к изучению дискурса выходило за пределы предложения. Что касается данных, подтверждающих, что теория изучения языка, основываясь на предложении, опирается на «искусственные» придуманные предложения и интуитивные оценки их грамматической приемлемости, подобная процедура при изучении дискурса кажется спорной. Процедура изобретения целого текста и последующая оценка его приемлемости не получила широкого применения. Аналитики дискурса неохотно полагались на наблюдения за естественным «живым» языком. А ученые, делающие выводы на основе «живого» языка неизбежно выходили за границы предложения, так как «живой» язык редко помещается в рамки отдельного предложения.

Изучая «живой» язык, аналитики дискурса стали лучше разбираться в жанрах и стилях языка. Огромное внимание уделялось разнице между устным и письменным языком. Хотя многие дискурсивные методики подходили к изучению избирательно – либо устный, либо письменный язык – возрастал интерес к сравнению обоих видов языка. Изучение дискурса стало больше основываться на «функциональном объяснении», чем на абстрактном формализме. Дискурс составляет часть языка, наиболее подверженную влиянию психологических и социальных факторов. Дискурс, соответственно, не может восприниматься вне психологического и социального контекста, но требует тщательного изучения таких аспектов языка, как морфология и синтаксис. Таким образом рассмотрение дискурса становится невозможным без более полного понимания таких знакомых понятий как анафора и порядок слов.

Итак, аналитики дискурса пытались на протяжении всего его изучения понять, как живой язык определяется и, в свою очередь, определяет способы получения знаний, их хранения и использования умом человека, как язык формирует и формируется путем взаимодействия людей друг с другом внутри социально-культурного контекста. Отдельные предложения в основном изучаются «в пределах» грамматики и лексикона, в то время как дискурс изучается в свете различных функций, отвечающих за сам язык.

В связи с вышеизложенным выясняется, что основные области исследования «заставляют» грамматику выйти за пределы предложения, помогают определить дискурс, как способ увидеть «изнутри» социальное взаимодействие.

Более ранние исследования грамматической структуры были расширены некоторыми лингвистами и пересмотрены с точки зрения дискурса [З. Харрис 1952, К. Пайк 1967]. Тагмемный подход, разработанный Пайком [1982] и его последователями, был очень широким. Как отмечает Бисималиева, «понятие «вектор» у Пайка отражает понятие «фрейм». Единицы языка рассматривались в разных «перспективах», как заполняющие определенные позиции или “slots” в тексте; как члены какого-либо класса: как функционирующие в определенной роли в предложении или в тексте. Ряд этих перспектив для каждой единицы называется тагмемой. И единицы языка рассматриваются в одном ряду с единицами поведения (бихевиорами). [Бисималиева, 1998].

3. Харрис [1952] и его последователи разработали дистрибутивный подход. Харрис построил лингвистическое учение, основанное на дистрибуции, или расположении некоторых частей или свойств, соотносимых друг с другом в потоке речи.

Другие ученые, имена которых ассоциируются с «Летним институтом лингвистики» продолжали вносить неоценимый вклад в изучение дискурса. Стоит особенно упомянуть учения Граймса [Grimes, 1975], Лонгака [Longacre 1983], Филмора [Fillmore 1985], Халлидэя [Halliday 1985].

Британский психолог Ф. Барлетт [1932] использовал текстовый материал, чтобы продемонстрировать целесообразное размещение информации в памяти. Для этого он ввел понятие «схема» (schema). Это понятие широко используется в когнитивной психологии [Rumelhart, 1989], где необходимо моделирование знаний о мире с учетом полученного в прошлом опыта.

Стоит также остановиться на некоторых положениях теории Т. Гивона (полное представление о которой можно получить, ознакомившись с его работами, а более точную хронологию и основные конструктивные идеи можно найти в сборнике обзоров под ред. А.А. Кибрика [1997])

В книге «О понимании грамматики» [1979] и в статьях сборников «Дискурсивные подходы к синтаксису» [1979] Гивон сформулировал дискурсивно-ориентированный подход к синтаксису. Вскоре была опубликована монография «Непрерывность топика в дискурсе: квантативное типологическое исследование» [Givon 1983], где по-новому были раскрыты такие понятия как референция, порядок слов, топикализация и т.д. Эта монография состоит из статей по разным языкам.

Разнообразие дискурсивной лингвистики отражает растущий интерес к этому вопросу. Говоря о дискурсе, нельзя не остановиться на работах Уолласа Чейфа. В нашей стране он известен как автор книги «Значение и структура языка» [Чейф 1971; 1975].

Работа «Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме» (1994) посвящена исследованию языка и сознания. Эти две области непосредственно связаны. Чейф настаивает на том, что исследователь имеет право опираться на интроспекцию как на законный источник информации о когнитивных процессах. Язык – это ничто иное, как мощный инструмент проверки наших интроспективных гипотез. Чейф также отдает предпочтение естественным данным, а не искусственным. Его интересуют две проблемы. Первая – это объяснение языковых явлений на основе процессов, происходящих в сознании. Вторая – сопоставление устного и письменного языка. Естественно, более универсальной формой языка является устная, хотя большая часть усилий направляется на письменный язык.

Вот что мы читаем о термине дискурс в статье У. Чейфа в Международной лингвистической энциклопедии (1992): «термин «дискурс» разными учеными употребляется по-разному, но именно выяснение этих различий составляет основную заинтересованность при изучении языка за пределами отдельного предложения. Термин текст употребляется в подобных случаях. Оба эти термина обозначают часть языка, большую чем предложение, которую можно назвать и «текст» и «дискурс». К «дискурсу» можно отнести и изучение языка такими разделами лингвистики как синтаксис и морфология. Очень часто в этом случае используется понятие «анализ дискурса» (или текста) или «лингвистика дискурса (или текста)».

К проблеме изучения текста в настоящее время обращаются многие исследователи.

В лингвистике понятием текст обозначают любой отрывок, образующий единое целое. Это понятие включает в себя произведения устной и письменной речи. По определению И.Р. Гальперина, текстом называется «произведение речевого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда основных единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (1977). Но согласно этому определению текст понимается только как произведение письменной речи. А для обозначения произведений устной речи первоначально употреблялось понятие «дискурс». А настоящее время оба понятия «текст» и «дис-

курс» используются для обозначения произведений устной и письменной речи.

В лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение дискурса: «дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социо-культурными и другими факторами; текст, взятый в собственном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) и изучается совместно с соответствующими «формами жизни» (репортаж, инструктаж, светская беседа)» (1990).

Различение понятий текст и дискурс возможно при противопоставлении когнитивной деятельности и ее результата. Как отмечают Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова. «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, создание речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Такое противопоставление реального говорения его результату помогает понять и то, в каком смысле текст может трактоваться как дискурс: только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. Точно так же верно и обратное, когда мы наблюдаем за созданием текста, состоящего из последовательности предложений, связанных по смыслу, обладающих внутренней грамматикой, имеющих свою прагматическую установку и содержащих элементы, выполняющие функцию воздействия.» (1997).

«Дискурс следует рассматривать как «явление процессуальное, деятельностное, т.е. как синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия» [Кубрякова, Александрова, 1997]. В данной работе дается очень четкое разграничение в употреблении понятия дискурс и текст: процесс восприятия или создания речи – это дискурс, а продукт произведения речи – это текст.

Во многих определениях текста подчеркивается его основное свойство связности. И понятие связности расчленяется, в свою очередь, на два свойства – связность и цельность. В англоязычной терминологии это свойства когезии и когерентности (cohesion and coherence).

С. Гринбаум определяет эти понятия так: «The unity of a text is assured by its cohesion and its coherence. Cohesion refers to lexical and grammatical devices for linking parts of a text. Coherence refers to the continuity of meaning that enables others to make sense of a text» [1996]. В данном определении для обозначения семантических отношений связности используется понятие coherence, cohesion. Но в большинстве работ “со-

herence” означает семантическую связность, а “cohesion” употребляется для обозначения структурной связности. И, так как, текст представляет собой последовательность связанных между собой предложений, то необходимо обратить внимание на языковые средства связности или “когезию” (cohesion – связность).

Семантическая связность, обеспечивающая целостность текста, или “когерентность” (coherence – цельнооформленность) вместе с понятием “когезии” образует текст.

Дискурс предполагает использование целого ряда средств для его организации. Важнейшее значение при этом имеют такие явления как когезия и когерентность.

Приведем определения понятий **coherence**, **cohesion**, данные Давидом Кристалом (1980): «основное применение термина «когерентность» в анализе дискурса, касающегося главного принципа организации, обоснованного для объяснения основополагающей функциональной связи или идентичности отрезка устного или письменного языка (текста, дискурса). Это понятие включает в себя изучение таких факторов как знание пользователем языка окружающего мира, его выводы и предположения, и, особенно, связь, происходящая посредством речевого акта.

В этом контексте когерентность обычно противопоставляется (или отличается) когезии, которая обозначает синтаксическую или семантическую связность лингвистических форм на поверхностно-структурном уровне анализа (перевод мой – Ж.Р.).

«Когезия – термин, часто употребляющийся в грамматике для обозначения определенного свойства (качества) слова, как грамматической единицы. Этот критерий устанавливает, что, как правило, в обычной речи новые элементы не могут быть включены в слова, а только между слов. Другое название этого явления – «непрерывность». Это явление подходит для английского языка (но не с такими примерами как *abso-blooming-lutely*), но в языках, где существуют инфиксы, это свойство должно подвергаться модификации.

(2) Термин употребляется некоторыми лингвистами для обозначения свойств единиц больших чем морфема, для их объединения в конструкции, такие как артикль+существительное. При таком употреблении можно сказать, что любая группа слов, которая является составляющей большей единицы, внутренне когезивна. В подходе Халлидея к грамматическому анализу, когезия – это основное понятие, относящееся к тем поверхностно-структурным

Особенностям высказывания или текста, которые соединяют различные части предложений или больших частей дискурса, например определительная функция местоимений, артиклей, наречий некоторых

видов (например: *The man went to town. However, he did not stay long...*). Различие обычно вводится с понятием основной когерентности текста».

Дискурс – это и процесс языковой деятельности, и ее результат, т.е. текст. [Кибрик 1997]. В практических целях исследователи разграничивают эти два понятия. “Указанное разграничение понятий связано с тем, что любое речевое произведение, как известно, может изучаться как результат, продукт и как процесс речевой деятельности. Предлагается употреблять понятие “текст”, когда анализ речевого произведения проводится после его создания, т.е. как продукта. Соответственно, понятие “дискурс” предлагается употреблять для анализа речевого произведения как процесса, в динамике его создания”. [Кубрякова, Александрова 1997].

Как отмечает Бисималиева (1998), «анализ речевого произведения осуществляется, помимо анализа языкового выражения, также с учетом личности общающихся, их знаний. В лингвистике текста, как правило, оно рассматривается в аспекте его создания разными языковыми средствами, а в анализе дискурса речевое произведение рассматривается как создающееся языковыми средствами в обязательном сочетании с процессом мыслительной деятельности и хранением знаний (когнитивный и психолингвистический аспекты), учетом ситуации в обществе, социального положения общающихся (социолингвистический аспект), личности общающихся в данной конкретной ситуации, ситуативного значения высказывания (прагматический аспект). Анализ дискурса представляет собой междисциплинарный подход к анализу речевой деятельности. [Бисималиева 1998].

«Исследование дискурса стало еще более актуальным, после того как выяснилось, что анализ языка не должен ограничиваться грамматическим анализом абстрактной или идеальной языковых систем, но эмпирическим объектом лингвистических теорий должно стать актуальное использование языка в социальном контексте» [Labov 1972a]. Люди, понимающие реальные события или речевые события, способны сконструировать ментальное и осмысленное представление, только при том условии, что они располагают более общими знаниями о таких событиях. Помимо этих знаний, у слушателя может быть и другая когнитивная информация: убеждения, мнения или установки, относящиеся к подобным событиям, мотивации, цели или особые задачи, связанные с обработкой соответствующей информации.

Понимание включает в себя не только обработку и интерпретацию воспринимаемых данных, но и активное использование внутренней когнитивной информации, поскольку такую информацию можно рассматривать в качестве когнитивных предпосылок (*presuppositions*) [Ван Дейк, Кинч 1988].

По З. Харрису, анализ дискурса – метод анализа связной речи или письма. Этот метод формальный и ориентируется только на встречаемость морфем, взятых как различительные элементы. Он не зависит от знаний аналитика о том, каково конкретно значение каждой морфемы. Этот метод также не дает никакой информации о значениях отдельных морфем, входящих в текст.

В 1950-е гг. З. Харрис [Harris 1957] приходит к необходимости дополнить такой анализ понятием трансформации.

В конце 1970-х гг., после того, как основные методы и идеи трансформационных грамматик были достаточно глубоко изучены и детально проработаны, идея анализа дискурса как такового стала вновь очень актуальной и заинтересовало исследователей.

Одна из задач анализа дискурса – охарактеризовать то, как в контексте взаимодействия людей, направленного на достижение каких-либо целей, коммуниканты интерпретируют речь и действия: можно ли считать такое обращение к интерпретации взаимным – как, например, в случае разговора – или невзаимным, когда люди читают или пишут. В любом случае – это процесс взаимодействия людей, т.е. интерактивный. Интерпретация основана на более узких – специальных, и широких – общих знаниях, необходимых в ходе процесса, и связана с логическим выводом.

Важно опираться на общие прагматические принципы, на понимание контекстообусловленных ожиданий в описываемой деятельности, знание процедур структуризации информации и естественной аналогии. Все это и является попыткой выявить связность текста.

Информация, поступающая к человеку в дискурсе во время знакомства с языковыми текстами, подвергается когнитивной обработке, осуществляемой во время понимания и во время порождения речи.

В анализе дискурса речь идет не только о том, что информация каким-то образом обрабатывается, но и о том, что она как-то передается и должна интерпретироваться, а это зависит от личности говорящего и слушающего.

При организации информации в дискурсе/тексте действуют когнитивные принципы – когнитивные основания или ограничения прагматических принципов построения текста/дискурса и распределения информации в тексте, последовательности ее подачи.

Термин «дискурс» часто используется в различных отраслях науки: критической теории, социологии, лингвистике, философии, социальной психологии и многих других, но часто сам термин остается неопределенным.

Л и т е р а т у р а :

- Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
- Александрова О.В. Особенности английской пунктуации в тексте произведения словесно-художественного творчества // Номинация дискурс. Рязань, 1999.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бисмалиева М.К. Функциональная перспектива научно-филологического текста. М., 1998.
- Гальперин И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопросы языкознания. 1977. № 1.
- Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
- Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып.2. М., 1962.
- Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Ред. Кибрик А.А. и др.). М., 1997.
- Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики, и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1995.
- Barlett F.C. Remembering: An Experimental and Social Study. Cambridge, 1932.
- Chafe W.L. Language and Consciousness // Language. 1974. № 50.
- Chafe W.L. Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. The University of Chicago Press, 1994.
- Collins Cobuild English Grammar. London, 1995.
- Crystal D. A First Dictionary of Linguistics and Phonetics. Cambridge. Cambridge University Press, 1980.
- Dijk T.A. van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis / Ed. by T. van Dijk. London, 1985. Vol. 1.
- Dijk T.A. and Kintsch W. Cognitive Psychology and Discourse. Recalling and Summarizing Stories // Current Trends in Text Linguistics. Berlin – N.Y., 1978.
- Fillmore Ch. J. Linguistics as a Tool for Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. London, 1985. V. 1.
- Foucault Michel. The archaeology of Knowledge. London. 1972.
- Givon T. Discourse and Syntax. N.Y., 1979.
- Givon T. Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study // Typological Studies in Language, Vol. 3. Amsterdam, Benjamins, 1983.
- Givon T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. V. 1, 1984, V 2. Amsterdam, Benjamins 1990.
- Harris Z. Structural Linguistics. Chicago, 1960.
- Halliday M.A.K. Dimensions of Discourse Analysis: Grammar // Handbook of Discourse Analysis. London, 1985. V.2.
- International Encyclopaedia of Linguistics / Ed. William Bright. N.Y., 1992.
- Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. The University of Chicago Press, 1987.
- Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford University Press, 1987.
- Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1982.
- Mills S., Discourse. The New Critical Idiom. N.Y., 1997.
- Pike K.L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour. The Hague P., 1967.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, 1993.
- Rumelhart D.E. The Architecture of Mind: A Connectionist Approach // Foundations of Cognitive Science. Cambridge, 1989.
- Sciffer S., Steel S. Cognition and representation. Boulder, 1988.
- Stubbs M. Discourse analysis: the Sociolinguistic analysis of natural language (Language in Society, 4): University of Chicago Press.

Проблемы перевода англоязычных политических терминов: выбор эквивалента

© *И.Н. Фомина, 2003*

Перевод политических терминов имеет ряд особенностей по сравнению с переводом как слов общего языка, так и терминов других наук. Чтобы служить эффективным средством описания понятий той или иной науки, термин должен обладать единственным, точно сформулированным определением, указывающим на его место в той или иной терминологической системе. Эти системы отражают отношения между понятиями той или иной науки, и термин становится термином, только если переводчик осознает, какое место он занимает в определенной области знаний.

Следовательно, в идеале термин должен иметь четкое определение, относиться к точно сформулированному понятию и переводиться единственным термином другого языка, обозначающим то же самое понятие. Однако на практике оказывается, что все не так просто. Существует несколько причин, по которым термины одного языка не всегда имеют один определенный эквивалент в другом языке.

Различные термины могут по-разному трактоваться и использоваться разными учеными в зависимости от их подхода к определенной проблеме. Это особенно справедливо для политологии как гуманитарной науки, поскольку гуманитарные науки более индивидуальны, допускают существование различных точек зрения, и личность ученого имеет гораздо большее значение, чем в естественных науках, где объект исследования не связан непосредственно с сознанием ученого, и, следовательно, подход к нему более объективен. В то время как для естественных наук большое значение имеет формальная организация, гуманитарные науки, и особенно политология, намного более зависят от идеологических и социальных факторов. Поэтому и их терминологические системы отражают все разнообразие взглядов и подходов различных научных школ, в них более часто встречаются термины-синонимы, омонимы, многозначные термины или неологизмы (часто используемые представителями только одного направления). Даже в рамках одного языка довольно часто соотношение между планом выражения и планом содержания термина не является однозначным. Термины могут совпадать по форме как со словами общего языка, так и с терминами других наук, а также относиться к нескольким понятиям в рамках одной терминологической системы, или же, наоборот, в языке может существовать ряд синонимичных терминов. Переводчику при этом необходимо иметь достаточно ясное представление о различных терминологических системах и научных школах, а также

четко разделять терминологическое и нетерминологическое значения слова.

Во-вторых, поиск эквивалента осложняется тем, что в различных языках могут быть приняты различные способы выражения определенных понятий. Одному термину в языке оригинала могут соответствовать несколько эквивалентов, объем значения терминов может пониматься по-разному, и, наконец, определенное понятие может просто отсутствовать в языке перевода. Иногда трудности в переводе также могут быть вызваны морфологическими или синтаксическими особенностями различных языков, поскольку, несмотря на то, что терминология отражает, прежде всего, определенную систему понятий, она все же является частью языка, и не может существовать вне его законов.

В связи с этим можно выделить несколько типов соответствий между политическими терминами в переводе.

Во-первых, у термина может быть несколько терминологических значений в языке оригинала, для обозначения каждого из которых в языке перевода имеется собственный термин. Так, например, английский термин “delegation” может обозначать как передачу полномочий от одного лица или группы лиц другому лицу или группе¹, так и группу людей, которым были переданы эти полномочия. Следовательно, в русском языке значения этого термина могут быть переданы, с одной стороны, словами “передача полномочий, делегирование, поручение”, а с другой стороны, как “делегация, представительство”.

Во-вторых, в обоих языках могут существовать несколько синонимичных терминов, близких по значению, но выраженных по-разному. Так, например, в английском языке существуют термины *treaty*, *pact*, *protocol*, *agreement*, *convention*, и т. д. Они близки по значению, и зарегистрированы как синонимы в терминологических словарях. В русском языке также существует соответствующий синонимический ряд: договор, конвенция, декларация, коммюнике, пакт, трактат, хартия, соглашение, протокол.

В-третьих, термины, которые являются однозначными в языке оригинала, могут иметь несколько эквивалентов при переводе.

Это может быть вызвано тем, что термин в языке оригинала может иметь более широкое значение, чем соответствующий термин в языке перевода. Например, слово “government” в английском языке определяется следующим образом: “Government — the group of men, who, in their roles as members of certain institutions, make and implement policies in the form of binding decisions for a political community. The word also refers to

¹ “The transference, usually under strict limiting conditions, of power or authority from some person or group to some other, usually subordinate, person or group” (*G. K. Roberts. A dictionary of political analysis. Longman, 1971*).

the activity, or process, of making such authoritative policies”. Оно относится не только к центральной, но и к местной власти, поэтому часто в тексте есть уточнение – “central government” или “local government”. В русском же языке “правительство” чаще всего относится только к центральным властям, а на местном уровне используется термин “администрация”. Кроме того, термин “правительство” в русском языке относится только к исполнительной власти, а в английском может употребляться и для обозначения власти в целом.

Иногда в разных контекстах важны различные оттенки значений. Так, например, термин “state” может переводиться как “государство” или как “страна”. Но в терминологических словарях эти термины трактуются следующим образом: “Страна – обозначение политического, национального, социального и культурного государственно организованного сообщества с акцентом на его географическом (пространственном) положении в мире или в отдельном регионе. Понятие “страна” синонимично понятию государства, но имеет более емкое культурно-историческое или социально-экономическое, нежели политическое содержание, включающее понятие народа, нравов, обычаев, языка, “странности”, то есть особенности общества. В некоторых словосочетаниях термин “страна” вытесняет и заменяет понятие государства: “малые страны”, “дружественные страны””. При переводе выбор эквивалента зависит от того, какой компонент значения наиболее важен в данном контексте.

Еще один фактор, влияющий на выбор эквивалента – особенности сочетаемости различных слов в том или ином языке. Так, например, слово “export” соответствует двум словам в русском языке – “экспорт” и “вывоз”. Но второе слово имеет терминологическое значение, только когда оно используется в словосочетаниях, например, “вывоз капитала”.

Термин, относящийся к одной части речи в языке оригинала, может также переводиться термином другой части речи. Например, в следующем предложении: Members shall avoid excessive government deficits (Государства-члены должны избегать чрезмерного бюджетного дефицита) слово “government” используется в качестве определения, и относится не к правительству, а к государству. Поэтому при переводе был выбран эквивалент, не указанный в двуязычном словаре, но наиболее подходящий по смыслу.

В каждом из этих случаев выбор эквивалента зависит, прежде всего, от решения переводчика, но, тем не менее, можно установить некоторые общие принципы перевода: используются термины, наиболее часто употребляющиеся в языке перевода и знакомые аудитории; перевод зависит от семантической и синтаксической сочетаемости слов; предпочтение отдается терминам, имеющим точное определение.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Музыкальность и подтекст в произведениях А.П. Чехова

© В.М. Давыдов, доктор филологических наук М.В. Давыдов, 2003

Говоря о роли музыки в произведениях А.П. Чехова, необходимо различать два объекта изучения: **1) описание** Чеховым в своих произведениях тех или иных *впечатлений о музыке* (отличный образец дан в рассказе «Ионыч» — отрицательное впечатление, но есть и множество упоминаний о возвышающей силе музыки как части существующей в окружающем нас мире красоты: «Моя жизнь», «Скрипка Ротшильда», «Черный монах», «Рассказ неизвестного человека» и т.д. **2) музыкальность построения произведений** самого Чехова.

Несмотря на то, что первый объект не является предметом нашего исследования, было бы жаль вместе с тем не отметить, сколь **ярки впечатления** Чехова о воздействии на его героев различной музыки. Приведем хотя бы два отрывка:

«Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни. Сыплются и все сыплются, и ему хотелось, чтобы они перестали скорее сыпаться...» («Ионыч»).

С другой стороны, более лаконична, но сколь выразительна (на этот раз положительная) музыкальная характеристика Маши в повести «Моя жизнь»:

«Маша поет романс Чайковского «Ночь»:

Отчего я люблю тебя, светлая ночь?

«За все время нашего знакомства это в первый раз я слышал, как она пела. У нее был хороший, сочный, сильный голос, и, пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, душистую дыню».

Мы уже сказали, что именно второй объект и будет предметом нашего исследования, не только потому, что он представляет более обширное поле для исследователя, но и потому, что по признанию самого Чехова в письме к В.М. Соболевскому он уделял этому вопросу большое внимание: «Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно я в ней заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны».

А. Б. Дерман, один из вдумчивых критиков творчества писателя, писал в своей книге «О мастерстве Чехова»: «Чехов был поэт и творчество его насквозь поэтично. Созданию поэтической атмосферы в произведениях Чехова способствовали: подбор персонажей, музыкальность стиля и пейзаж. ...При всей скромности Чехова, явно переходившей в мнительность, он, не стесняясь, не отрицал у себя таланта пейзажиста, а в редких случаях даже сам об этом заявлял»¹:

«Описание природы (*добавим и не только природы – В.Д., М.Д.*) должно быть прежде всего **картинно**, чтобы читатель прочитав и закрыв глаза, сразу мог бы вообразить себе изображаемый пейзаж (из рецензии Чехова, стр.137)».

Но поскольку нас интересует **музыкальность** Чеховской прозы (а не статичные картины), приведем пример явно **музыкального пейзажа**:

«На дворе шумела непогода. Что-то бешенное, злобное, но глубоко несчастное с яростью зверя металось вокруг трактира и старалось ворваться во внутрь. Хлопая дверями, стуча в окна и по крыше, царапая стены, оно то грозило, то умоляло, а то утихало ненадолго и потом с радостным предательским воем врывалось в печную трубу, но тут поленья вспыхивали, и огонь, как цепной пес, со злобой несся навстречу врагу, начиналась борьба, а после нее рыдания, визг, сердитый рев... В церкви... стали бить в полночь».

Это фактически симфоническое произведение, что и было признано С. Рахманиновым 9 ноября в 1898 г. и «послужило программой его «Фантазии для оркестра» (стр. 117).

А.Б. Дерман отмечал, что «не случайно, конечно, Чехов так настойчиво говорит не о выборе слов, а о построении фразы, то есть о расстановке в ней слов, о ее звучании, которое в произведениях самого Чехова с полной бесспорностью подтверждает, что речь идет именно о **музыкальности**»² и приводит целый ряд примеров **ритмизации** Чеховских фраз:

«Она казалась *красивее, моложе, нежнее*, чем была» («Дама с собачкой»),

«Ольга подолгу смотрела на *разлив, на солнце, на светлую, точно помолодевшую церковь*» («Мужики»),

«Мне почему-то начинает казаться, что обо мне *тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся*» («Дом с мезонином») и т. д.

Конечно же, и А. Б. Дерман и другие критики прекрасно понимали, что **музыкальность** Чеховской прозы не сводится лишь к удачному расположению однородных членов, к тонкому лиризму Чехова.

¹ Дерман А.Б. О мастерстве Чехова. М., 1959, с. 107.

² См. там же, с. 122.

В той же книге на стр.124 А. Б. Дерман пишет: «Музыкальность стиля Чехова выражалась не в одной лирической ритмике фразы.

Не менее характерен в этом отношении прием **внезапного переключения тональности** стиля, подобно тому, как это делается в музыкальном произведении. Всего чаще Чехов этого достигал внедрением в строй речи какой-нибудь одной (??? — *В.Д., М.Д.*) фразы совершенно иного **тембра** (!!! — *В.Д., М.Д.*), иной окраски» (эмфаза наша — *В.Д., М.Д.*).

Что касается фактического уравнивания **тональности** и **тембра** (что казалось бы противоречит музыкальной теории), то оно встречается и у других исследователей³.

Несколько ранее (стр. 113) упоминается и другой литературный прием, имеющий самое прямое отношение к музыке Чеховской прозы: «Самая **звукопись** ночной метели переходит здесь уже в музыку, исполненную глубокого содержания». **Звукопись** в художественном произведении – это непосредственная часть его музыкальности.

Как объект лингвистики она изучается уже давно или в разделе **фоностилистики** (когда предпочитают говорить о **фоноэстетической** функции звуков и их сочетаний) или же придают соответствующим исследованиям статус особой науки – **фоносемантики**. В нашей стране этими вопросами занимается довольно много ученых (И. Ю. Павловская, А. П. Журавлев, И. Б. Голуб и многие другие, но особое место среди них занимают работы, вне всякого сомнения, принадлежащие перу С. В. Воронина – его работа «Основы фоносемантики»⁴, во многом определила развитие соответствующей дисциплины в отечественной науке.

В фоносемантике понятие «образа», порождаемого звучанием как сегментных средств является еще более очевидным, чем в интонологии. Подробный анализ фоноэстетической функции языка (самых различных видов звуковых повторов на материале английских текстов) мы находим в книге М. В. Давыдова и Г. Т. Окушевой «Значение и смысл созвучий в современном английском языке» (МГУ, 1994).

В простейшей форме использование фоностилистических средств можно наблюдать в детской литературе. В поэзии, предназначенной для читателей трех-семи лет, звукоподражания представляют собой обычное явление, непосредственно продиктованное содержанием стихотворения. Здесь звукоподражания часто не столько вносят дополнительные

3. См., например, работу *Давыдова М.В. и Калмыковой Л.И.* Просодия как критерий качества перевода. М., 1983 (ИНИОН АН СССР за № 17402), где оцениваются различные переводы С. Есенина на английский язык с точки зрения воссоздания **авторской тональности**.

⁴ См. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.

эмоционально-экспрессивные оттенки, сколько являются приблизительно речезвуковым воспроизведением слышимого звука. Отдельно взятый звук в языке, как правило, не является носителем самостоятельного смысла, если не брать в расчет междометия «а», «э», «у», «о», которые в зависимости от контекста и интонации могут иметь довольно широкий спектр значений. Но существуют и звукоподражательные повторы и сочетания звуков, например, в детской речи: «ззз», имитирующий жужжание мухи или пчелы (а, следовательно и их полет). В таких случаях принято говорить о звуковом символизме, т.е. налицо прямая ассоциация с образом пчелы, а при соответствующих модуляциях и с комаром и т.д.

В книге Пьера Гиро «Язык и стихосложение» указывается на существование в языке первичного и вторичного звукосимволизма. Он делит символические свойства звука на «естественные» и «приобретенные». «Естественные» свойства звука основываются на их физических свойствах, т.е. артикуляции и звучании. **Высокие гласные**, например, светлые, острые, низкие – тяжелые, темные, тупые. Лабиальные согласные – мягкие. Пьер Гиро считает, что «приобретенные» свойства звуков выкристаллизовались в процессе их длительного употребления в составе определенных слов и присутствие звука «а», например, *в большом количестве слов* (эмфаза наша – *В.Д., М.Д.*) французского языка, обозначающих красный цвет, привело к тому, что в памяти французов этот звук зафиксирован как «красный». *У наших поэтов и фонетиков встречаются аналогичные замечания, но ассоциация здесь воспринимается как прямая, связанная с артикуляцией самого звука: предельно открытый – горячее дыхание – огонь – красный.*

Связь особой артикуляции звука и его употребления прослеживается и в составе таких слов как : «гроза, гром, грохот, треск» и т. п. В высшей степени сомнительно, что эти слова случайно содержат «раскастистый» звук «ррр».

Дж. Фёрс одним из первых обратил внимание на большое количество таких специфических звуков и звукосочетаний в английском языке, с которыми могут (более или менее отчетливо) соотноситься те или иные значения (образы). Он предпринял попытку наметить закономерности в соотношениях между звукосочетаниями и определенными ассоциациями. Так, например, слова: *crank, cross, crick, crab* и др. объединяются Фёрсом на основе сходства значения (ломать, сгибать, искривлять, закручивать). Слова на “sl”, “sn”, “sm” обладают, по его мнению, отрицательными коннотациями: *smoke, smirk, smirch, smug, sniff, snap, snub, slap, slump*. Д. Болинджер расширил идею фоноэстетической функции звуков, дав убедительные примеры “значимых” звуковых повторов и в других позициях, помимо начальной.

В художественной литературе, как и следовало ожидать, фоноэстетические особенности используются в достаточно широком диапазоне. В упомянутой книге М.В. Давыдова и Г.Т. Окушевой, в частности, анализируется индивидуальный авторский подход к фоноэстетике. В романе Дж. Б. Пристли “Angel pavement” авторы отмечают, и это подчеркивает проф. Баранова Л.Л. в своей монографии “Онтология английской письменной речи”(МГУ,1998), тяготение автора к сложным звуковым картинам.

A sudden silence fell on the table at the moment, perhaps because there was a sort of scratching sound at the door, which opened, but only about an inch or two. That silence was shattered by the most appalling crash of breaking crockery, followed by a short sharp wail. Then silence again for one sinking moment. The cutlets and the vegetables had arrived at last, and a brown stain, creeping beneath the door, told where they were.

Смена звуковых повторов, как отмечают авторы, явно имеет звукоподражательный характер: звук “s” помогает представить тишину, царившую за столом, а повтор звукосочетания “kr”, к которому присоединяется и звукосочетание “br”, передает грохот бьющейся посуды. Соответствующие противопоставляемые части отрывка имеют и различное просодическое оформление. Таким образом, налицо создание выразительной картины, с участием не только интонации и контекста, но и звуковых ассоциаций. В книге также отмечается, что звуковые ассоциации используются не только в художественной литературе и поэзии, но даже и в научной прозе. Но, если в научной литературе при появлении звуковых повторов на первый план выступает функция ритмизации текста, а функция образа преобладает в художественной литературе, налицо создание выразительной картины, с участием не только интонации и контекста, но и звуковых ассоциаций. В книге также отмечается, что звуковые ассоциации используются не только в художественной литературе и поэзии, но даже и в научной прозе. Но, если в научной литературе при появлении звуковых повторов на первый план выступает функция ритмизации текста, а функция создания образа остается как бы в тени, то в художественной литературе и поэзии звуковые повторы довольно часто ассоциируются или с комплексными тембрами (*патетический, лирический, элегический, трагический, энигматический*) или с вполне определенными образами.

Расширение наших знаний о художественном чтении текста вслух и риторических приемах, что составляет основу обучения филологии на нашем факультете, возможно лишь при дальнейшем развитии концепции просодических образов, то есть различных комбинаций просодических параметров, которые либо усиливают словесные образы, либо сами передают некоторые образы, независимо от слов.

В этой связи очень ценным является замечание В.Б. Катаева в его книге «Сложность простоты», что «Чехов, художник-музыкант, для выражения своей мысли пользуется такими приемами музыкальной композиции, как повтор, контраст, проведение темы через разные голоса-инструменты (эмфаза наша)»⁵.

Только вся совокупность этих приемов и может передать музыкальность Чеховской прозы, причем «проведение темы через разные голоса-инструменты» в нашей терминологии равно «чередованию тембров голоса».

Что же касается «подтекста», то в этом вопросе критики проявляют больше единодушия и понимают его, главным образом, как отсутствие явных выводов автора и стремление дать свободу читателю самому придти на основе прочитанного к тем или иным выводам. Так, например, у В.Б. Катаева такая позиция автора излагается следующим образом:

«Чехов – и в этом отличие и сила его художественного языка – никогда не проповедует, не поучает, не вкладывает свои выводы в «уста» героев (там же, стр.27)» и «Незамутненное непосредственное читательское восприятие торжествует над «преконцепциями», которые предлагает очередная и общественная мода (там же, стр.67)».

В книге же А. Б. Дермана читаем: «Чеховым было санкционировано распределение ролей между писателем и читателем: первому – создание текста, второму – подтекста...»⁶ Расчет на активность читателя был чрезвычайно трезвым и продуманным, не только диктовавшим самому Чехову определенные творческие приемы, но и настойчиво им пропагандируемые в его отношениях с писателями (стр.27)».

Поскольку нас, в первую очередь, интересуют музыкальность и подтекст в Чеховских произведениях, мы начнем наш анализ с рассказа А.П. Чехова «Степь», руководствуясь самим мнением Чехова об этом произведении: он подчеркивал, что именно этот рассказ находится на границе прозы и стиха (поэтому есть надежда обнаружить в нем по крайней мере явные элементы музыкальности).

23 января 1888 Чехов писал А.И. Плещееву. «...Робею и боюсь, что моя «Степь» выйдет незначительной... Пищу ее не спеша, как гастрономы едят дупелей: с чувством, толком, расстановкой. Откровенно

⁵ См. Катаев В.Б. Сложность простоты. М., 1999. С. 28.

⁶ Термин «подтекст» понимается и по другому. См. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр.331 (covert sense, implication. Внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл высказывания, текста). Определение «скрытый смысл высказывания» приводится и Хализевым В.Е., см. «Краткая литературная энциклопедия», М., 1968, Т. V, стр. 830. В нашей работе предлагается объединить оба вида подтекста и тем самым расширить его содержание.

говоря, выжимаю из себя, тужусь и надуваюсь. Но все-таки в общем она не удовлетворяет меня, **хотя местами и попадают в ней «стихи в прозе».**

Боялся он, как отмечает В.Б. Катаев в своей книге «Проза Чехова: проблемы интерпретации», и того, что публика не сможет должным образом оценить это произведение и по другой причине: «Она («Степь») кажется мне слишком *специальной*. Для современной читающей публики такой сюжет, как степь с ее природой и людьми, представляется *специальным* и малозначимым (стр.142)».

А несколько ранее он писал тому же А.И. Плещееву о своих надеждах, связанных с этим рассказом: «... Описываю я *степь*. Сюжет **поэтический и если я не сорвусь с того тона, то кое-что выйдет у меня из ряда вон выдающее**».

Он имел право сказать это с точки зрения содержания рассказа. Как писал В. Б. Катаев в книге «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (и мы полностью присоединяемся к этому мнению), «сверхзадачу» этой повести Чехов видел в том, чтобы показать русским писателям, «какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику. В правильную постановку вопроса о жизни, утверждал писатель всей повестью «Степь», должно входить не только то, что занимает человека и чем он поглощен, но и то, чего он не замечает вокруг себя, весь тот огромный, «суровый и прекрасный» мир, который его окружает».⁷

Кроме того, можно предположить, что Чехов хотел тем самым проверить степень своего таланта, поскольку в письме Я.П. Полонскому (18 января 1988) он, видимо не случайно, выразил свое убеждение по поводу качества прозы следующим образом:

«... Дело в том, что, когда я еще учил историю литературы, мне уже было известно одно явление, которое я возвел почти в закон: **все большие русские стихотворцы прекрасно справляются с прозой**. ...Может быть я не прав, лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают **тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой**».

В рассказе «СТЕПЬ»⁸ (отдельные критики называют это произведение повестью, что должно наводить нас на размышления о том, что это произведение явно отличается от обычных рассказов Чехова) уже в самом названии содержится ***образ чего-то без конца и края***. На эту же мысль наводят и речевые и песенные ассоциации: «Широко ты степь пораскинулась...», «Степь, да степь кругом...» и т. д.

⁷ Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 74.

⁸ Наш анализ проводился на основе устной интерпретации В.М. Немировича-Данченко.

Заметим, что и в названии и в стихах слово «степь» (по правилам чтения данных стихотворений) оказывается перед паузой, т.е. раствор рта сходит на нет, а лабиализованное {п'} как бы позволяет сделать переход от фонации к ее отсутствию более незаметным и тем самым удлинить фонацию.

Там же, где это сделать невозможно и за окончанием неумолимо следует другой звук (как это происходит в песне) пауза компенсируется повтором и дополнительным словесным подчеркиванием «бескрайности» степи – «кругом».

Автор подготавливает читателя к неторопливому чтению и в какой-то степени страхует себя введением подзаголовка «ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ».

«Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении; ей угрюмо вторило ведро, привязанное к ее задку, — и по одним этим звукам да по жалким кожаным тряпочкам, болтавшимся на ее облезлом теле, можно было судить о ее ветхости и готовности идти в слом.

В бричке сидело двое N-ских обывателей: N-ский купец Иван Иванович Кузьмичов, бритый, в очках и в соломенной шляпе, больше похожий на чиновника, чем на купца, и другой — отец Христофор Сирийский, настоятель N-ской Николаевской церкви, маленький длинноволосый старичок в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре и в шитом, цветном поясе.

Первый о чем-то сосредоточенно думал и встряхивал голову, чтобы прогнать дремоту; на лице его привычная деловая сухость боролась с благодушием человека, только что простившегося с родней и хорошо выпившего; второй же влажными глазками удивленно глядел на мир божий и улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имело озябший вид. Оба они, как Кузьмичов, так и о. Христофор, ехали теперь продавать шерсть. Прощаясь с домочадцами, они только что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили... Настроение духа у обоих было прекрасное».

Неторопливое начало повествования задают **две** достаточно длинные синтагмы: «Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром» («Из N.», без сопровождающего контекста, звучало бы в высшей степени странно – это, так сказать, «условная запятая»), причем первая («сдвоенная»?) синтагма оформлена запятой и требует

обычной паузы, вторая же произносится так же замедленно или, в другой терминологии, с тем же «нарративным» тембром, хотя запятая и отсутствует. Более того, этот стиль чтения продолжается и на отдельном слове «выехала», реализация подъема тона на котором оказывается наиболее ярко выраженной: своего рода «на пике» медленно восходящих тонов, после чего следует пауза. Но это же слово является и переломным пунктом в повествовании, его «нарративном» тембре.

Чехов не был бы Чеховым, если бы не проявил, практически с самого начала рассказа, обычного для него «юмористического» отношения к жизни. Темп повествования ускоряется, словосочетание «с громом» произносится с напряженностью и повышенной громкостью, чтобы подчеркнуть «фонестему» [гр]⁹ и высоким падением тона для выделения соответствующего слога.

«Покатила по почтовому тракту» – эта синтагма произносится уже совсем не тем спокойным, почти нейтральным тоном, характерным для первых синтагм, но достаточно громко (подтверждая тем самым данную характеристику), оба слова «покатила по почтовому» тоже оформляются падающими тонами на низком уровне с подчеркнутой равномерностью чередования ударных слогов (можно было бы сказать, даже некоторым вызовом или лихостью, смысл или юмор которого становится совершенно ясен к концу абзаца). Аналогичным образом произносится, но только с подъемом и громче, чем обычно, и слово «тракту», которое в общем контексте тоже можно вполне отнести к звукоподражательным словам, поскольку оно как бы поддерживает звукоподражание в слове «громко». В целом же создается определенная звуковая картина: началось движение, повтор «п,п,п» подчеркивает значение слова «покатила», в равной степени этому способствует и повтор «т,т». Что же касается непрерывных падений, то они противоречат идее плавности движения или гладкости дороги. Импликация здесь, видимо, заключается в том, что дорога была мощенной камнем, но далеко не гладкой, слово «громко» является для этого достаточным основанием.

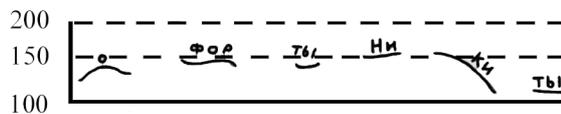
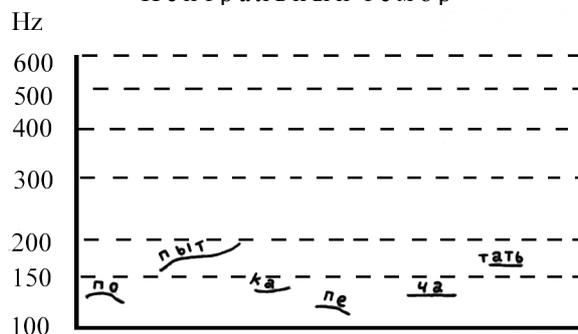
Следующая синтагма «безрессорная, ошарпанная бричка» тоже не лишена звукового повтора «р,р,р,р», который, видимо, имплицитирует мысль о том, что, хотя она и готова уже была развалиться (об этом прямо говорится в конце абзаца), но пока еще сохраняла единство основных частей и продолжала выполнять свои функции.

После этого мы вновь возвращаемся к «нарративному» стилю чтения, но на этот раз не без примеси элегического тембра. Отчасти об этом свидетельствует длинная хвостовая часть после подъема тона: «на которых /ездят те́перь на Руси».

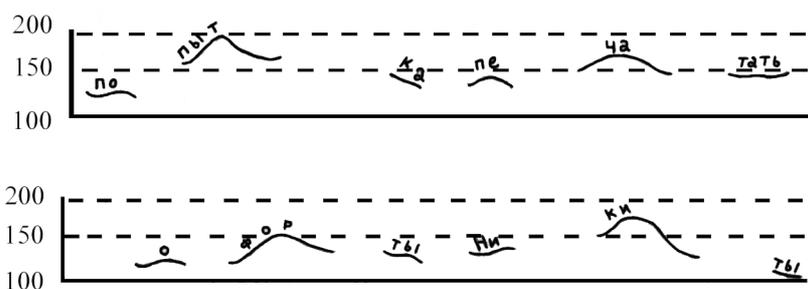
⁹ О фоноэстетической функции см. выше, звукосочетание *гр*, несомненно, относится к фонестемам — *грохот, громко, грозно, гром, град, греметь и т.д.*

Аналогичные примеры элегического тембра с длинной хвостовой частью тона были впервые приведены М.В. Давыдовым в пособии для англичан «Русская речь» (МГУ,1970,с.49): *Похоро/нил я в чу/жой немецкой земле по/следнюю свою /радость и /надежду, у/дарила бата/ряя моего /сына, прово/жая своего коман/дира в да/лекий /путь,... /зашел он с /правой сторо/ны, /бросил ма/шину возле во/рот, при/жался своей ще/кой к моей не/бритой ще/ке* (из произведения М.Шолохова «Судьба человека»). Длинная хвостовая часть подчеркивает элегический тембр. Любопытно, что как элегический так и другие тембры реализуются в самой нижней трети диапазона голоса (изменение тембров происходит, таким образом, за счет изменения резонаторов). Поскольку у нас речь идет о чередовании тембров, мы считаем необходимым привести акустические образцы хотя бы наиболее известных тембров. Не вдаваясь в детали мелодического варьирования, отметим, что в отличие от остальных тембров для элегического тембра характерны восходящие тоны с значительным отрезком практически ровного тона в самом его начале (и здесь можно усмотреть аналогию с элегическим тембром английского языка, т.е. эта характеристика практически универсальна).

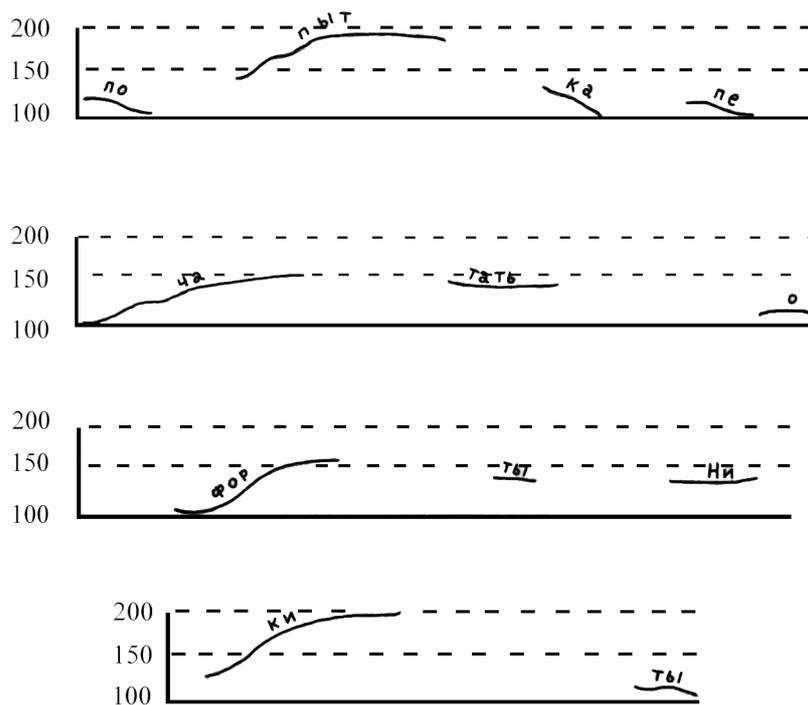
Нейтральный тембр

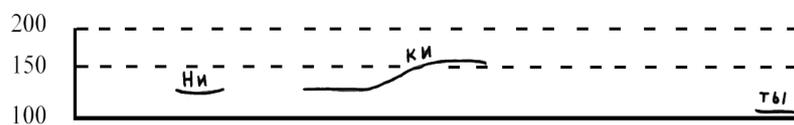
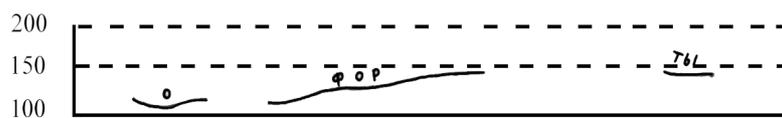
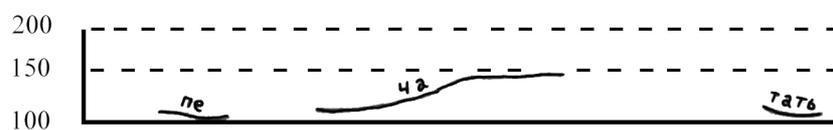
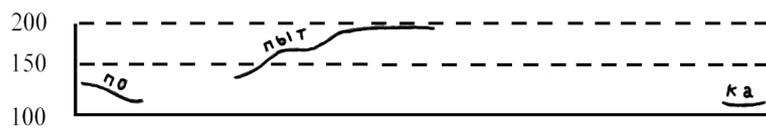
Патетический тембр

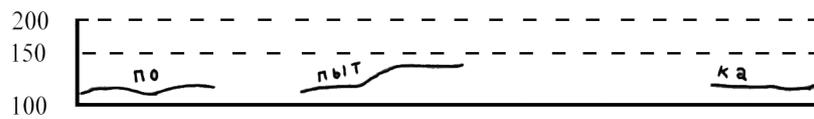
Лирический тембр

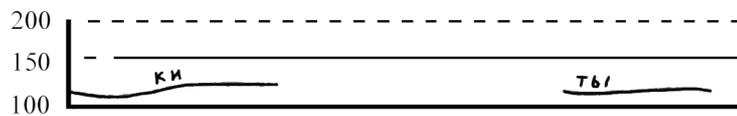
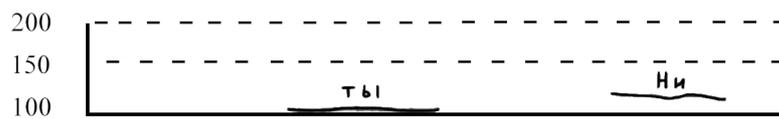
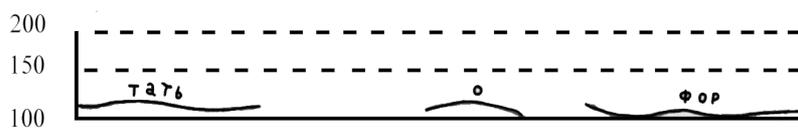
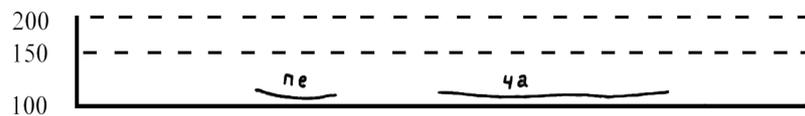

Элегический тембр

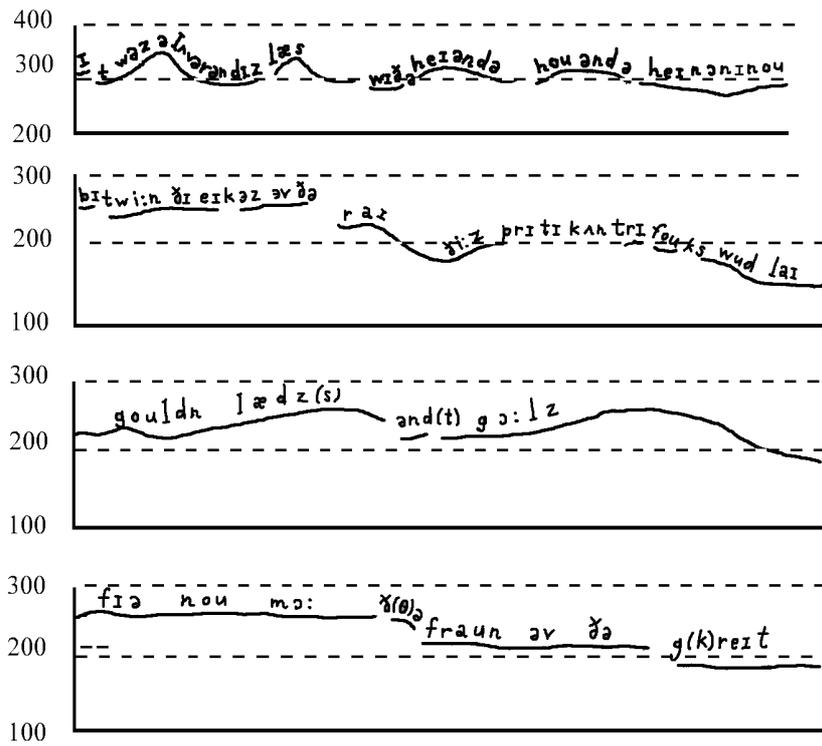
Трагический тембр

Примеры аналогичных тембров находим и в английском языке. В элегическом тембре, что было проверено акустически: в отличие от нейтрального стиля речи тон сначала поднимается на ударном слоге, а затем как бы ослабевая, падает постепенно, но не до нижнего предела голоса, а как бы задерживается между достигнутым подъемом и нижней границей диапазона.

Примеры аналогичных английских тембров

Вариации громкости (интенсивности)

Нейтральный тембр

Элегический тембр

Как видно из примеров изменений интенсивности в элегическом тембре, начиная примерно с половины слова, интенсивность резко понижается, хотя и постепенно.

Но вернемся к нашему анализу текста.

«Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении;» – это начало нового предложения, видимо, имело смысл разбить на две синтагмы: «Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении;», тем самым 1) оказывается возможным уточнение функции обстоятельства (того факта, что оно в равной степени характеризует оба глагола, а не только последний) и 2) легче подчеркнуть слово «малейшем» с помощью более высокого тона, небольшого понижения громкости и замедления темпа (начиная с ударного «-лей-» и продолжая это замедление на втором слоге «-шем» – *удлинение сонорных вообще-то типичная черта английской речи, но в отдельных случаях, как видим, это происходит и в эмоционально-окрашенной русской речи!*). «Тарахтела» произносится в замедленном темпе, естественно, с *сохранением каждого слога* (что тоже является типичной чертой английской речи), а «взвизгивала» с выделением первой части слова «**взвизг**» за счет *резкого подъема тона и усиления громкости* – такая просодическая аранжировка первой части фразы подчеркивает звукоподражательные образы поведения брички.

Юмор подтекста, имплицированный в этой фразе, заключается в том, что, если она производила все эти звуки «при малейшем движении», то можно легко представить, что было в реальности, поскольку дорога была далеко не ровной и гладкой как асфальт (что было на самом деле мы уже знаем или, точнее, можем предположить из вступительного предложения), это была *жуткая какофония звуков*. Однако автор не говорит об этом прямо, а предоставляет читателю самому нарисовать подлинную картину происшедшего.

Теперь становится понятным смысл следующих двух синтагм, завершающих данную звуковую картину: «ей угрюмо вторило ведро, привязанное к ее задку». Это как бы непрерывно повторяющийся аккорд антимузыки. Совершенно неслучайно первым ударным слогом

оказывается звук {y} (в составе слога {p'y}) – это самый лабиализованный звук, прекрасно передающий *визуальное выражение* ведра (здесь анимализация вещей у А.П. Чехова приобретает, пожалуй, наибольшую яркость). Если же мы возьмем всю синтагму, то обнаружим, что большая часть гласных синтагмы лабиализована: у, у, о, о, о, т.е. автор тем самым подсказывает распространение лабиализации (*узрюмости*) на всю синтагму, а, возможно, и на вторую тоже. Если ранее завершающее синтагму слово “*тракту*” как бы подкрепляет звукоподражание в слове “*с громом*”, то аналогичный прием встречается и здесь: последнее слово “*задку*” заканчивается лабиализованным звуком. Настроение ведра можно, видимо, понять, если предположить, что в отличие от брички оно было еще в приличном состоянии. Если же ведро было не лучше брички, то опять-таки его настроение вполне понятно, оно явно устало от бесконечных разездов и находится не в лучшей форме.

Примечательной чертой второго абзаца является наличие разных *тональностей* при изображении персонажей, сидевших в бричке за спиной кучера. Начальное предложение абзаца говорит само за себя: “В бричке сидело двое N-ских обывателей.” Мы вновь обращаемся к “нарративному” тембру – нейтральный тембр, замедленный темп, т.е., несмотря на последующее описание внешности персонажей, в них, выражаясь словами Чехова, не было ничего “выдающего”: обыкновенные типажи обыкновенного уездного городка. И, хотя мы еще ничего не знаем о дальнейшем развитии событий, имплицитно подразумевается, что не они будут главными героями рассказа. Однако при изображении их внешности (поскольку с этой зрения они противопоставлены друг другу) в целях экспрессивности чтения желательнее подчеркнуть эту противопоставленность и *тонально*: в первом случае понизить тон за счет *глоттализации*, во втором, напротив, повысить. “N-ский купец Иван Иванович Кузмичёв,” – последовательность ударных гласных как бы сама подсказывает, в каком направлении должен развиваться тон данной синтагмы: от передних звуков к задним. Необходимо также учесть, что {y}, даже при редукции не теряет своего заднего оттенка, а {o}, произносимое с повышением тона, естественно удлиняется.

Таким образом, если бы глоттализация (басовой оттенок) не была реализована, то общее слуховое впечатление все равно бы осталось, тем более, что далее идут в основном задние ударные гласные: “больше похожий на чиновника, чем на купца”. Хотя автор ничего не говорит о росте купца и его выражении в этом предложении, воображение рисует крупного мужчину с хмурым лицом и все эти характеристики ни в какой мере не противоречат тембру глоттализации. Более того, для выражения хмурости и важности не помешала бы и некоторая лабиализация голоса. Что же касается роста купца, то он косвенно подсказывается (*имплицитно*

руется) характеристикой его соседа во второй половине предложения: “маленький...старичок”. Повышенная же тональность начинается со второй половины предложения после знака тире “– отѣц Хрѣстофѣр Сирийскій.” где явно преобладают узкие передние гласные. Слово “отѣц” здесь выступает в качестве сана (“преподобный отец”) и может получить по этой причине некоторое удлинение, слово же “Хрѣстофор” ведет себя так же, как и “Кузмичов” (см. выше), в том смысле, что {и} не редуцируется и, более того, несет на себе дополнительное (вторичное) ударение (что редко случается с русскими словами в отличие от английских).

Хотя фигура Ивана Ивановича так и не описана прямо в рассказе (как это сделано с Христофором Сирийским) наше предположение о «крупном» мужчине, повидимому, справедливо, поскольку частично подтверждается далее по тексту следующими словами: «...задрожал пол от чьих-то шагов. Егорушке показалось, что какая-то большая темная птица пронеслась мимо него. Он открыл глаза. Дядя с мешком в руках, готовый в путь, стоял возле дивана». Вряд ли у Егорушки были бы такие впечатления, если бы дядя приближался по своим размерам к Христофору Сирийскому. Справедливости ради, стоит упомянуть, что еще ниже по тексту сказано: «У дяди Кузмичева наряду с сухостью и деловитостью всегда были на лице забота и страх, что он не найдет Варламова, опоздает, пропустит хорошую цену; ничего подобного, свойственного людям маленьким и зависимым, не было заметно ни на лице, ни в фигуре Варламова». Но слово «маленьким» дано в паре со словом «зависимым» и, следовательно, приобретает здесь значение «маленький по положению, по чину», а не указывает на размеры человека.

Но обратимся теперь к синтаксису предложения: здесь явно есть симметрия расположения слов (как элемент музыкальности) – после имени вереница однородных членов, завершаемая в первом случае подытоживающим атрибутивным оборотом, который хотя и разорван запятой, должен произноситься как одно целое, причем в пониженном диапазоне; а во втором случае, однородными членами оказываются и само имя, и статус, и краткое описание внешности, что же касается единого целого в пониженном диапазоне, то так вполне можно прочесть описание одежды, поскольку «маленький долговолосый старичок» заканчивает ряд однородных членов, произносимых (в отличие от первого ряда) с нисходящими тонами. Другими словами, перед нами просодическая структура, приближающаяся к почти чистой симметрии: // / /
/ ~ \ \ \ .

Противопоставление по тональности еще более ярко выражено в следующем предложении: здесь глоттализация, характеризующая первый персонаж, контрастирует с лирическим тоном, с помощью которого

изображается второй персонаж. Но, прежде, чем мы подробнее поговорим о тембре первой и второй разновидности, посмотрим, что происходит с мелодическими кривыми и нет ли здесь тоже какой-либо симметрии:

1. ^ _ / / ~ / _ _ / _ _ / _ _ / _ _
 2. ^ | _ _ _ _ ' ~ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Даже из приблизительного изображения мелодических кривых первой и второй частей довольно сложного синтаксического целого мы видим, что такого рода симметрия, как в первом предложении, здесь отсутствует (разве что можно говорить о сходстве начал и концов частей предложения при явном различии мелодики середин).

Что же касается содержания, то любопытно отметить, что откровенное заявление автора в конце первой части «*хорошб выпившего*» во второй части, связанной со священником, заменяется эвфемистическим выражением (с явным оттенком юмора): «*лицо его было красно и имело озябший вид*».

Зато очень хорошо видна смена тональности, которая была менее очевидной в предшествующем предложении, и обусловлена эта смена наличием улыбки, характеризующей настроение Христофора Сирийского. Читатель, конечно прекрасно понимает, чем именно обусловлено хорошее настроение Христофора Сирийского: он тоже *хорошо выпил*, но это сказано не прямо, а с помощью хорошо известной импликации — красный цвет лица присущ алкоголикам¹⁰.

Данная импликация подтверждается тем, что при завершении абзаца автор на этот раз уже деловито сообщает о цели поездки и очень кратко о событиях, предшествовавших поездке и снова повторяет, что в обоих случаях трапеза завершилась выпивкой: «Прощаясь с домочадцами, они только что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили...». Характерно завершение предложения много-точием — сколько именно выпил каждый предстоит решить самому читателю, в результате автор завершает абзац на оптимистической ноте

¹⁰ Здесь права Э.А. Полоцкая, сказавшая в своей докторской диссертации «Чехов — его творческие замыслы и воплощение» (М., 1984), что «подтекстный смысл *не уничтожает* буквального значения слов». В данном конкретном случае импликация, напротив, подчеркивает известный эвфемизм. Однако с ее вторым утверждением, что «субъективное начало, заложенное в тексте и объективное значение воспринимаются в единстве»(?) трудно согласиться. Скорее, это единство борцов, один из которых одерживает верх над другим: совершенно очевидно, что эвфемистическое выражение гораздо важнее для юмора писателя (а, следовательно, и читателя) по сравнению с «глубинным» значением, которое писатель упоминает несколько ниже: буквально в следующем предложении — «выпили». Кроме того, эвфемизм позволяет писателю еще раз сказать, что и купец и священник «сытно закусили пышками» и «выпили» и это уже не простой повтор, а эмфатический.

«Настроение у обоих было прекрасное» (надо думать, что к этому времени купец справился со своей дремотой и чувствовал себя не хуже отца Христофора).

Из предшествующих исследований можно предположить, что различие мелодического уровня является лишь кажущимся, а не реальным акустическим различием. В книге М.В. Давыдова и Е.В. Яковлевой «Основы филологического чтения» (МГУ, 1997) говорится в этой связи, что в случае лирического тембра (а улыбка является его постоянно составляющей): «**Общий диапазон фразы остается без изменения**, хотя на слух фраза звучит более высоко. Такое впечатление, несомненно, следует объяснить общим просветлением тембра» (стр. 84). Это утверждение базируется на упомянутом выше акустическом анализе различных тембров, выполненном в рамках указанной книги.

Можно было бы продолжить анализ текста (на основании сделанной магнитофонной записи), но нам представляется, что и собранных уже фактов достаточно для того, чтобы сделать некоторые предварительные выводы как в отношении, во-первых, **музыкальности** Чеховской прозы, так и, во-вторых, понимания его **подтекста (или импликации)**.

Как видно из проведенного анализа, **чередование тембров**¹¹ происходит не только в связи с изменением содержания, но **опирается на различные виды звукописи**. Кроме того, вполне возможно, что по мере развития повествования количество роль **симметрии** в построении фраз будет увеличиваться.

Что же касается **подтекста**, то помимо совершенно справедливого определения В.Б. Катаева (см. выше), касающегося глобального смысла произведения, нам представляется уместным говорить и о **различного вида подтекстах (или импликациях) внутри глобального текста**.

Особенно заметны они в пьесах Чехова, о чем уже достаточно убедительно высказывался К.С. Станиславский: «Герои Чехова часто чувствуют и думают не то, что говорят». Это и **внутренний** психологический **смысл** реплик, и **жесты**, и различного рода **умолчания**. В аналогичном плане высказывался и В.И. Немирович-Данченко.

Однако проанализированный нами материал — это начало прозаического произведения и здесь также необходимо отметить разнообразие видов импликаций.

Во-первых, **подтекст может постоянно сопровождать значенные слова или выражения, но от этого он не перестает быть под-**

¹¹ Зачастую это чередование превращается, как было отмечено В.Б. Катаевым в книге «Сложность простоты» (стр.34), в «соединение **противоположных тональностей**, сменяющих, а точнее перебивающих одна другую: то, серьезной, то иронической, то лирической, то комической».

текстом, как это происходит с эфемизмом, подтекст которого лежит на поверхности и зачастую регистрируется в словаре (слова «глубинный» и «скрытый» в данном случае представляются явным преувеличением).

Во-вторых, подтекст может быть имплицирован совершенно *конкретной ситуацией (и косвенно подкрепленным тем или иным словом)*, как происходит в случае с грохочущей бричкой.

В третьих, *подтекст может быть подсказан определенным повтором звуков*, таких случаев было несколько, похоже, что это излюбленный прием Чехова и определяющий, как мы уже говорили, *музыкальность* его произведений.

В завершение статьи хотелось бы еще раз возразить против подчеркивания «глубинности» и «скрытости» *подтекста*. Во всех перечисленных нами случаях никакой «скрытости» не наблюдается: более того *подтекст* требует того или иного способа *выражения – интонационного, фонемного или даже словесного* (правда, не прямого, а косвенного). Поэтому не может не вызвать возражения определение *подтекста* как «художественного образа в читательском сознании». ¹² А разве текст (или слово) находятся за пределами человеческого сознания?

Л и т е р а т у р а

- Арнольд И.В. Стилистика английского языка. Л., 1981.
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Алехина И.В. А.П. Чехов и И.А.Б. Бунин: Функции подтекста // ИНИОН АН СССР. № 36 323. М., 1988.
Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи. М., 1998.
Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2001.
Давыдов М.В. Русская речь. М., 1970.
Давыдов М.В. и Калмыкова Л.И. Просодия как критерий качества перевода // ИНИОН АН СССР. № 17 402. М., 1983.
Давыдов М. В., Окушева Г. Т. Значение и смысл созвучий в современном английском языке. М., 1994.
Давыдов М.В., Яковлева Е.В. Основы филологического чтения. М., 1997.
Дерман А.Б. О мастерстве Чехова. М., 1959.
Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979.
Катаев В.Б. Сложность простоты. М., 1999.
Краткая литературная энциклопедия. М., 1968.
Полоцкая Э.А. Чехов — его творческие замыслы и воплощение. М., 1984.

¹² См. Алехина И.В. А.П. Чехов и И.А. Бунин: Функции подтекста. ИНИОН АН СССР, № 36 323, М., 1988.

**«... но где же Спаситель?»
(к вопросу о библейских и литературных источниках
одной фразы Печорина в «Тамани»)**

© кандидат филологических наук Г. В. Москвин, 2003

«В тот день немые возопиют и слепые прозрят» [Лермонтов: 251-252] – эта внезапная мысль Печорина, следующего за слепым мальчиком по ночному берегу, побуждает исследователей и комментаторов текста Лермонтова к поиску источника этих слов, прежде всего, в Писании. Иначе, конечно, и не должно быть, но дело осложняется тем, что точное (цитатное) соответствие им в Писании не обнаруживается. Между тем роль этой отсылки к Слову в повести велика, поскольку она, по нашему убеждению, «посредничает» между событийным сюжетом и духовным аспектом смысла «Тамани».

В связи со словами Печорина чаще всего отмечаются стихи из книги Пророка Исаии, например, «Печорину пришли на память библейские тексты, вероятно, из книги Пророка Исаии: в тот день глухие услышат слова книги, и глаза слепых прозрят из тьмы и мрака» (Исаия 29:18, ср. 35:5–6) [Мануйлов, Миллер: 273]. Указываются также Исаия 42:2 и 58:9 [Попов: 8], Исаия 29:18 и 29:11 [Савинков: 145]. Думается, что глава 29 книги Пророка Исаии действительно является одним из мест Писания, послужившим источником мысли героя. Можно еще обратить внимание и на стих 15 этой же главы, имеющий ассоциативную связь с сюжетом повести: «Горе тем, которые думают скрыться в глубину, чтобы замысел свой утаить от Господа, которые делают дела свои во мраке и говорят: «кто увидит нас? И кто узнает нас?»»

Итак, внимательное чтение книги Пророка Исаии покажет: точного соответствия словам Печорина в ней нет. Нельзя согласиться с теми, кто называет их цитатой, а также объясняет ее «искаженность» цитированием по памяти и едва ли не вольным, небрежным отношением автора к Слову. Здесь представляется уместным привести два соображения. Во-первых, мы не вправе ожидать от художественного произведения точных цитат из авторитетных источников и их последовательной иллюстрации. Во-вторых, любая отмеченная в тексте «Героя нашего времени» «небрежность» при глубоком рассмотрении окажется осознаваемым авторским допущением, т. е. особой формой разговора с читателем. Так и в «Тамани» следует присмотреться к «свободной цитате» и, разыскивая соответствия, попытаться понять дух авторской идеи.

«Чудесное» преображение¹ мальчика произвело на героя резкое впечатление, которое вылилось в душевное переживание, – вот этому переживанию автор и сообщает спонтанную рефлексию, выразившуюся в обращении к «духовным кладам» его опыта и натуры. И духовная идея, высказавшаяся в этой рефлексии, озарила мир «Гамани» и душу героя. И если это и в самом деле было озарение, то оно должно быть со-объемным идее преображения мира, и тогда поиск точных и прямых референций в Писании окажется заведомо непродуктивным. Авторская идея насыщается духовным смыслом из всего Источника.

Мы хотели бы избежать смещения авторской идеи (как в конкретном случае, так и в составе всего романа) со словами, мыслями и состояниями героя. Справедливы замечания исследователей, указывающих на ироническую модальность библейских высказываний Печорина [Дурылин: 209; Попов: 8]; еще более справедливой кажется мысль об обращении Печорина к Слову Божьему всуе. Потому мы считаем необходимым отметить двоякую роль реплик Печорина: с одной стороны, устами «чувствительного» героя-протагониста вводится духовная тема, с другой – отмечается положение самого героя «внутри» этой темы как этап его душевного опыта.

Следует сказать, что мысль Печорина, названная выше внезапной (таково первое впечатление от нее), в тексте «Гамани» тщательно подготовлена. Глядя на «белые глаза» мальчика, Печорин говорит: «Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто, с потерей члена, душа теряет какое-нибудь чувство» [Лермонтов: 250-251]. Очевидно, что фраза Печорина и пассаж о его «предубеждении» связаны и их смысловая связанность имеет свою параллель в Писании. Так, указанный выше стих из книги пророка Исаии (Ис. 29:18) в Библии отмечается как параллельный стиху Евангелия от Матфея, гласящему: «И приступили к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их (Мф. 15:30).

Физическая ущербность и увечность человека, ее проекция на душевный строй героев и духовную проблематику произведения – тема, характерная для всей прозы Лермонтова на разных этапах ее написания. Впервые она появляется в «Вадиме». Уже в первой главе романа писатель устанавливает прямую зависимость между природной и социальной отверженностью человека, выраженную в его внешнем облике и

¹ Слово «преображение» мы упомянули в той связи, что оно точнее других указывает на проблематику повести – потребность темного мира, изображенного в ней, в преображении.

поведении, с его душой: «Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев <...> это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой) <...> Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные» [Лермонтов: 7]. Здесь же автор делает попытку синтеза сложных смысловых мотивов в тему, которая дала бы сюжетную и идейную перспективу развития романа: «...это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд <мотив искаженного душевного строя человека, повлиявшего на его земную жизнь – Г. М.>, олицетворенные упреки провидению <слишком общее и декларативно-стилевое указание на связь человеческого и провиденциального – Г. М.>; создания, лишённые права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления» [Лермонтов: 7]. В последнем пассаже отношения человека и общества получают тенденцию к обобщению, т. е. универсализации проблематики.

Потребность в преображении, мотивы, связанные с пророчеством о Христе и евангельскими повествованиями, можно обнаружить в 4-ой главе «Вадима», в следующих словах героя к Ольге: «Быть может настанет время и ты подумаешь: зачем этот человек не родился немым, слепым и глухим, – если он мог родиться кривобоким и горбатым?..» [Лермонтов: 14]. В восклицании Вадима физическое, телесное уродство отделено от немоты, слепоты и глухоты, что свидетельствует о размышлениях автора над библейскими текстами, где говорится об исцелении человека как об освобождении его от ущербности или об исцелении как преображении человека. Идея преображения имела для Лермонтова и литературный источник – пушкинского «Пророка», явившего собой единственный в этом роде образец гармоничного объединения личного, эстетического и духовного. Преображение зрения, слуха, языка, сердца человека в «Пророке», безусловно, стало духовной и смысловой основой для формирования этой темы в творчестве Лермонтова.

Следует указать еще на один литературный источник фразы Печорина. В «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго, следы творческого освоения которого в избытке обнаруживаются в прозе Лермонтова, есть ситуация и слова, соотносящиеся с «Таманью». Один из заметных героев романа, Пьер Гренгуар, в поисках ночлега и еды в ночном Париже, вовлекается в уличный поток увечных нищих, которые с приближением к воровскому притону освобождаются от приспособлений и атрибутов их мошеннического ремесла и оказываются физически полноценными людьми. Образованный и книжный человек, Гренгуар в изумлении, еще не поняв грозящей ему опасности, восклицает: «Слепые прозревают, а безногие бегают... Но где же Спаситель?» Сходство ситуаций у Гюго и

Лермонтова очевидно, однако мы не склонны преувеличивать влияние французского писателя на идеи «Героя нашего времени». Лермонтова могло привлечь в отмеченном эпизоде из романа В. Гюго то, какие сюжетные и идейные возможности возникают в ситуации мнимого исцеления. Изумление Гренгуара явилось, пожалуй, наиболее значимой характеристикой этой ситуации: любое чудесное исцеление в христианском сознании прежде всего ассоциировано со Спасителем, здесь же Его нет – так акцентируется контраст между превращением, или перевоплощением, и исцелением как преображением. Так что ситуация у В. Гюго приобретает ценность типологического свойства, она емкая и обладает большим смысловым потенциалом; герой же, произносящий ключевые слова, неглубок, он лишь выживает в жизни, в его личности нет мощной органической идеи, как у Клода Фролло, Квазимодо или Эсмеральды. Роль Гренгуара в рассматриваемом случае сведена к тому, что он лишь отмечает положение вещей, но внутренне остается равнодушным к их сути. Для героя Лермонтова, напротив, потребность «достать ключ этой загадки» в «Тамани» является непререкаемым императивом, условием *sine qua non* его дальнейшего бытия как конкретной личности, так и родового человека. Отметим также, что «Собор Парижской Богоматери» и «Героя нашего времени» сближает определяющая пафос обоих произведений христианская идея. Различие же состоит в том, что новый этап погружения в нее человечества в романе В. Гюго носит эпохально-исторический характер, она как бы «наслаивается» на положение и ситуации; основной пафос романа проникнут призывом к милосердию. В «Герое нашего времени» христианская идея формируется «изнутри», т. е. на всем протяжении книги внимательный взгляд заметит ее «восходящее присутствие» и внеисторический характер.

Высшего развития тема преображения, или рождения христианского человека, в прозе Лермонтова получает в «Княжне Мери», где уже в начале повести Печорин опять произносит Слово Божье «всуе», называя водяное общество «чающими движения воды». Эта отсылка к 5-ой главе Евангелия от Иоанна побуждает обратиться ко всему повествованию, в котором есть стихи, совпадающие по духовному значению с библейскими реминисценциями в «Тамани»:

Есть же в Иерусалиме у овечьих ворот купальня, называемая по-Еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов:

В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды;

Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какую бы ни был одержим болезнью.

Таким образом, мы могли бы наметить тенденцию, или последовательность, в развитии темы христианского человека в «Герое нашего времени»: от двойственности, двуобличья героев «темного» мира «Тамани» к потребности преображения в «Княжне Мери».

Поэтому замечание героя в «Тамани» относительно «странного отношения между наружностью человека и его душою» нуждается в особом комментарии: хотя отсылки к евангельским текстам и указывают направление, где надо искать глубинный смысл произведения, этого явно недостаточно, поскольку необходимо уяснить характер и суть взаимопроникновения художественного и провиденциального. Лермонтов избегает прямых цитирований Библии в «Герое нашего времени», сознавая, вероятно, кроющуюся в этом опасность. Каждый стих Писания – грань бесконечных проникновений Абсолюта в себе, столь же бесконечно постигаемых человеком, сколь и непостижимых; следовательно, привязка текста к цитате сведет художественное бытие к иллюстрации этой цитаты, что вызовет мономерное восприятие смысла произведения и даст обратный эффект – иллюзию понимания цитируемого Слова как достаточного в его автономном предъявлении для окончательного суждения. Любое обращение к Библии в «Герое нашего времени», будь то явная или скрытая ссылка, контекстуальная или интертекстуальная аллюзия обретает значение исходной идеи, распространяющейся в текст. И тогда «неполнота» или «неточность» обращения к Слову понимается как способ погружения произведения в бесконечность Откровения, что требует сотворчества в понимании великих смыслов.

«Сильное предубеждение» героя «против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч.» должно вызывать у читателей и исследователей столь же «сильное» недоумение и неловкое чувство, поскольку такое предубеждение трудно истолковать в пользу героя (между тем такая потребность имеется, ибо понятно, что слова эти *неслучайны*, т. е. выражают не какую-то прихотливую, жестоко-капризную черту во внутреннем мире героя, а содержат смысл более глубокий, чем отношение *люди физически полноценные – физически ущербные*). Высказывание едва ли следует понимать как проявление превосходства здорового организма душевно неразвитого человека над менее «удавшимися» людьми, что не соответствовало бы сути и логике развития образа главного героя. Впрочем, для тех, кто свойственное всем небезупречное нравственное чувство, индивидуалистическую капризность и жестокость вменяют исключительно в вину Печорину, особого противоречия между предубеждением героя и его характером не возникнет. Мы же обратим внимание на «дотошность», с какой герой перечисляет физические недостатки (их семь), – создается впечатление,

что он намерен назвать все, если бы не завершающее ряд демонстративное «и проч.». Следовательно, дело не в том, *какой* физический дефект может быть у человека, а *любой*. Существенно и то, что герой видит «белые глаза», но рассматривает «черты лица»: соображение о потере душой «какого-нибудь чувства» появляется в связи со слепотой мальчика, но не по ее причине – речь идет об общем выражении лица, впечатлении, которое вызывается сочетанием его черт. Тогда «странное отношение между наружностью человека и его душою» может быть прокомментировано следующим образом: уродство есть явленный грех, свидетельство, прежде всего, ущербности души.

«Герой нашего времени» создавался в эпоху формирования гуманизма нового времени, эпоху смягчения жесткой связи между грехом и категорической, явной формой его наказания. Отсюда и любой физический недостаток в человеке следует понимать не как непосредственно выраженный результат греха (что привело бы к полной дегуманизации), а как возможное свидетельство о грехе, если только физическая ущербность находится в «согласии» со всем обликом человека, его поведением и проч. Кстати, у остальных контрабандистов нет явных физических недостатков, но в каждом из них обнаруживается та или иная грань бездушия: обманчивая глухота и закрытость старухи, предполагаемое героем безумие девушки, жестокосердие Янко. Можно полагать, что акцент на связь *физическая ущербность – душевное чувство* при описании внешности мальчика сделан еще и для того, чтобы придать художественную выразительность и достоверность абстрактной идее, отчетливее обозначить тот аспект глубинной темы, состоящий в оппозиции *душа – бездушие*, оппозиции, которая играет смыслообразующую роль во всем пространстве «Тамани».

Таким образом, в художественном мире «Тамани» обнаруживается глубинная, духовная основа. Действия «чувствительного» героя-протагониста безотчетны, но они направлены на преодоление бездушевности регламентированной жизни городка и воинского гарнизона, с одной стороны, и бездушия подвластной хаосу воровской вольницы – с другой. С философских позиций это может быть осознано как потребность в торжестве порядка над хаосом; в душевном плане – как укрепление души, или обретение высшего душевного строя; в духовном – в исцелении греха и преображении человека. Казалось бы, если рассматривать смысл «Тамани» в этих ракурсах, имея при этом в виду его духовный источник в книге Пророка Исаии, то атмосфера повести могла бы быть охарактеризована как ожидание Спасителя. Однако высказанное положение должно быть уточнено: смысл повести погружен во вневременную ситуацию, где Спаситель ожидается, но, непознанный, всегда присутствует в мире. Поэтому, вероятно, некоторые исследова-

тели комментируют мысль Печорина указанием не на книгу Пророка Исаии, а на евангельские тексты. В частности, С. Н. Дурылин указывает на Евангелие от Матфея: «Печорин, иронизируя над чудесностью такой зрячей «слепоты», вспоминает рассказ из Евангелия о том, как Иоанн Предтеча прислал ко Христу своих учеников с вопросом: он ли пришедший Мессия? Христос отвечал: «Идите и возвестите Иоанну, что слышали и видели. Слепые прозирают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат» (Мф. 2:1–5) [Дурылин: 209]. Надо полагать, что именно это повествование пришло на память герою из «Собора Парижской Богоматери», а для юного Лермонтова, читавшего роман В. Гюго, подобное объединение художественного и духовного оказалось плодотворным.

Мы считаем, что еще более дух слов героя в «Тамани» соотносится со следующим местом Евангелия от Луки:

Как написано в книге слов пророка Исаии, который говорит: глас вопиющего в пустыне; и приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему, и узрит всякая плоть спасение Божие (Ис. 40: 3–5) (Лк. 3: 4–6)

В Евангелии от Иоанна также обнаруживаются эти две духовные идеи:

Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте пути Господу, как сказал пророк Исаия (Ис. 40: 3) (Ин. 1: 23).

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него.

Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

Был Свет Истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир (Ин. 1: 7–9).

Как видно, в словах «В тот день немые возопиют и слепые прозрят» озаренность духовным откровением преодолевает характерное для повседневного сознания представление о последовательном, историческом характере осуществления духовных времен. Здесь утверждается мысль о едином времени, о каждом мгновении происходящего как существующего сейчас и всегда. Это соображение, как представляется, важно для уяснения ведущего принципа формирования духовного смысла книги Лермонтова: хотя повести романа и представляют определенные этапы «бытия человека» или «пути Печорина», единая, интегрирующая идея – становление христианского человека – присутствует во всем объеме текста, в каждом его моменте как непрерывная, всепроникающая и целостная.

Так, в «немые возопиют» слышен «глас вопиющего», вопль к Спасителю; в «слепые прозрят» – обретение «Света Истинного», спасение

«всякой плоти». Мысль Печорина, следующего за слепым мальчиком по ночному берегу, выразила глубинную коллизию «Тамани», которую можно интерпретировать в оппозициях: *ночь – день, тьма – свет, ночь духа – свидетельство о Спасителе.*

Л и т е р а т у р а

1. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М.-Л., 1957.
2. *Дурылин С. Н.* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940.
3. *Мануйлов В. А., Миллер О. В.* Комментарий к роману «Герой нашего времени» // М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени». СПб, 1996.
4. *Попов О. П.* Церковнославянизмы в языке М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 1997. № 6.
5. *Савинков С. В.* Еще раз о лермонтовской «Тамани» (Загадка слепого мальчика) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 2. Воронеж, 1994.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Лингвометодические основы создания профессионально ориентированного пособия по русскому языку для иностранных студентов факультетов психологии

© кандидат филологических наук *Е. Н. Виноградова,*
М. А. Ларкина, 2003

В настоящее время «центром притяжения» всех наук является человек. Все научные достижения оцениваются не столько по абсолютной шкале, сколько относительно человека; за последнее столетие возник целый ряд новых научных дисциплин, связанных с более детальным изучением человека и его сознания, таких как психолингвистика, нейролингвистика, нейропсихология, психоакустика и т. д. Подобный антропоцентрический подход является отражением мировоззрения, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания. Причем исследователей интересует не только человек как *homo sapiens*, а в гораздо большей степени человек как личность с системой взглядов, внутренним миром, сознанием, подсознанием.

Неудивительно, что на фоне явных антропоцентрических тенденций во многих отраслях знания усиливается интерес к науке, непосредственно занимающейся человеком, а точнее – психикой человека как свойством самой высокоорганизованной материи – мозга. В последнее время растет количество образовательных учреждений, уделяющих повышенное внимание психологии как науке. Речь идет о различных формах обучения – от тематических кружков, уроков по отдельным проблемам психологии в системе дошкольного и среднего образования до специальных курсов психологии как для студентов вузов, так и в различных формах дополнительного образования – второго высшего, повышения квалификации, различных психологических тренингах и пр. За последнее десятилетие в ряде вузов России появились новые факультеты психологии, поскольку количество студентов, желающих изучать психологию, стабильно растет. Все эти данные еще раз убедительно говорят о повышении интереса к изучению психологии, о том, что психология становится популярной специальностью.

Количество иностранных студентов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова только за последние четыре года выросло почти в

десять раз. Это студенты из Китайской Народной Республики, Республики Кипр, Японии и других стран. Все они сталкиваются с рядом трудностей при изучении русского языка на факультете, главной из которых является недостаточная оснащенность учебного процесса соответствующими средствами обучения. Существует несколько пособий по русскому языку для студентов-иностранцев на материале текстов по психологии¹, однако все они в значительной степени морально устарели: обращает на себя внимание несоответствие текстотеки современному этапу развития психологии, недостаточность целей обучения, заявленных в пособии, неприемлемость некоторых форм представления материала, и, главное, недостаточно явно сформулированная и реализованная коммуникативная направленность обучения. Таким образом, представляется актуальным создание профессионально-ориентированного пособия по русскому языку для иностранных студентов, изучающих психологию и владеющих русским языком в объеме первого сертификационного уровня.

Но каким должно быть это пособие? Прежде всего напомним, что современная теория и методика преподавания РКИ предполагает достижение в ходе учебного процесса коммуникативных целей обучения; мы должны обучать общению на русском языке, коммуникации, т. е. формировать у учащихся коммуникативную компетенцию. Другими словами, основной целью обучения того или иного контингента учащихся можно считать достижение заданного уровня коммуникативной компетенции. Несмотря на то, что это понятие является основополагающим в современной методике преподавания иностранных языков, не все ученые понимают его одинаково. Чаще всего коммуникативная компетенция определяется как «способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся и общества задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [Азимов, Щукин 1999, 109]. Мы будем основываться на определении, отражающем структуру понятия коммуникативной компетенции. «Коммуникативная компетенция – это способность осуществлять речевую деятельность, реализуя коммуникативное речевое поведение на основе языковых, социолингвистических, предметных и страноведческих знаний и с помощью умений, связанных с дискурсивной, иллокутивной и стратегической компетенцией, в соответствии с различными задачами и ситуациями общения в рамках той или иной сферы общения» [Клобукова 2003]. Таким образом, цель пособия – формирование коммуникативной компетенции учащихся, развитие языковых и речевых навыков и умений, связанных с осуществлением учебно-

¹ См. например [Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев 1988].

профессиональной деятельности (восприятие, коммуникативно заданная репродукция и самостоятельное продуцирование текстов учебно-научного плана по курсу общей психологии). Пособие должно обеспечить формирование и развитие речевых навыков и умений во всех четырех видах речевой деятельности – аудировании, чтении, говорении и письме, как в монологической, так и в диалогической формах общения.

Рассмотрим подробнее компоненты коммуникативной компетенции и определим цели нашего пособия относительно каждого компонента.

Формирование языковой компетенции.

Важным компонентом языковой компетенции являются, как известно лексические навыки и умения.

Особое внимание в пособии уделяется терминологической лексике. Пособие организовано по тематическому принципу и состоит из пяти уроков, в каждом учебный материал объединен общей тематикой. Например, урок № 3 включает в себя следующие темы: «Личность», «Характер», «Темперамент». В связи с такой организацией материала термины, относящиеся к одной теме, изучаются вместе, что обеспечивает их лучшее запоминание и позволяет рассмотреть их в системе парадигматических и синтагматических связей: определить типичную сочетаемость, синонимические, антонимические, деривационные отношения. Термины, близкие по значению, сравниваются, выявляются их отличия, область употребления. Ведется целенаправленная работа словообразовательного плана, в некоторых случаях учащиеся работают с комплексными словообразовательными единицами: словообразовательными цепочками, парадигмами, а порой и целыми словообразовательными гнездами того или иного термина. Рациональным представляется также создание терминологического словаря каждого урока и пособия в целом. Таким образом, пособие помогает учащимся овладеть определенным терминологическим минимумом.

Паронимы и паронимасы традиционно вызывают трудности у изучающих иностранный язык. Студенты психологического факультета сталкиваются не только с общеязыковыми паронимическими рядами, но и с паронимическими группами специфическими для подязыка психологии: ср.: *субъективный – субъектный; душевный – духовный; психический – психологический* и др. Таким рядам, а также смысловым различиям их членов в пособии уделяется особое внимание.

Что касается морфологических и синтаксических особенностей языка психологии, то в значительной мере они являются общими для всех гуманитарных наук. В то же время нам удалось обнаружить некоторые, на наш взгляд, специфические черты языка психологии на морфологическом уровне.

Прежде всего обращает на себя внимание достаточно частотное употребление форм множественного числа отвлеченных или абстрактных существительных, которые обычно употребляются исключительно в форме единственного числа. Приведем примеры. *Деятельность человека имеет сложное иерархическое строение. Она состоит из нескольких "слов", или уровней. Назовем эти уровни, двигаясь сверху вниз. Это, во-первых, уровень особенных **деятельностей** (или особых видов деятельности); затем уровень действий; следующий - уровень операций; наконец, самый низкий - уровень психофизиологических функций* [Гиппенрейтер² 2000, 101]; *Основная задача психологии состоит в том, чтобы подвергнуть анализу **состояния и содержания** сознания* [Гиппенрейтер 2000, 29]. В некоторых случаях употребление формы множественного числа типично и для общелитературного языка, но в языке психологии значение формы множественного числа не совпадает с общелитературным значением. Ср.: ... *формирование новых **отношений** к различным обстоятельствам...* [Психологии эмоций 1993, 9]. В форме множественного числа существительное **отношение** имеет следующее общелитературное значение: «взаимное общение, связь между кем-нибудь, образующаяся из общения на какой-нибудь почве» [Ожегов 1984]. Очевидно, что в приведенном примере имеет место другое значение.

Не менее яркой особенностью языка психологии, проявляющейся на словообразовательном уровне, является специфическое образование отглагольных существительных, не используемых в общелитературном языке и не зафиксированных в словарях. Приведем пример. *Ребенок проходит через различные сензитивные периоды с возможным **научением** в эти периоды по типу «запечатления»* [Гиппенрейтер 2000, 255]. Таким образом, приходится признать, что в языке психологии идут специфические словообразовательные процессы, не отмечаемые ни в общелитературном языке, ни в подъязыках других специальностей в рамках научного стиля.

Еще одной специфической особенностью подъязыка психологии является регулярное употребление субстантивированных прилагательных. Ср.: *Рядом с понятиями «личность», «**личностное**» обязательно появляется другое понятие – «**общественно значимое**»* [Гиппенрейтер 2000, 246].

Важной целью обучения является формирование дискурсивной компетенции. В пособии ведется целенаправленная работа над различными средствами связи предложений в тексте. Особое внимание уделяется:

² Большое количество примеров из указанной работы не случайно. Книга «Введение в общую психологию» Ю.Б.Гиппенрейтер является хрестоматийной и используется в первом семестре обучения как основное учебное пособие по курсу «Общая психология».

- тема-рематической организации предложения;
- информативной организации предложения;
- смысловой структуре текста;
- средствам связи внутри текста (как на уровне предложений, так и на уровне сверхфразовых единств).

Это не случайно, ведь на продвинутом этапе, на который рассчитано пособие, «актуальной задачей становится такое построение учебного процесса, когда текст не только является средством обучения, но и выступает в *ы с ш е й е д и н и ц е й о б у ч е н и я*» [Клобукова 1995].

Мы исходим из того, что коммуникативная структура текста обеспечивается рядом факторов, таких как *тема-рематическая* и *информативная* организация, поэтому нам представляется важным обучать построению текстов с типичным развитием информации от «данного» к «новому» и от «темы» к « реме ». Что касается *смысловой* структуры текста, то отметим, что учащиеся должны уметь, с одной стороны, устанавливать логические связи между различными фрагментами текста, а с другой - строить текст, отвечающий логике связи явлений. Для формирования необходимых для этого механизмов используются различные задания, в частности построение текста из его фрагментов (т.е. учащиеся должны научиться использовать различные фрагменты текста как «кирпичики», находить их место при строительстве «дома»). Бесспорно важным в процессе формирования дискурсивной компетенции является обучение использованию необходимых *средств связи внутри текста*, вводящих различные типы информации: основную, дополнительную (пояснительную, иллюстративную и др.), избыточную. Во втором семестре учащиеся начинают осваивать различные средства введения оценочной информации, средства авторизации. Особо необходимо подчеркнуть, что формирование и языковой, и дискурсивной компетенции ведется в ходе обучения адекватному решению различных коммуникативных задач, актуальных для учебно-профессиональной сферы деятельности учащихся-психологов.

Формирование социолингвистической компетенции.

Профессиональная ориентированность пособия указывает на то, что работа с ним способствует формированию у учащихся социолингвистического компонента коммуникативной компетенции, необходимого для адекватного общения в учебной, учебно-научной и учебно-профессиональной сферах деятельности. При этом учитывались коммуникативные потребности учащихся, возникающие в таких ситуациях общения, как на семинарском занятии, на лекции, на зачете, экзамене и др. В пособии представлены фрагменты семинарских занятий, студенты обучаются адекватно реагировать на реплики и вопросы преподавателя, задавать вопросы, участвовать в обсуждении научной проблемы. Необ-

ходимо особо подчеркнуть, что кроме ситуаций официального общения, в пособии представлен также материал, актуальный для неформальной коммуникации студентов в рамках учебной сферы деятельности.

Формирование иллокутивной компетенции связано с решением коммуникативных задач, актуальных в учебно-профессиональной жизни студента. Объем иллокутивной компетенции соответствует требованиям ко II уровню владения русским языком как иностранным с учетом профессиональной ориентации учащегося [Стандарт 2000, 28-32]. На данном уровне владения русским языком иностранец при решении коммуникативных задач должен уметь вербально реализовывать ряд интенций:

- адекватно воспринимать необходимую учебно-профессиональную информацию письменных и звучащих текстов с последующей ее переработкой и изложением в устной и письменной форме;
- участвовать в коммуникации учебно-профессионального характера: устанавливать контакт с собеседником, реагировать на его высказывания;
- давать оценку полученной информации, выражать согласие/несогласие;
- излагать свою точку зрения, разъяснять и уточнять отдельные положения своего высказывания и т.д. См. [Стандарт 2000, 28-32].

Тесным образом с двумя охарактеризованными выше типами компетенций связана стратегическая компетенция, работа над которой в пособии представлена фрагментарно: в качестве обучения средствам выражения переспроса, уточнения информации, запроса более подробной информации, а также различным средствам выражения согласия/несогласия и оценочности.

Страноведческая и социокультурная компетенция формируются в основном в ходе изучения значимых для современного состояния психологии научных концепций российских ученых. Как известно, огромный вклад в развитие психологии как науки внесли работы целого ряда известных советских ученых, работающих в русле психологической теории деятельности. Упомянем таких психологов, как Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин и др. Взгляды этих ученых в той или иной степени представлены в пособии. Отметим, что «главной теоретической канвой книги ([Гиппенрейтер 2000] – *авт.*) явилась психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева» [Гиппенрейтер 2000, 8].

Что касается предметной компетенции, отметим, что принципиальной для нас здесь является проблема межпредметных связей. Пособие соотносится с важнейшим курсом «Общая психология», читаемом в первом семестре на факультете психологии и с курсами «Психология

эмоций» и «Психология мотиваций» во втором семестре. Так, первые три урока пособия посвящены трем основным темам курса «Общая психология»:

1. Развитие представлений о предмете психологии.
2. Психологическая теория деятельности.
3. Личность, характер, темперамент.

Каждый урок включает целый ряд текстов³, посвященных и/или так или иначе соотносящихся с указанными выше темами. Текстовый материал представляет собой минимально адаптированные фрагменты текстов, отобранных из учебных пособий для студентов первого курса факультета психологии: [Гиппенрейтер 2000], [Психология эмоций 1993], [Хекхаузен 1998]. Все пособия были рекомендованы кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, а последовательность расположения текстов соответствует планам семинарских занятий и согласована с кафедрой общей психологии [Планы семинарских занятий 2001].

Таким образом, представляется, что учет всех указанных компонентов коммуникативной компетенции позволяет создать адекватное учебное профессионально-ориентированное пособие по русскому языку для иностранных студентов, изучающих психологию.

Текстотека пособия. Функции текста в пособии многоплановы. Поскольку текст, как отмечалось выше, является не только средством обучения, но и высшей единицей обучения, он выступает в качестве основной единицы организации урока. Текст является источником лексико-грамматического материала, ему подчиняется вся система лексико-грамматических заданий каждого урока. На базе текста формируются и развиваются различные речевые навыки и умения (представлены тексты для разных видов чтения; тексты для аудирования и др.).

Текстотека составлялась с учетом основных требований, обусловленных коммуникативным подходом к процессу обучения: функциональность, адекватность и представительность [Арутюнов, Костина 1992, 85]. Особое внимание уделяется работе, связанной со структурой текста. При этом учащиеся должны уметь определять не только тему текста, но и выделять основные проблемы, поставленные в тексте, а также формулировать его идею.

Что касается использования текстов определенного функционально-стилистического регистра, то необходимо сказать, что уделяется внимание в основном учебно-научным текстам узкоспециального характера, которые по содержанию соотносятся с материалом специальных курсов, читаемых студентам.

³ Подробнее о текстах, используемых в пособии см. ниже, в части «текстотека».

Тексты научно-популярного характера используются как дополнительные (рубрика «Это интересно!»); они позволяют закрепить основной лексико-грамматический материал и в то же время «оживить» занятие. Студенты обычно с интересом относятся к текстам подобного характера, они эффективны при работе над развитием речи учащихся.

В пособии обращается внимание на устные формы научного текста, так как учащиеся должны уметь не только читать и переводить специальную литературу, но и общаться на языке специальности: участвовать в научных дискуссиях, делать доклад, сообщение, отвечать на экзамене, семинарском занятии. Этому помогают образцы устной научной речи (как монологического, так и диалогического характера) и система заданий, обеспечивающая трансформацию письменного текста в устную форму.

В текстовке пособия представлены как устные жанры научной речи (выступление, сообщение, доклад, диалог, обсуждение и др.), так и письменные жанры (план, конспект, тезисы, аннотация).

Что касается степени адаптированности текстов, то в пособии в основном используются тексты минимально адаптированные. Однако в связи со спецификой научного текста и характером поставленных методических задач используются и тексты с элементами моделирования, которое осуществляется только при участии специалистов-предметников. Наряду с адаптированными и смоделированными текстами вводятся фрагменты оригинальных текстов первоисточников, что обусловлено реальными коммуникативными потребностями учащихся. Ряд микро-текстов дается в приложении. Преподаватель может использовать их в качестве дополнительных.

Целям и задачам пособия подчиняется его композиция.

В пособии соблюдается принцип расположения материала по нарастающей трудности, а также принцип повторения и закрепления пройденного, включая отсроченное воспроизведение.

Каждый урок состоит из двух либо трех разделов. Основой I раздела каждого урока является текст (или два текста) для изучающего чтения; основа II раздела – текст для аудирования, III раздела (начиная с третьего урока) – текст для ознакомительного и (или) поискового чтения.

Как уже отмечалось выше, все тексты урока связаны между собой тематически, при этом текст для аудирования, а также тексты для ознакомительного и поискового чтения расширяют информацию предыдущих текстов, предназначенных для изучающего чтения.

Задания, содержащиеся в пособии, могут быть разделены на три типа:

1) предтекстовые задания, функции которых заключаются в следующем: снятие трудностей лексико-грамматического характера, связанных с восприятием текстов для изучающего чтения, овладением грамматическим материалом, представленным в основном в виде таблиц; знакомство с терминологической лексикой; формирование активного словаря учащихся;

2) притекстовые задания (формирование навыков анализа формально-смысловой устроенности и коммуникативной направленности разных типов текста, механизмов развития прогнозирования, смысловой догадки);

3) послетекстовые задания (формирование навыков репродуктивных и продуктивных видов речевой деятельности: в области письменной речи – составление различных видов планов, конспектирование; аннотирование; в области говорения – коммуникативно заданная репродукция прочитанного или прослушанного текста, построение собственного монологического высказывания, участие в диалогических формах общения).

И в заключение выразим надежду, что представляемое пособие будет способствовать повышению эффективности обучения русскому языку профессионального общения иностранных учащихся-психологов, интенсификации учебного процесса.

Л и т е р а т у р а

1. *Азимов Э. Г., Шукин А. Н.* Словарь методических терминов. – Санкт-Петербург, 1999.
2. *Арутюнов А. Р., Костина И. С.* Коммуникативная методика русского языка как иностранного и иностранных языков. Конспекты лекций. – Москва, 1992.
3. *Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. – Москва: ЧеРо, при участии издательства «Юрайт», 2000.
4. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. I и II уровни. Язык специальности. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2000.
5. *Клобукова Л. П.* Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. – Москва, 1995.
6. *Клобукова Л. П.* Структурный анализ коммуникативной компетенции с учетом особенностей реальной коммуникации. // Проблемы коммуникации в современном социуме. – Болгария, Шумен, 2003.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. / Под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва: Русский язык, 1984.
8. Планы семинарских занятий по курсу «Общая психология» – факультет психологии МГУ. – М., 2001.
9. Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев (на материале текстов по общей психологии). / Под редакцией М. Н. Рудковской. – Москва, Изд-во Московского университета, 1988.
10. Психология эмоций. Тексты. / Под редакцией В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер – Москва, 1993.
11. *Хекхаузен Х.* Психология мотиваций. – Москва, 1998.

Специфика формирования языкового компонента коммуникативной компетенции при обучении иностранных студентов-психологов

*© кандидат филологических наук Е. Н. Виноградова,
М. А. Ларкина, 2003*

В данной статье рассматриваются некоторые особенности формирования языковой компетенции учащихся, являющихся студентами психологических факультетов.

Известно, что определенный стиль «работает» в определенной сфере деятельности людей. Каждый стиль имеет свои особенности отбора и использования языкового материала, что определяется задачами общения.

В рамках научного стиля речи выделяются различные подстили (одним из которых является научно-гуманитарный подстиль), а также подязыки отдельных специальностей (например, психологии). Преподавание русского языка студентам различных специальностей имеет свою специфику, проявляющуюся в процессе формирования как речевой, так и языковой компетенции учащихся.

При обучении русскому языку с учетом получаемой специальности (в данном случае – психологии¹) обращается внимание как на общие особенности научного стиля речи, так и на специфические для данного языка специальности черты (на материале узкоспециальных текстов).

Необходимо учитывать и тот факт, что иностранные учащиеся должны научиться различать языковые подсистемы, переключаться с одной системы на другую и использовать разные языковые подсистемы в различных ситуациях общения.

Как известно, лингвистическая (языковая компетенция) является важнейшей структурной составляющей коммуникативной компетенции. Под языковой компетенцией обычно понимается «способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения, актуальных для научного стиля и уже – языка той или иной специальности» [Клобукова 1995].

¹ Авторы готовят профессионально-ориентированное пособие по русскому языку для иностранных учащихся факультетов психологии.

И. В. Михалкина рассматривает языковую компетенцию как базисный компонент коммуникативной компетенции, предполагающий «знание категорий и единиц языка всех уровней (фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического) и их функций, а также правил оперирования языковыми единицами для построения высказываний разных иерархических ступеней и их понимания...» [Михалкина 1994, 24].

Определенный уровень языковой компетенции показывает уровень овладения языковым содержанием обучения, а также степень сформированности навыков и умений использования языка для решения экстралингвистических задач.

Необходимо отметить тот факт, что языковой материал, отбираемый для обучения языку специальности студентов гуманитарного профиля, примерно одинаков. Его отбор происходит с учетом основных стилевых черт научного стиля речи. Например, одной из стилевых черт, которые должны учитываться при обучении профессиональному общению на русском языке, является абстрактность (абстрагизация), или обобщенность изложения материала. С этим связан отбор определенных морфологических форм и синтаксических конструкций (более часто используются имена существительные среднего рода, формы 3 лица, пассивные конструкции, безличные предложения и т. д.). Но обращают на себя внимание и некоторые специфические особенности языка специальности.

1. Важным компонентом языковой компетенции являются, как известно лексические навыки и умения.

1.1. При создании профессионально-ориентированного пособия для иностранных студентов всех гуманитарных специальностей особое внимание должно уделяться терминологической лексике. Наиболее удобной организацией материала в данном случае является тематический принцип, т. е. в каждом уроке² учебный материал объединен общей тематикой. В связи с такой организацией материала термины, относящиеся к одной теме, изучаются вместе, что обеспечивает их лучшее запоминание и позволяет рассмотреть их в системе парадигматических и синтагматических связей: определить типичную сочетаемость, синонимические, антонимические, деривационные отношения. Термины, близкие по значению, сравниваются, выявляются их отличия, область

² Об основных принципах создания такого пособия см. подробнее в статье «Лингвометодические основы создания профессионально ориентированного пособия по русскому языку для иностранных студентов факультетов психологии», представленной в данном сборнике.

употребления. Ведется целенаправленная работа словообразовательного плана, в некоторых случаях учащиеся работают с комплексными словообразовательными единицами: словообразовательными цепочками, парадигмами, а порой и целыми словообразовательными гнездами того или иного термина. Рациональным представляется также создание терминологического словаря каждого урока и пособия в целом. Таким образом, пособие помогает учащимся овладеть определенным терминологическим минимумом.

Отметим, что таким принципам изучения терминологической лексики отвечает большинство современных профессионально-ориентированных пособий для иностранных учащихся гуманитарного профиля.

1.2. Среди лексических особенностей языка психологии, которые необходимо учитывать при обучении иностранных студентов, наряду с общеязыковыми паронимическими группами, обращают на себя внимание паронимы, специфичные для подязыка психологии. Ср.: *субъективный – субъектный; душевный – духовный; психический – психологический* и др. Отметим, что часто паронимы не дифференцируются самими учеными-психологами. Ср.: ... *субъект способен к опосредованному поведению...* [Гиппенрейтер 2000, 293]. На той же странице Ю. Б. Гиппенрейтер пишет: ... *во втором признаке также имеется в виду опосредствованное поведение, подчеркивается именно сознательное опосредствование.* В [Ожегов 1988] представлен лишь второй вариант.

2. Что касается морфологических особенностей языка психологии, то в значительной мере они являются общими для всех гуманитарных наук. В то же время нам удалось обнаружить некоторые, на наш взгляд, специфические черты языка психологии на морфологическом уровне.

2.1. Прежде всего обращает на себя внимание достаточно частотное употребление форм множественного числа отвлеченных или абстрактных существительных, которые обычно употребляются исключительно в форме единственного числа. Ср. след. примеры. *Под психофизиологическими функциями в теории деятельности понимаются физиологические обеспечения психических процессов. К ним относятся ряд способностей нашего организма, такие, как способности к ощущению, к образованию и фиксации следов прошлых воздействий, моторная способность и др.* [Гиппенрейтер 2000, 112]; *Первое рождение личности знаменуется первыми подчинениями непосредственных побуждений социальным нормам* [Гиппенрейтер 2000, 296]; *Н. А. Бернштейном был предложен совершенно новый принцип управления движениями; он назвал его принципом сенсорных коррекций, имея в виду коррекции,*

вносимые в моторные импульсы на основе сенсорной информации о ходе движения [Гиппенрейтер 2000, 139].

2.2. Не менее яркой особенностью языка психологии, проявляющейся на словообразовательном уровне, является специфическое образование отглагольных существительных, не используемых в общелитературном языке и не зафиксированных в словарях. В языке психологии часто образуются отглагольные существительные, не используемые в общелитературном языке и не зафиксированные в словаре [Ожегов 1984]. Приведем примеры. *Дело в том, «представляемый результат» (цель) действия может быть любым, а не только биологическим, как, например, получение пищи, избегание³ опасности и т. д.* [Гиппенрейтер 2000, 104]; *Фундаментальное свойство субъективных явлений – их непосредственная **представленность** субъекту* [Гиппенрейтер 2000, 20] (данное употребление не отмечено в словарях); *Мнемический прием – **ассоциирование** с чем-то хорошо знакомым* [Гиппенрейтер 2000, 112]. В следующем примере не только образовано новое существительное, но и употреблено во множественном числе. *Специфическое различие между эмоциями и инстинктами заключается в том, что эмоция есть стремление к **чувствованиям**, а инстинкт – стремление к действиям при наличии⁴ известного объекта в окружающей обстановке* [Психология мотивации и эмоций 2002, 91].

Таким образом, приходится признать, что в языке психологии идут специфические словообразовательные процессы, не отмечаемые ни в общелитературном языке, ни в подъязыках других специальностей в рамках научного стиля. Отметим также факты нетипичного образования глаголов: *... тревожно **вчувствываясь** в них, он еще более их расстраивает...* [Гиппенрейтер 2000, 272].

2.3. Еще одной специфической особенностью подъязыка психологии является регулярное употребление субстантивированных прилагательных. Ср.: *Рядом с понятиями «личность», «личностное» обязательно появляется другое понятие – «**общественно значимое**»* [Гиппенрейтер 2000, 246]. Очень частотное употребление следующих субстантивированных прилагательных: *бессознательное, сознательное, неосознаваемое, генотипическое, биологическое* и пр.

³ Ср. с общелитературным существительным *избежание*.

⁴ Отметим, что относительно существительного *наличность* в [Ожегов 1988] дается помета *офици.*, что также не совсем соответствует указанному употреблению.

Л и т е р а т у р а

1. *Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций. – Москва: ЧеРо, при участии издательства «Юрайт», 2000.
2. *Клобукова Л. П.* Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. – Москва, 1995.
3. *Михалкина И. В.* Коммуникативное и языковое содержание обучения профессиональному общению специалистов в области внешнеэкономических связей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 1994.
4. Психология эмоций и мотиваций / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и М. В. Фаликман. – Москва: ЧеРо, 2002.